

Russian Academy of Sciences  
Institute of Philosophy

**BIOETHICS AND HUMANITARIAN  
EXPERTISE**

**Volume 4**

Moscow  
2010

Российская Академия Наук  
Институт философии

# **БИОЭТИКА И ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА**

**Выпуск 4**

Москва  
2010

УДК 171  
ББК 87.7  
Б 63

**Ответственный редактор**

доктор филос. наук *Ф.Г. Майленова*

**Рецензенты**

доктор филос. наук *В.И. Аришинов*

доктор филос. наук, кандидат мед. наук *А.Я. Иванюшкин*

Б 63

**Биоэтика** и гуманитарная экспертиза. Вып. 4 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2010. – 255 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0174-7.

Четвертый выпуск сборника посвящен анализу актуальных аспектов развития гуманитарной экспертизы, а также проблемам биоэтики и виртуалистики. Особое внимание авторы уделяют проблемам соотношения рационального и иррационального в различных аспектах человеческой жизни: телесности, социуме, властных структурах, обучении, творчестве. Комплексный подход к изучению проблем человека находит свое воплощение в материалах, посвященных модификации человеческой природы.

## Содержание

Предисловие (Майленова Ф.Г.).....	7
-----------------------------------	---

### КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

<i>Юдин Б.Г.</i> Об ответственном поведении исследователей .....	13
<i>Тищенко П.Д.</i> Жизнь и власть: био-власть в современных структурах врачевания.....	39
<i>Белялетдинов Р.Р.</i> Этическое регулирование нанотехнологий: исследовательская этика или наноэтика? .....	68
<i>Майленова Ф.Г.</i> Влияние системы убеждений на отношение к боли.....	75
<i>Белкина Г.Л., Корсаков С.Н.</i> И.Т. Фролов о роли гуманистических ценностей в научном познании.....	90

### ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ БИОЭТИКИ И ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

<i>Тищенко П.Д.</i> Биоэтика: опыт археологии .....	102
<i>Майленова Ф.Г.</i> Современная гипнотерапия и дзэн-буддизм .....	127
<i>Гребенщикова Е.Г.</i> Трансдисциплинарные основания биоэтического знания .....	139
<i>Моисеев В.И.</i> Интервальный подход и гуманитарная экспертиза .....	153
<i>Ашмарин И.И., Степанова Г.Б.</i> Нанотехнологии в оценках студентов-биологов и студентов-физиков .....	173

### ПРОБЛЕМЫ ВИРТУАЛИСТИКИ

<i>Юрьев Г.П.</i> Теоретическое обоснование НЛП и этической шизофрении в парадигме III сигнальной системы.....	193
<i>Пронин М.А.</i> Водка-менеджмент, или Антропология русского застолья.....	211
<i>Чеснов Я.В.</i> Мимесис или метателесность.....	233
Summary .....	250
Об авторах.....	254

## Content

Preface ( <i>Maylenova F.G.</i> ) .....	7
---	---

### COMPLEX HUMAN STUDIES

<i>Yudin B.G.</i> On Responsible Conduct of Research .....	13
<i>Tishchenko P.D.</i> Life and Power: Bio-power in Modern Structures of Medical Help .....	39
<i>Belyaletdinov R.R.</i> Ethical Regulation of Nanotechnologies: Research Ethics or Nanoethics .....	68
<i>Maylenova F.G.</i> Influence of Belief System on the Attitude to Pain .....	75
<i>Belkina G.L., Korsakov S.N.</i> Frolov's View on the Role of Humanitarian Values in Scientific Cognition .....	90

### HISTORY AND PHILOSOPHY OF BIOETHICS AND HUMANITARIAN EXPERTISE

<i>Tishchenko P.D.</i> Bioethics: Case of Archeology .....	102
<i>Mailenova F. G.</i> Modern Hypnotherapy and Zen Buddhism .....	127
<i>Grebenshchikova E.G.</i> Transdisciplinary Foundations of Bioethical Knowledge.....	139
<i>Moiseev V.I.</i> Interval Approach and Humanitarian Expertise .....	153
<i>Ashmarin I.I., Stepanova G.B.</i> Nanotechnologies and their Estimation by Students-biologists and Students-physicists.....	173

### PROBLEMS OF VIRTUALISTICS

<i>Yuryev G.P.</i> Theoretical Substantiation NLP and Ethical Schizophrenia in Paradigm of III Signal System .....	193
<i>Pronin M.A.</i> Vodka-management or Anthropology of Russian Feast .....	211
<i>Chesnov Ya.V.</i> Mimesis and Meta-corporality, and What Else?.....	233
Summary .....	250
About authors.....	255

## Предисловие

Сборник представляет результаты работы главным образом сотрудников сектора гуманитарной экспертизы и биоэтики ИФ РАН в 2009 г. Авторы представляют широкое тематическое разнообразие в изучении философских аспектов биоэтики и гуманитарной экспертизы. Дается интересный философско-антропологический анализ фундаментальных проблем комплексного изучения человека. Сборник состоит из трех частей.

**Первая часть «КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА»** открывается статьей руководителя отдела чл.-корр. РАН **Юдина Б.Г. «Об ответственном проведении исследований»**, по сути объединяющей весь сборник. Затронутая тема особо актуальна в наши дни и жизненно важна для защиты авторитета науки и обеспечения принципов гуманизма научных исследований. Экспертные оценки научного сообщества призваны сыграть решающую роль в борьбе за честное, ответственное проведение научных исследований, включая активное противостояние попыткам представить в качестве научных открытий то, что на самом деле является результатом подлога, фальсификации или плагиата.

В предлагаемой читателю статье **Тищенко П.Д. «Жизнь и власть: биовласть в современных структурах врачевания»** дано описание еще недостаточно обсужденного аспекта аппаратов биовласти, связанных с трансформаций базисных структур медицинских практик, в результате которых меняется характер массового производства субъект-объектного различия – биополитических аппаратов идентификации и самоидентификации. Пространство современной медицины гипотетично представлено сочетанием полиморфных структур трех моделей – медицинской, социальной и экзистенциальной. Каждая из моделей предлагает свою особую схему субъективации и объективации – произведения субъекта и объекта телесного страдания как особых социальных конструкций, специфика которых определяется особенностями понимания целей врачевания.

В статье **Белялетдинова Р.Р. «Этическое регулирование нанотехнологий: исследовательская этика или наноэтика?»** рассматриваются современные подходы к этике нанотехнологий и приводятся примеры регулирования развития нанотехнологий. Рост нанотехнологических исследований и производство продук-

ции с их использованием сопряжены с осознанием новых рисков, связанных с внедрением нанотехнологий. Программы этического регулирования нанотехнологий не только фиксируют направления, которые должны быть предметом этического регулирования, но и инициируют дискуссии об эффективности существующей системы этической экспертизы, de facto применяемой для оценки разработок с использованием нанотехнологий.

**Майленова Ф.Г.** в статье «**Влияние системы убеждений на отношение к боли**» раскрывает различные аспекты, в том числе этические, отношения к такому явлению, как эмоциональная боль. Отношение человека к душевной и физической боли различно. К физической боли легче отнестись как к объекту, не идентифицируя себя с ней. Болезнь, касающаяся тела, – если, к примеру, у кого-то болят зубы или голова – это всего-навсего боль, которую можно вылечить или терпеть, зачастую от нее можно отвлечься и думать о ней как о чем-то отдельном от человека. А душевнобольной – это уже не вполне человек, тут затронута личность, образ «Я». Поэтому человек склонен идентифицировать себя со своей душевной болью, страданиями и, если не может с ними справиться, полагает, что он не справляется в целом со своей жизнью. Психотерапия пытается помочь человеку избавиться от душевной боли, и существуют две противоположные точки зрения на то, как человеку правильно к ней относиться. Первая предполагает, что личность полностью ответственна не только за свою боль, но и за боль других людей, что объединяет ее с экзистенциальной этикой и философией. Другая точка зрения, подкрепленная годами практики и теории психоанализа, напротив, полагает, что ответственность за страдания несут другие: боги, родители, общество, система воспитания и пр. Анализ этической ценности обеих точек зрения предлагается в данной статье.

В совместной статье **Белкиной Г.Л. и Корсакова С.Н.** «**Фролов И.Т. о роли гуманистических ценностей в научном познании**» представлен подход И.Т.Фролова к данной проблематике в контексте современных дискуссий о соотношении познания и ценностей. Соответственно в познании, объектом которого стал человек, ценности включаются в само «тело» науки и на стадии постановки проблемы, и при выборе путей познания, и при использовании обществом полученных наукой результатов.

Вторая часть сборника **«ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ»** открывается статьёй **Тищенко П.Д. «Биоэтика: опыт археологии»**. Содержание концепта «археология» определяет специфику предложенного автором философского анализа оснований биоэтики как опыта инакомыслия, каковые оказываются и априорными (претендующими на всеобщность), и апостериорными (зависящими от особенностей пути выдвижения к ним). К условиям возможности опыта инакомыслия, составляющего специфику оснований биоэтики, относятся: а) осуществляющаяся в *conatus'e* (**усилии/порыве к бытию**) конечного человеческого существа нетематическая, живая функционирующая деятельность, разворачивающаяся в профанной речи как форме живого слова и являющаяся предпосылкой и опорой любой речи экспертов в вопросах истины и блага (основание их неприязнительности); б) беседа как деятельная форма живого слова, продуцирующая непредусмотренные экспертным усмотрением результаты; в) желание сказать и быть услышанным, впутывающее беседующих в беседу, в которой реализуется фундаментальный импульс культуры к «одомашниванию» реальности в себе и вне себя; г) спор культурных порядков по поводу схватывания смысла (того, о чём идёт речь), воплощенный (телесно укоренённый) в неслышной и безвидной «беседе» глаза и уха; д) публикация как радикальная жертва «я», раскрывающая онтологически укоренённое место для другого – инако-мыслящего существа.

Проблемам соотношения некоторых принципов практики дзэн-буддизма и психотерапии, преимущественно наиболее ее загадочной части – гипнотерапии – посвящена статья **Майленовой Ф.Г. «Современная гипнотерапия и дзэн-буддизм»**. Проникновение дзэн-буддизма в область практической психотерапии началось в 50-е годы прошлого столетия. В те годы еще не было столь широкого разнообразия психотерапевтических школ, и повсеместно царила психодинамическая теория с ее центральной идеей инсайда. В то время дзэн с его нацеленностью на действие казался прямой противоположностью классической психотерапии. Существование здесь-и-теперь, к которому подводит дзэн-практика, также не совпадает с постоянной направленностью в прошлое, присущее психоанализу. Тем не менее можно найти нечто общее даже в таких столь непохожих системах. Стремление понять, интерпрети-



ровать символы и знаки, предлагаемые бессознательным, а самое главное – пристальное внимание к процессам, протекающим в бессознательном, по сути присуще и психоанализу, и дзэн-буддизму.

**Статья Гребенщиковой Е.Г. «Трансдисциплинарные основания биоэтического знания» посвящена** сравнительному анализу биоэтики и трансдисциплинарности. Последнее обстоятельство позволяет оценить эффективность стратегий синтеза дисциплинарного знания и структур обыденного опыта (сферы жизненного мира), обосновать специфику биоэтического знания как феномена современной науки, соответствующего Второму типу производства знания (M. Gibbons et al. 1994). Отмечается, что коммуникативный характер трансдисциплинарных стратегий познания согласуется с установками биоэтики на сопряжение естественнонаучного, социокультурного и обыденного уровней знания участников «общения без обобщения».

Принципы интервального подхода в биоэтике как возможная методология гуманитарной экспертизы интерпретируются в статье **Моисеева В.И. «Интервальный подход и гуманитарная экспертиза»**. Биоэтический дискурс рассматривается им как существенно антиномичный, разрешение проблем которого, с точки зрения автора, возможно в рамках так называемого «интервального подхода» (Новоселов, Лазарев, Киященко, Моисеев). В нём антиномические концепты (антиномы) разрешаются в рамках интервалов – систем условий, в контексте которых каждый антином образует свое относительно непротиворечивое представление. Исследуются виды антиномов – биоэты, глоболоки и др.

**Ашмарин И.И. и Степанова Б.Г.** в статье **«Нанотехнологии в оценках студентов-биологов и студентов-физиков»** рассматривают нанотехнологии в контексте современных гуманитарных проблем.

Приведены результаты эмпирического исследования представлений студентов биологического факультета МГУ и МИФИ о нанотехнологиях, а также их оценок возможностей и последствий применения нанопродукции. Показан уровень осведомленности студентов в следующих областях:

- физические и биологические основы нанотехнологий,
- сферы практического применения нанотехнологий,

- воздействие нанопродукции на здоровье ее создателей и потребителей,
- доступность нанопродукции для различных социальных слоев,
- воздействие нанопродукции на генетическую и психическую природу человека,
- факторы риска для человека при внедрении нанотехнологий,
- необходимость всесторонней и гласной оценки возможных негативных последствий внедрения нанотехнологий в повседневную жизнь человека.

**Третья часть** сборника «ПРОБЛЕМЫ ВИРТУАЛИСТИКИ» посвящена работам исследовательской группы виртуалистики.

В статье **Юрьева Г.П. «Теоретическое обоснование НЛП и этической шизофрении в парадигме III сигнальной системы»** даётся теоретическое обоснование биоэтической III сигнальной системы (III СС), которая выполняет важнейшие коммуникативные, регулятивные и управляющие функции для целей выживания индивида и социально-этических достижений на пути индивидуальной жизненной траектории. Многокомпонентный язык коммуникаций III СС формирует особый тезаурус метафор, пословиц, поговорок, иносказаний, жестов и их символических аналогов – это специфический язык метода нейро-лингвистического программирования (НЛП), основанного на коммуникативно-терапевтической модели М.Эриксона. Известны и поддаются коррекции нарушения I СС и II СС (по И.П.Павлову). В развитие модели Г.Бейтсона о психологической шизофрении как результате «двойного посыла» в близкородственных коммуникациях, автор статьи обосновывает модель этической шизофрении как универсальное нарушение функции III СС по типу «биоэтических мутаций». Даются сведения о возможностях объективного измерения некоторых параметров III СС с помощью инструментальных методов «эгоскопия» и «цветография».

**Пронин М.А.** в статье «Водка-менеджмент, или Антропология русского застолья» раскрывает метафизику российского алкогольного стола. При этом он отмечает, что почти все современные теоретические модели управления, как западные, так и отечественные, в системном плане характеризуются меньшим разнообразием, чем пространственные конфигурации русского душевного застольного разговора. Общеизвестно, что неписанные правила

открываются отнюдь не всегда и не каждому, причем чаще всего в устной коммуникации. Иными словами, они относятся к сокровенному знанию. Во время короткого «откровения» приоткрывается дверь в интимный мир развертывания коллективной телесности, сознания и личности в духовном пространстве застольной встречи. В мир превращений и движений времени за российским столом, что не менее занимательно и уж совсем не очевидно. Вообще, настоящая пьянка определяется совсем не дозой выпитого. Раскрытие ее антропологической анатомии направлено на углубление понимания интимных, скрытых пружин, дающих дополнительную мощь российским управленцам. Любой руководитель знает, что его человеческий посыл должен быть сильнее, шире и глубже профессионального: именно это привлекает к нему людей, время, пространство и блага. А посему статья, как полагает автор, поможет руководителям в проработке философии своей жизни: в умении видеть, находить и выстраивать правду и красоту человеческих отношений. Завершает раздел статья **Чеснова Я.В. «Мимесиз, метателесность или что еще?»** В религиозно-философских системах народов Севера мы находим странный символ медведя. Но не только. Он явно чтим и в Поволжье, и на Кавказе. Заглядывал в Иран и другие южные страны. У греков была эксцентричная богиня-медвежатница Артемида, целомудренная, но помогавшая роже-ницам. На Севере именно эту функцию почему-то берут на себя медведь и шаман. Автор в статье развивает концепцию единых истоков миметического и метателесного мышления. Надежной основой натурфилософии стал анимализм. Все эти исторические пласты дети экзистенциально соединяют в образе симпатичного и любимого Мишки.

Объединение под одной обложкой столь разнообразных как по жанру, так и по содержанию текстов налагает дополнительную ответственность на авторов статей. Хочется надеяться, они эту ответственность осознают и, прежде чем предлагать для публикации, подвергают свои тексты строгой внутренней экспертизе. Последнее слово в оценке текста, как всегда, остается за читателем.

Ответственный редактор *Ф.Г. Майленова*

# КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

*Б.Г. Юдин*

## **Об ответственном поведении исследователей**

Стремительно растущая роль науки в современном обществе приводит к появлению все новых, подчас весьма неожиданных проблем. Одной из таких проблем, привлекающих все большее внимание не только научного сообщества, но и государственных структур, ответственных за формирование и реализации политики в области науки, и в конечном счете за общество в целом, становится сегодня проблема честности, добросовестности при проведении исследований и публикации их результатов (scientific integrity).

## **Профессиональная ответственность ученого**

Безусловно, проблема честности в исследованиях существует столько же, сколько существует сама наука. В истории науки зафиксировано немало эпизодов, когда исследователи шли на обман, подтасовку данных.

Напомним в этой связи лишь один пример: эксперименты, которые в 20-е гг. XX в. проводил австрийский биолог Пауль Каммерер (1880–1926), сторонник концепции наследования приобретенных признаков. Он разводил земноводных в условиях, которые были резко отличны от естественной среды обитания, и изучал изменения, происходящие при этом в их потомстве. В частности, по данным Каммерера, у жабы-повитухи таким приобретенным признаком, возникшим под воздействием измененной среды, стала черная подушечка на лапке. Однако через некоторое время в журнале «Nature» появилось сообщение Глэдвина Ноубла, куратора от-

дела рептилий Американского музея естественной истории, о том, что причиной черного пятна стала тушь, впрыснутая животному<sup>1</sup>. Вскоре после этого Каммерер совершил самоубийство.

В прошлом, однако, такого рода эпизоды вызывали интерес лишь у членов научного сообщества. Дело в том, что каждый его представитель в своей деятельности не может не опираться на результаты исследований, проведенных ранее его коллегами. Сама возможность поступательного развития науки, иными словами, существенным образом зависит от взаимного доверия членов сообщества.

Конечно, в научном сообществе всегда так или иначе осознавалось то обстоятельство, что время от времени имеют место недобросовестные, недостоверные исследования, факты подтасовки, фальсификации результатов, плагиата и т. п. Так, американский социолог науки Р.Мертон, который ввел понятие «этоса науки» и составляющих его норм, характеризовал такое поведение как отклоняющееся.

Первопричину его Мертон видел в чрезмерной приверженности такой важной для развития научного познания ценности, как оригинальность. Чем больше ученый привержен этой ценности, тем более он озабочен успешным исходом своего исследования и эмоционально раним неудачей. Мертон различал активное и пассивное отклоняющееся поведение, при этом в качестве примеров первого приводил подтасовку и фальсификацию данных, их выборочное представление с замалчиванием неудачных результатов, плагиат, распространение порочащих сведений о коллегах. Мертон считал такое поведение редким, но в то же время подчеркивал слабость ценностных систем в поддержании социального порядка<sup>2</sup>.

А вот как характеризует ту же проблему В.С.Стёпин «...важным принципом научного этоса, – отмечает он, – является требование научной честности при изложении результатов исследования. Ученый может ошибаться, но не имеет права подтасовывать результаты, он может повторить уже сделанное открытие, но не имеет права заниматься плагиатом»<sup>3</sup>.

«Конечно, – продолжает далее Стёпин, – требование недопустимости фальсификаций и плагиата выступает как своеобразная презумпция науки, которая в реальной жизни может нарушаться»<sup>4</sup>.

Пренебрежение этими нормами научной добросовестности чревато негативными последствиями как для самого нарушителя, так и для научного сообщества. Нарушитель – в случае, если его проступок будет обнаружен, – может подвергнуться санкциям со стороны коллег. Что касается сообщества, то подтасованные или сфальсифицированные данные могут, если на них будут опираться в своих исследованиях коллеги нарушителя, породить целую цепь недостоверных результатов.

Впрочем, в той мере, в какой эти негативные последствия не выходят за пределы научного сообщества, можно рассчитывать на то, что действующие внутри него механизмы самокоррекции позволят достаточно быстро преодолеть эти последствия. Действительно, чем более значимым сфальсифицированный результат представляется с точки зрения тех исследований, которые проводятся на переднем крае науки, чем, следовательно, в большей мере он будет использоваться в этих исследованиях, тем скорее будет обнаружена его ненадежность. В то же время сфабрикованный результат в публикации, которая не вызвала никакого отклика со стороны коллег, окажется – именно в силу его не востребоваваемости – безвредным для сообщества.

В последние десятилетия, однако, ситуация быстро и резко меняется, поскольку вопрос о достоверности научных данных или, что примерно то же самое, о добросовестности исследователей становится жизненно важным не только с внутринаучной точки зрения, но и для всего общества в целом. В своих взаимоотношениях с последним наука начинает выполнять все более широкий круг функций. Поэтому в дальнейшем речь пойдет о моральной ответственности исследователей, во-первых, перед своими коллегами, т. е. об их профессиональной ответственности, и, во-вторых, перед обществом, т. е. о социальной ответственности.

Вообще говоря, для того, чтобы осмысленно говорить об этическом измерении науки, необходимо выявить в ней то, что относится к взаимоотношениям и взаимодействиям между людьми, т. е. ее *социальную составляющую*. Обнаружить ее особенно легко, коль скоро речь идет о науках, изучающих человека и общество. Что же касается естествознания, то и здесь в деятельности исследователя, изучающего природу, анализ позволяет найти то, что относится к межчеловеческим взаимоотношениям.

Действительно, в фокусе интересов исследователя – объекты, явления и процессы природы, которые ему надлежит описывать и объяснять; именно с ними он имеет дело, к ним относятся те научные проблемы, которые он ставит и решает. И от того, насколько успешно он это делает, зависит его признание...

Попробуем, впрочем, остановиться здесь и задуматься. Ведь признание – это оценка, которую выносит кто-то другой или другие. А это значит: то, что делает ученый, даже если он действует в одиночку, так или иначе адресовано другим. Можно, впрочем, попытаться представить исследователя, который озабочен только получением новых знаний, но никак не тем, чтобы передать их другим. В этом случае, однако, тот результат, который он получит, не сможет стать научным знанием, поскольку не получит одобрения и, между прочим, не пройдет критическую проверку со стороны коллег.

Заметим далее, что, как известно, учеными люди не рождаются, а становятся. Безусловно, для этого важно обладать определенными способностями и задатками. Как говорит современная генетика, многие из них являются врожденными. Тем не менее, помимо способностей, любому одаренному человеку необходимо еще изучить ту область знания, в которой он намерен делать открытия. А это значит – приобщиться к тому, что было сделано предшественниками. В свое время Ньютон говорил, что все его научные результаты были получены благодаря тому, что он стоял на плечах гигантов – тех, на чьи результаты он опирался. В этих словах не только констатируется, что достижения предшественников являются той основой, вне которой невозможно получение нового знания; Ньютон вместе с тем высказывает и определенное моральное суждение, говоря о долге уважения по отношению к ним.

В то же время и научный результат, к получению которого стремится исследователь, всегда так или иначе адресован другим людям. В первую очередь это его коллеги, которые будут знакомиться с научной статьей, излагающей этот результат, сначала в качестве рецензентов научного журнала, т. е. тех, кто оценивает статью как достойную быть опубликованной, затем как читатели журнала, которые будут подвергать ее критическим проверкам и использовать как одно из оснований для дальнейших исследований.

Если же полученный результат обладает особой значимостью, круг его пользователей будет намного шире. Это могут быть студенты, которые будут его осваивать, готовясь к самостоятельной научной деятельности. Это могут быть и те, кто будет искать его технологические приложения. Это, наконец, может быть широкая публика, коль скоро новое знание касается вещей, важных для понимания человеком самого себя и для его ориентации в окружающем мире.

Итак, получаемый в ходе исследования научный результат всегда должен быть выражен, изложен, сформулирован таким образом, чтобы он мог быть воспринят, понят, усвоен другими. Собственно говоря, каждый такой результат оформляется в виде некоторого утверждения, высказывания, которое строится при помощи языка – специализированного, профессионального языка, характерного для данной области знания, либо иногда обыденного, общеупотребительного языка. Но это как раз и свидетельствует о его адресованности другому – слушателю либо читателю.

Важно иметь в виду, что эта адресованность, направленность научного результата на восприятие другими имеет место независимо от того, осознает или нет данное обстоятельство сам исследователь. Заметим, кстати, что часто ученые не только весьма четко осознают это, но и используют, так или иначе делая свои результаты более привлекательными, с тем чтобы обеспечить их более успешное продвижение в конкурентной борьбе с коллегами. Ориентированность научного результата на то, чтобы он смог быть воспринят другими, выступает в качестве *необходимой предпосылки* той деятельности, которой занимается ученый. Поэтому, нисколько не ставя под сомнение тот факт, что научные достижения всегда имеют вполне конкретных авторов, мы можем сказать, что в них аккумулируются усилия многих предшественников и современников и что со всей полнотой их смысл раскрывается в том, что впоследствии, опираясь на них, делают другие. Вот как писал К.Маркс: «Но даже и тогда, когда я занимаюсь *научной* и т. п. деятельностью – деятельностью, которую я только в редких случаях могу осуществлять в непосредственном общении с другими, – даже и тогда я занят *общественной* деятельностью, потому что я действую как человек»<sup>5</sup>.

Итак, научная деятельность – в том числе и в тех ее формах, которые связаны с получением фундаментальных знаний, – с неизбежностью включает в себя то, что касается социальных взаи-



модействий и взаимоотношений. И это обстоятельство позволяет сделать принципиальный вывод: *научная деятельность вполне может быть объектом моральных суждений и оценок.*

Можно, впрочем, не ограничиваться этим утверждением, а пойти дальше и говорить о том, что *этическая составляющая не только допустима и возможна, – она, более того, представляет необходимое условие научной деятельности.* Для того, чтобы обосновать это положение, необходимо отметить то обстоятельство, что взаимоотношения в научном сообществе во многом строятся на *доверии* между его членами.

Мы уже упоминали о том, что новый научный результат, после того как он публикуется и становится достоянием научного сообщества, может подвергаться критической проверке со стороны коллег. Строго говоря, такого тщательного испытания требует *каждый* научный результат – только после этого он может быть включен в существующий массив научного знания. Это условие, впрочем, нереалистично: если бы таким образом действительно проверялся каждый результат, у исследователей попросту не оставалось бы времени ни на что другое, включая получение новых знаний. Поэтому у них нет другого выхода, кроме того, чтобы доверять данным, которые сообщают их коллеги.

Вообще-то говоря, у членов научного сообщества есть определенные средства, позволяющие приблизительно, в грубой форме, что называется, «навскидку» оценивать результаты, предлагаемые коллегами. С этой целью могут оцениваться, скажем, методы, которые были использованы при проведении данной работы, источники, на которые ссылается автор; правдоподобность предлагаемой гипотезы и т. д. Применение всех этих вспомогательных средств, впрочем, хотя и облегчает положение, тем не менее не гарантирует достоверности данного результата. А значит, при отсутствии доверия к тем результатам, которые сообщают коллеги, было бы невозможно сколько-нибудь устойчивое существование и развитие науки.

Таким образом, доверие играет ключевую роль в научной деятельности, в организации и жизни научного сообщества. А следовательно, наука, будучи не только познавательной деятельностью, но и системой упорядоченных взаимоотношений и взаимодействий между людьми, т. е. социальным институтом, опирается, по-

мимо всего прочего, и на некоторые моральные основания. Каждый член научного сообщества несет ответственность перед своими коллегами, перед своей областью научного знания, наконец, перед наукой в целом прежде всего за достоверность, за качество тех результатов, которые он предлагает на суд научного сообщества. Эту ответственность принято называть *профессиональной ответственностью* (иногда говорят о *когнитивной* ответственности) ученого; изучением ее занимается *внутренняя этика науки*. Следует, впрочем, заметить, что она отнюдь не ограничивается проблематикой доверия во взаимоотношениях между учеными.

### Ролевой репертуар научной деятельности

Помимо участия в проведении исследований, современному ученому приходится выполнять много других ролей, каждая из которых требует соблюдения специфических этических норм. Предполагается, что при их осуществлении ученый должен опираться на ценности науки и руководствоваться интересами научного сообщества.

Так, после того, как исследование или его отдельный этап завершены, результат должен быть представлен в качестве статьи или доклада коллегам, специализирующимся в той же области знаний. Изложение результатов проведенного исследования – одна из ролей, в которых приходится выступать ученому; при этом исследователь становится *автором*.

Непреложное требование к научной публикации – то, что в ней обязательно должны быть ссылки на те работы предшественников, в которых была поставлена решаемая в данном исследовании проблема, предложены используемые в нем методы и т. п. Это, как мы уже отмечали, является и выражением морального признания по отношению к предшественникам. Публикация результатов исследования представляет собой своего рода заявку, утверждающую приоритет авторов на открытие, излагаемое в статье или докладе<sup>6</sup>. Вместе с тем исследователь, публикуя полученные им результаты, делает их достоянием научного сообщества. Тем самым он, помимо всего прочего, в буквальном смысле выносит их на суд критики, открывая своим коллегам возможности для опровержения того, что ему удалось достичь.

Иначе говоря, нормой, имеющей очевидный этический смысл, моральным обязательством является необходимость для ученого не просто быть готовым к критическому разбору того, что им сделано, но, более того, самому искать опровергающих аргументов и экспериментов. Эту особенность научной деятельности – свойственный ей дух критического отношения к достигнутому не только предшественниками, но и самим собой – принято рассматривать как выражение одной из ключевых ценностей науки. Между прочим, в попперовской концепции фальсификационизма именно такая критическая установка выступает не только в качестве критерия, отличающего науку от всех других видов познавательной деятельности, но и в качестве одного из основных достоинств научного мышления.

Особые этические проблемы связаны с публикацией результатов исследований, завершившихся неудачно. С одной стороны, очевидно, что никто не вправе принуждать автора к публикации собственных результатов, тем более что она может отрицательно сказаться на его престиже. Но, с другой стороны, эта публикация принесет несомненную пользу его коллегам, поскольку покажет им, что поиск в данном направлении бесперспективен. Если же речь идет, скажем, о биомедицинском исследовании, в котором на испытуемых проверяется действие нового терапевтического или диагностического средства, то в этом случае честная публикация отрицательного результата представляется особенно важной, поскольку она позволит уберечь от риска новые группы испытуемых<sup>7</sup>.

Отметим далее еще одну моральную проблему, связанную с публикацией исследовательских результатов. Для современной науки общим правилом стало то, что у научной публикации бывает не один автор, а целая группа соавторов, подчас весьма многочисленная. Когда их больше двух, при цитировании такой статьи обычно указывается фамилия первого из соавторов, после чего добавляется оборот «и др.». Между тем существующие методы измерения научной продуктивности исследователей широко используют такой метод, как подсчет количества ссылок, получаемых данной статьей или данным автором (так называемый индекс цитирования). В этой ситуации остальные соавторы оказываются обойденными, так что особую остроту обретает вопрос о том, в каком порядке должны перечисляться фамилии соавторов.

На практике используются такие способы: фамилии соавторов приводятся либо в алфавитном порядке, либо по степени вклада каждого в данное исследование (т. е. первым будет тот, кто внес наибольший вклад), либо по научному статусу соавторов. При первом способе, однако, незаслуженно обойденными систематически оказываются те, чьи фамилии начинаются с последних букв алфавита. При втором – возникает непростая проблема «взвешивания» вклада каждого из соавторов. При третьем способе существует реальная опасность того, что основная доля престижа достанется маститому ученому, фамилия которого в действительности была включена лишь для того, чтобы сделать статью более «проходимой».

Впрочем, еще до того, как результат исследования будет представлен в научном журнале или на конференции, он обычно проходит экспертизу, или рецензирование, специалистов – тех, кто считается наиболее авторитетными в данной области знания. Более того, такому рецензированию подвергаются не только результаты уже проведенного исследования: очень часто финансирование исследовательских проектов осуществляется на конкурсной основе. При этом решающую роль в определении победителей играет мнение, высказываемое экспертами.

Эта *экспертиза (рецензирование)* того, что делается коллегами, – еще одна роль, выполняемая ученым и имеющая особое значение для самоорганизации научного сообщества. Такие экспертные оценки – один из основных механизмов, посредством которых оно определяет приоритеты развития соответствующей отрасли научного познания. Очевидно, на плечи тех, кто выступает в качестве рецензентов-экспертов, ложится бремя моральной ответственности за будущее своей области знания.

Бывают, однако, ситуации, когда рецензенты научных журналов отвергают статьи достаточно высокого качества то ли в силу того, что оказываются не в состоянии по достоинству оценить революционную идею, то ли из-за того, что автор и рецензент принадлежат к конкурирующим и даже враждующим научным школам. Последнее, заметим, следует считать морально предосудительным. Поэтому нередко раздаются голоса, призывающие отказаться от института рецензентов в научных журналах. Сегодня, в эпоху электронных средств коммуникации, появляются реальные возможности создавать в Интернете любые научные или, точнее,

претендующие быть научными тексты. Однако уровень таких публикаций, естественно, не гарантируется никем, и прежде всего научным сообществом.

Следующая роль, в которой приходится выступать ученому, – это роль *преподавателя*. С точки зрения интересов и потребностей науки преподавательская деятельность есть не что иное, как участие в *подготовке нового пополнения* тех, кто впоследствии сам будет профессионально заниматься научной деятельностью.

Необходимо особо подчеркнуть, что процесс преподавания отнюдь не сводится к передаче студенту или аспиранту какого-то объема знаний и умений. Наряду с этим в ходе длительных непосредственных контактов студенты (аспиранты) усваивают и то, что принято обозначать такими неподдающимися строгому определению терминами, как дух науки, традиции науки и т. п. Прежде всего сюда относятся те специфические ценности и моральные нормы, которые характерны как для науки в целом, так и для данной области знания. И если знания учащийся может, вообще говоря, почерпнуть из учебной и справочной литературы, то в роли носителя и выразителя традиций и ценностей науки никто и ничто не может заменить ученого-преподавателя; здесь вполне уместным будет и звучащее сегодня несколько старомодно слово «учитель». Именно на нем лежит моральная ответственность за их сохранение и воспроизводство в последующих поколениях.

Очевидно, выполнение каждой из рассматриваемых нами ролей требует от ученого больших или меньших затрат времени и сил. Эти ресурсы приходится отвлекать от собственно исследовательской деятельности, так что выполнение таких ролей может восприниматься как какая-то дополнительная обуза. Дело, однако, в том, что деятельность ученого в этих качествах необходима для существования и воспроизводства самой же науки. Поэтому ученый, выступая в этих ролях, выполняет свой моральный долг перед научным сообществом. Важно подчеркнуть и следующее обстоятельство: никто иной помимо самих же ученых не обладает ни той квалификацией, ни той компетенцией, которые необходимы для сколько-нибудь успешного выполнения этих ролей.

Еще одна роль, в которой сегодня все чаще приходится выступать ученому, – это роль *консультанта*, к которому обращаются при подготовке ответственных решений, когда требуется дать

прогноз и оценку возможных последствий того или иного курса действий. Такого рода деятельность принято называть экспертизой, например, экологической, гуманитарной и т. п.

Следует подчеркнуть важное различие между той ролью эксперта-рецензента, о которой мы говорили ранее, и ролью эксперта-консультанта в данном случае. Если эксперт-рецензент осуществляет свою функцию в пределах научного сообщества, то эксперт-консультант привлекается как представитель этого сообщества для участия в решении не собственно научных, а важных социальных, политических, народнохозяйственных и т. п. проблем. Впрочем, нередко для подготовки экспертного заключения приходится проводить и научные исследования.

Каждый из экспертов, участвуя в работе комиссии, высказывает те суждения и воззрения, которые считаются обоснованными и достоверными в рамках представляемой им области знания. Особую трудность при проведении такой междисциплинарной экспертизы представляет поэтому подготовка единого заключения на основе столь разнородных и зачастую противоречивых знаний, предположений и оценок. Сами по себе дисциплинарные пристрастия экспертов вполне естественны и объяснимы; существуют и методики, позволяющие минимизировать их влияние. Однако в деятельности экспертов-консультантов есть и такие составляющие, которые порождают сложности морального порядка.

Так, эксперт-рецензент выполняет свою роль, действуя в окружении коллег и подвергаясь с их стороны своеобразному контролю. Механизмы такой экспертизы позволяют в значительной мере сглаживать влияние крайних, необъективных точек зрения, например, за счет того, что рецензирование проводят независимо друг от друга несколько экспертов. В отличие от этого эксперт, выступающий в роли консультанта, не контролируется коллегами, так что его *субъективные предпочтения* приобретают значительно больший вес.

Другая проблема, имеющая очевидное моральное измерение, заключается в том, что выводы, к которым приходит комиссия, всегда носят вероятностный характер и не должны восприниматься как однозначные предписания. Однако авторитет комиссий бывает настолько высок, что эта вероятностная природа зачастую упускается из виду; в результате же смысл заключения экспертов искажается – оно понимается излишне категорично. А это, в свою очередь,

может послужить основанием для серьезных ошибок при принятии ответственных решений. В такой ситуации моральной обязанностью эксперта-консультанта является четкое указание на то, что его предложения и рекомендации имеют ограниченную применимость. Но дело в том, что такого рода указания, отмечающие пределы компетенции эксперта, могут быть без достаточных на то оснований истолкованы как свидетельство его недостаточной квалификации.

Здесь мы затронули одну из множества проблем, с которыми приходится сталкиваться ученому, когда он выступает в еще одной роли – роли *популяризатора* научных знаний и достижений. Подобно предыдущей, эта роль связана с активностью ученого за пределами научного сообщества. Деятельность на этом поприще сопряжена со множеством проблем морального характера. То, что он может восприниматься аудиторией, состоящей из неспециалистов, как оракул, который призван изрекать неопровержимые истины, – лишь одна из них. И поскольку таковы ожидания аудитории, от него могут потребоваться специальные усилия для их нейтрализации. Эффект этих усилий, однако, может оказаться чрезмерным, так что аудитория будет попросту разочарована недостаточной определенностью информации, которая излагается от лица науки.

Ученые нередко с чрезвычайной неохотой относятся к выполнению этой функции. Действительно, она требует специфических способностей, развитием которых, заметим, не занимается существующая система подготовки научных кадров. Отметим также, что ученому, выступающему в роли популяризатора науки, приходится взаимодействовать не только с аудиторией, но и с посредниками – журналистами, которые далеко не всегда бывают настроены доброжелательно. В целом взаимодействие ученых с представителями СМИ – это отдельная и притом весьма болезненная тема<sup>8</sup>. Один из главных камней преткновения во взаимоотношениях между ними – это то, что ученый обычно стремится как можно точнее выразить свою мысль, сопровождая каждый тезис уточнениями и оговорками, тогда как с точки зрения журналиста главное – доходчивость и, более того, сенсационность и даже скандальность сообщаемой информации. И для достижения такого эффекта журналист зачастую легко жертвует точностью и достоверностью. В результате же бывает так, что ученого охватывает ужас, когда он видит, как препарировал его соображения журналист.

И все же деятельность ученых, направленная на ознакомление широкой общественности с тем, чем они занимаются в лабораториях, становится сегодня все более и более важной и необходимой. Дело в том, что возможность получения ресурсов, необходимых для развития науки, во многом определяется уровнем доверия к ней со стороны общества. В свою очередь и та информация о результатах и перспективах исследований, которую сообщают ученые, привлекает все более широкое внимание, особенно в тех случаях, когда исследования касаются вопросов здоровья и безопасности людей.

Учитывая это обстоятельство, некоторые исследователи, а также и научные учреждения уделяют все более серьезное внимание популяризации своей деятельности и в целом тому, что можно назвать «работой с общественностью». Порой для этого внутри научных учреждений создаются даже специальные подразделения.

И эта активность исследователей порождает определенные этические проблемы. Скажем, научные традиции предписывают, чтобы те сведения, которые адресуются широкой аудитории, предварительно были удостоверены научным сообществом. На практике это обычно достигается тем, что такие сведения первоначально печатаются в научных журналах, – напомним, что сам факт такой публикации означает определенную степень признания сообществом исследовательского результата. В наши дни, однако, эта норма действует не так уж непреложно: подчас СМИ сообщают о новых научных достижениях одновременно или даже раньше, чем специализированные научные издания. И, следовательно, широкая аудитория получает такую информацию, которая еще не прошла экспертизу научного сообщества. Это бывает особенно опасно, когда речь идет, к примеру, о новых методах лечения серьезных болезней или о возможных негативных экологических, токсических, генетических и т. п. последствиях тех или иных широко распространенных в быту материалов, технологий, продуктов питания, медикаментов и пр. Такая информация, с одной стороны, вызывает повышенный интерес аудитории и, с другой стороны, может провоцировать в обществе необоснованные ожидания либо опасения.

Другая проблема состоит в том, что в контактах с широкой аудиторией наиболее успешными оказываются те, кто, хотя и не пользуется никаким авторитетом в научном сообществе, тем не



менее берется выступать с сенсационными заявлениями якобы от лица науки. Весьма характерный пример в этом отношении – постоянно появляющиеся в прессе сообщения о том, что вот-вот родится или уже родился клонированный человек. В итоге же получается, что людям более известны имена шарлатанов, будоражащих общественность, чем тех, кто ведет серьезные и ответственные исследования в этой области.

Учитывая нарастающую остроту проблем, связанных с информированием общественности о результатах научных исследований, английское Королевское общество – одна из самых авторитетных в мире научных организаций – опубликовало в 2000 г. специальное руководство, посвященное взаимодействию ученых с прессой<sup>9</sup>. Вскоре Комитет по науке и технике Палаты лордов Великобритании поддержал эти рекомендации и призвал редакторов СМИ следовать им<sup>10</sup>.

В рекомендациях отмечается важность того, чтобы исследователи сообщали о своих результатах широкой публике, поскольку это позволяет показывать обществу потенциальную ценность их работы, а также способствует росту репутации и их профессии, и учреждений, в которых они работают. Вместе с тем сообщение результатов исследований налагает на исследователей обязательство излагать эти результаты точно и таким образом, чтобы свести к минимуму возможность искаженных или необоснованных выводов. Это обязательство особенно важно для биомедицинских наук, поскольку люди могут связывать получаемую информацию с собственным состоянием здоровья или образом жизни.

Далее речь в рекомендациях идет о том, что многие ученые бывают недостаточно искушенными в качестве интервьюируемых. Хотя для них не составляет труда обсуждать свою работу с коллегами на семинарах и конференциях, однако информирование о ней широкой публики требует иного взгляда на вещи хотя бы потому, что журналисты используют иные критерии, когда судят, насколько интересны и важны новые открытия. Научное сообщество и его организации должны поощрять исследователей к открытому и ответственному обсуждению своей работы с тем, чтобы соблюдалось равновесие между необходимостью поддерживать научную строгость и требованием излагать результаты исследований в форме, доступной для понимания широкой аудитории.

Особые требования предъявляются к четкому определению того, каков статус сообщения о проведенном исследовании. В частности, если результат еще не был опубликован в научном журнале, исследователь обязан указать это. Кроме того, необходимо учитывать следующие обстоятельства:

полученные в исследовании результаты могут носить предварительный характер, а значит, не позволяют делать обоснованных обобщений;

еще не было проведено повторных подтверждающих исследований;

полученные результаты могут резко отличаться от предыдущих результатов в данной области;

они получены на малой или нерепрезентативной выборке;

они могут быть основаны только на изучении животных;

они могут опираться только на корреляционную связь.

Если в наличии сразу несколько из этих условий, то исследователю имеет смысл задержать сообщение о своих результатах до тех пор, пока не будут получены новые подтверждения, и попытаться убедить в необходимости такой отсрочки журналиста, готовящего информацию для широкой прессы.

Следующее положение рекомендаций касается точности сообщаемой информации, в частности, тех выводов и следствий из выполненной работы, которые обычно больше всего привлекают внимание журналистов. Отмечается, что хотя ученый должен быть готов выделить наиболее интересные для широкой публики аспекты своего исследования, он тем не менее не должен преувеличивать его важность. Если, например, полученные данные допускают несколько различных интерпретаций, необходимо представить каждую из них. Необходимо также по возможности показывать свою собственную работу в контексте сходных открытий в данной области; следует избегать спекуляций, опирающихся на мнения и взгляды, которые не имеют отношения к данному исследованию.

С особой ответственностью следует подходить к сообщению таких результатов, которые заставляют пересматривать вероятностные оценки заболеваемости, смертности или риска для окружающей среды. Долг ученых и медиков состоит в том, чтобы предупредить общественность о потенциальных опасностях и вместе с тем ставить ее в известность относительно новых возможностей

улучшения здоровья и повышения безопасности. В то же время важно не вызывать необоснованного оптимизма, когда найденное в ходе исследования представляется как «прорыв» или «чудодейственное средство», но и не возбуждать страхи и опасения, которые не обоснованы имеющимися данными.

Далее в рекомендациях речь идет о том, что при обсуждении вопросов риска и безопасности ученые, выступая перед СМИ, обычно не склонны говорить об абсолютной безопасности, поскольку учитывают наличие существенных неопределенностей. Аудитория же может истолковать такую позицию как «увиливание от ответа» или недостаточную уверенность. Ученым следует предвидеть возможность таких реакций, в то же самое время не отказываясь от строгого следования принципам научности. В подобных случаях рекомендуется, в частности, пользоваться сравнениями, например, указывая, что риск, связанный с  $x$ , эмпирически не больше, чем риск, связанный с  $y$ , где  $y$  – это то, что люди обычно считают безопасным.

Несомненный интерес представляет заключительная рекомендация, которая касается того, как следует реагировать ученому, если журналист допустил неточности или искажения. Ученый, как говорится в рекомендациях, должен без колебаний высказывать свой протест как самому журналисту, так и редактору издания, предпочтительно в форме письма, имея в виду, что оно должно быть опубликовано. Даже если такой протест не станет достаточной компенсацией того вреда, который нанесен вследствие искажения, то по крайней мере он может сделать редактора более осторожным в будущем. При отсутствии надлежащей реакции исследователю рекомендуется обращаться в специально занимающиеся подобными вопросами комиссии, которые существуют в Великобритании, но которых, к сожалению, пока что нет в России.

### **Социальная ответственность исследователя**

При описании репертуара ролей, которые приходится сегодня исполнять ученому, мы уже пересекали весьма нежесткую грань, разделяющую ответственность ученого перед коллегами и перед обществом в целом. Теперь речь пойдет именно о последней, поскольку в ней находит свое выражение радикально меняющийся

в последние годы характер взаимоотношений науки и общества. Неуклонно растущая роль науки в обществе находит свое выражение в том, что:

(а) исследования сегодня всё чаще проводятся не ради удовлетворения собственного любопытства исследователей, а ради получения практически значимых результатов;

(б) они, как правило, требуют существенных затрат финансовых, материальных, человеческих, причем весьма квалифицированных, и иного рода ресурсов;

(в) знания, которые получают в результате исследований, становятся основанием для принятия весьма ответственных экономических, социальных, политических и т. п. решений, затрагивающих подчас интересы и судьбы очень многих людей.

Общество, вообще говоря, ожидает от исследований таких результатов, к которым можно относиться с доверием, на которые можно опираться.

Как пишет один из ведущих специалистов по проблематике честности в исследованиях, почетный профессор истории университета штата Мичиган (Энн-Эрбор) Николас Стенек, «Озабоченность общественности нарушениями этических норм при проведении исследований впервые проявилась в начале 1980-х гг. в результате публикации в печати нескольких докладов о фактах вопиющих нарушений. Один исследователь напечатал под своим именем десятки статей, ранее опубликованных другими. Другие исследователи в той или иной форме фальсифицировали результаты проведенных исследований. Усугубило ситуацию то, что создавалось впечатление, будто в ряде случаев исследовательские учреждения старались игнорировать или намеренно покрывали такие факты, а не расследовали их. В конечном счете, вмешался Конгресс и потребовал, чтобы федеральные министерства, агентства и научно-исследовательские институты разработали документы, регламентирующие меры на случай нарушения этических норм»<sup>11</sup>.

В марте 2007 г. экспертная группа Европейской комиссии опубликовала доклад «Честность в исследованиях. Обоснование действий Европейского сообщества»<sup>12</sup>. В докладе, в частности, обсуждается следующий вопрос: иногда говорится, что ненадлежащее поведение в исследованиях – это преступление, которое обходится без жертв. Считается при этом, что когда исследование будет

повторено другими, фальсификация или неполнота данных будет обнаружена. Однако такие повторные исследования проводятся далеко не всегда, да и при их проведении такие неверные данные не обязательно обнаруживаются. (Эти вопросы уже обсуждались в начале статьи.)

«...Ненадлежащее поведение исследователей вызывает много жертв. В их числе:

- пациенты, которые участвуют в мошенническом исследовании или пользуются его результатами;

- общество, доверие которого ко всем вообще исследованиям подрывается;

- лица, принимающие решения начинают сомневаться в надежности данных, на которые они опираются;

- налогоплательщики или компании, деньги которых тратятся понапрасну;

- репутация исследований как таковых, которая страдает в глазах всех;

- исследовательские архивы, в которых оказываются трудно устранимые искаженные данные»<sup>13</sup>.

Таков весьма красноречивый, хотя, как представляется, далеко не полный перечень тех, кто оказывается жертвами недобросовестно проводимых исследований. Обращает на себя внимание то, что первое место в этом перечне отведено тем тяжелым последствиям, которые возникают вследствие ненадлежащего проведения биомедицинских исследований – с качеством именно их связаны наиболее серьезные опасения общественности.

Сколько-нибудь точных сведений о распространенности ненадлежащего поведения при проведении исследований немного. Тем не менее существующие данные говорят о том, что масштабы подобных явлений весьма значительны. Так, один из опросов, проведенных в США в 2002 г., в котором участвовало 3600 ученых среднего возраста и 4160 исследователей, недавно защитивших диссертации, чьи проекты были поддержаны НИИ (Национальными институтами здоровья), дал такие результаты. 33 % респондентов (38 % находящихся на пике карьеры и 28 % молодых исследователей) признали, что за предыдущие три года у них бывали достаточно серьезные случаи ненадлежащего поведения, включая фальсификацию или фабрикацию данных, несообщение сведений

о конфликте интересов, использование идей других исследователей без ссылки на них и утаивание данных, которые противоречат результатам своих ранее опубликованным исследований<sup>14</sup>.

Согласно данным, цитируемым в докладе экспертов Еврокомиссии, нечестными являются от 0,1 до 0,3 % исследований. Таким образом, по оценке европейских экспертов, если учесть, что в странах Евросоюза 1,2 млн. исследователей, то даже при 0,1 % получается, что набирается около 1200 нечестных исследователей<sup>15</sup>.

Именно значительные масштабы и серьезность последствий, вызываемых этими явлениями, привели к тому, что проблемами недобросовестного поведения исследователей стали заниматься не только внутри научного сообщества, но и в тех административных структурах, которые так или иначе связаны с разработкой и реализацией научной политики. Такого рода органы создаются и действуют уже во многих странах; впрочем, их статус и полномочия от страны к стране могут серьезно различаться. Так, в США Отдел по обеспечению честности в исследованиях (**Office of Research Integrity**), созданный при Министерстве здравоохранения и социального обеспечения, занимается такого рода проблемами в области биомедицинских и поведенческих исследований. Отдел осуществляет мониторинг проводимых в различных научных учреждениях расследований о ненадлежащем поведении исследователей, а также посредством образовательной, превентивной и регуляторной деятельности способствует ответственному проведению исследований.

По данным, приводимым в уже упоминавшемся докладе экспертов Европейской комиссии, аналогичные структуры существуют в Великобритании, Дании, Франции, Голландии, Германии, Финляндии, Португалии, Швеции<sup>16</sup>.

В частности, в ФРГ Совет по научным исследованиям создал независимый комитет омбудсмена по научным исследованиям, а также службу национального омбудсмена, призванную оказывать содействие в разрешении вопросов, возникающих в связи с ненадлежащим поведением. При этом получение поддержки со стороны общественных фондов обусловлено согласием исследователя с осуществлением в отношении проекта функций, возлагаемых на омбудсмена<sup>17</sup>.

В Великобритании в 2006 г. была создана Служба по честности в исследованиях (UKRIO – UK research integrity office). Это независимый консультативный орган, поддерживающий иссле-

довательские организации и отдельных исследователей для обеспечения честности и качественной практики в борьбе с ненадлежащим исследовательским поведением. UKRIO поддерживается правительством и основными структурами, которые обеспечивают регулирование и финансирование исследований в области медицины и здравоохранения.

Национальный совет по науке и технологиям – исполнительный орган при президенте США – дает следующее определение ненадлежащего исследовательского поведения (**research misconduct**): «фабрикация, фальсификация или плагиат в предложении, проведении или рецензировании исследования либо в сообщении его результатов»<sup>18</sup>. При этом под *фабрикацией (подлогом)* понимается выдумывание данных или результатов и запись или сообщение их; под *фальсификацией* – манипулирование исследовательскими материалами, оборудованием или процессами либо изменение или невключение данных или результатов, вследствие чего искажаются материалы исследования; под *плагиатом* – присвоение идей, процессов, результатов или слов другого лица без указания соответствующих заслуг последнего. Однако различие во мнениях не относится к ненадлежащему поведению<sup>19</sup>.

Наряду с перечисленными формами ненадлежащего исследовательского поведения обсуждается и такая тема, как спорные исследовательские практики (Questionable Research Practices), под которыми понимается отклонение от принятой в соответствующем научном сообществе практики проведения исследований<sup>20</sup>. Считается, что нарушения такого рода имеют место более часто, их общее количество оценивается в диапазоне от 10 до 40 %. К их числу относят следующие: статистические ошибки, неправильное указание авторства, дублирование публикаций, неряшливые или небрежные публикации<sup>21</sup>.

Согласно документу Национального совета по науке и технологиям, с юридической точки зрения говорить о ненадлежащем исследовательском поведении можно только тогда, когда:

- имеет место значительное отступление от принятых в данном исследовательском сообществе стандартов научной деятельности,

- такое ненадлежащее поведение осуществляется намеренно, либо сознательно, либо с пренебрежением к принятым стандартам,

– обвинение доказывается неопровержимыми свидетельствами<sup>22</sup>.

Следует, однако, подчеркнуть, что в цитируемом документе речь идет лишь о таких нарушениях, к рассмотрению которых могут привлекаться соответствующие органы федерального правительства США. Иными словами, документ задает минимальный стандарт оценки приемлемого поведения, а не критерий оценки поведения исследователей в целом. В частности, при этом вовсе не имеется в виду, что прочие нарушения норм исследовательского поведения приемлемы. Основной заботой государственных органов при разработке этого определения являлось обеспечение точности и правильного представления результатов финансируемых государством научных исследований посредством четкого указания на то, что фабрикация, фальсификация и плагиат при проведении научных исследований неприемлемы<sup>23</sup>.

В свою очередь, эксперты Еврокомиссии дают такую характеристику отступлений от надлежащего исследовательского поведения:

– плагиат – несанкционированное использование или близкое к тексту воспроизведение языка и мыслей другого автора и представление их в качестве собственной оригинальной работы. Пример: при создании телескопа и открытии пятен на солнце Галилей утверждал, что работы, сделанные другими, принадлежат ему;

– фальсификация – манипулирование данными исследований или невключение критических данных и результатов. Пример Г. Мендель манипулировал своими данными, показывая менее существенные вариации, чем он мог наблюдать в действительности, как это показал английский статистик Р. Фишер. Впрочем, в данном случае, как замечают авторы доклада, можно говорить не столько о фальсификации, сколько о примере предвзятости;

– фабрикация – умышленная фальсификация исследовательских данных и результатов в записях и сообщении о них в журнальной статье, в некоторых случаях запрещается законом. В качестве примера при этом упоминается казус, произошедший с норвежским исследователем Йоном Судбё (Jon Sudbø)<sup>24</sup>.

В 2004 г. онколог из Центра радиационной медицины в Осло, выполнявший исследование по гранту американского Национального ракового института (National Cancer Institute), опубликовал в одном из ведущих медицинских журналов «Ланцет» статью, согласно которой соединение ибупрофен снижает риск рака горта-



ни<sup>25</sup>. Выводы Судбё и соавторов основывались на данных, касающихся 908 испытуемых, часть из которых страдала раком гортани, часть принадлежала к контрольной группе.

Как сообщал сайт [elementy.ru](http://elementy.ru), исследование вызвало большой интерес, о нем сообщало даже такое солидное издание, как американский журнал *Forbes*. Вскоре, однако, выяснилось, что база данных, на которых основывалось исследование, была сфабрикованной. Как оказалось, у 250 из зафиксированных в ней пациентов была одна и та же дата рождения.

Не менее скандальный случай фабрикации исследовательских результатов имел место в Южной Корее. В его эпицентре оказался профессор Хван У Сук (**Hwang Woo Suk**). В феврале 2004 г. руководимая им группа исследователей опубликовала в журнале *Science* новаторскую статью, в которой объявлялось об успешном получении единой линии стволовых клеток из клонированного человеческого эмбриона<sup>26</sup>. На следующий год Хван сообщил о еще более ошеломляющем открытии – о получении 11 «специфических в отношении пациента» линий стволовых клеток, что свидетельствовало об удивительном повышении эффективности использования человеческих яйцеклеток<sup>27</sup>. Однако то, что провозглашалось триумфом южнокорейской научной мысли, скоро было развенчано обвинениями в этической недобросовестности, а затем и в научном мошенничестве.

Согласно докладу прокурора Южной Кореи от июня 2006 г., имело место два независимых случая научного мошенничества. Работавший под началом Хвана старший исследователь Ким Сон Чжон (**Kim Sun Jong**) сфабриковал исходные результаты исследования, когда он утверждал, что преуспел в создании двух линий стволовых клеток. Согласившись с утверждением своего исследователя, Хван приказал ему еще больше увеличить цифры. Нечто подобное имело место и за год до этого, когда другой исследователь, Пак Чжон Хью (**Park Jong Hyuk**), сфабриковал данные о получении из клонированного эмбриона первой клеточной линии.

Отвечая на эти обвинения, Хван настаивал на том, что сначала он не знал о фабрикации данных его исследователями, но постепенно стал понимать, что результаты были подтасованы. Более того, он использовал такие средства, как политическое давление, с тем, чтобы заблокировать усилия южнокорейской радиовещатель-

ной компании МВС. Именно эта компания первой поставила вопрос о том, что коллекция женских яйцеклеток в его лаборатории была получена с нарушениями этических норм, а затем усомнилась и в аутентичности научных результатов. Хван мобилизовал поддерживавших его репортеров с тем, чтобы инициировать публичный протест по поводу того, как к нему относятся. Но это, в конечном счете, только усилило скандал.

Скандал, как мы видим, развернулся вокруг исследовательской тематики, находящейся на переднем крае мировой науки. Возможно, отчасти именно в силу этого он оказался знаковым событием, вызвавшим глобальные последствия для этики исследований и практики научного рецензирования. Как отмечается<sup>28</sup>, в целом различные стороны, вовлеченные в скандал, концентрировались на проблемах механизмов, регулирующих исследовательскую деятельность, этическом контроле и научной стороне дела, приглушая в то же время потенциальную критику.

Уже в прошедшем 2009 г. разгорелся еще один скандал, в ходе которого ученые подверглись обвинениям в искажении и фабрикации данных. Речь идет о «Климатгейте», когда возникли сомнения в том, что данные о глобальном потеплении сфабрикованы. Скандал произошел в тот самый момент, когда на самом высоком уровне готовилось принятие чрезвычайно ответственных решений, затрагивающих мировую политику и экономику. В этой связи имеет смысл упомянуть о расследовании, проведенном комиссией по научной этике Пенсильванского университета в отношении климатолога профессора Майкла Манна<sup>29</sup>. Решением этой комиссии от 26 января 2010 г. Манн был оправдан по трем пунктам обвинения: попыткам утаить или фальсифицировать данные исследований; попыткам удалить, утаить или уничтожить данные и электронные письма, относящиеся к деятельности *Межправительственной группы по изменению климата, готовящей доклады для ООН*; неправильном использовании конфиденциальной информации. Все эти обвинения комиссия признала беспочвенными. Расследование по еще одному пункту будет продолжено: для рассмотрения вопроса о том, были ли в деятельности М.Манна отклонения от принятой практики проведения исследований, решено создать отдельную комиссию. При этом было учтено то обстоятельство, что обнаружение укра-

денных писем климатологов и последовавший за этим скандал – «Климатгейт» – привели к серьезной потере доверия общества к ученым и науке.

Газета «Интернешнл Гералд Трибюн» приводит в этой связи такое высказывание Питера Фрумхофа, эколога, возглавляющего Союз обеспокоенных ученых: «Ясно, что научное сообщество, изучающее климат, было попросту не готово к масштабам и жестокости атак, так что оно не смогло отреагировать быстро и адекватно. Мы должны признать ошибки и помочь перенаправить внимание с того, что происходит в блогосфере, к тому, что происходит в атмосфере»<sup>30</sup>.

В нашей стране в настоящее время разгорелся скандал вокруг фигуры изобретателя Виктора Петрика, в который оказалось втянутым не только руководство Российской академии наук, но и одно из высших лиц государства – спикер Госдумы Борис Грызлов. Подробный анализ этого скандала представляется специальной задачей, которая выходит далеко за рамки данной статьи. Здесь же можно лишь отметить, что события, разворачивающиеся вокруг В.Петрика, продемонстрировали, что в отношениях между наукой и властью у нас в стране далеко не все благополучно. Б.Грызлов позволил себе весьма резкие выпады в адрес РАН, а по сути – в адрес всей отечественной науки, возмущаясь тем, что ученые не хотят в угоду амбициям начальства отказываться от принятых у них стандартов научности. Этот высокий государственный муж, очевидно, не отдает себе отчета в том, что, отказавшись от экспертных оценок научного сообщества, общество рискует оказаться беззащитным перед лицом всякого рода шарлатанов от модернизации и инноваций с их глобальными и далеко не всегда безвредными рецептами всеобщего благоденствия. Тем самым ставится под сомнение авторитет науки в целом, который в современном российском обществе, увы, и так уже находится не на высоте. Борьба за честное, ответственное проведение исследований, включающая активное противостояние попыткам представить в качестве новых научных достижений то, что на деле является результатом подлога, фальсификации или плагиата, жизненно важна для утверждения этого авторитета.

## Примечания

- <sup>1</sup> *Noble G. Kammerer's Alytes // Nature. 7 August 1926. P. 209–211.*
- <sup>2</sup> *Merton R. Priorities in Scientific Discovery: A Chapter in the Sociology of Science // American Sociological Review. 1957. Vol. 22. № 6. P. 635–659.*
- <sup>3</sup> *Стёпин В.С. Эволюция этоса науки: от классической к постнеклассической рациональности // Этос науки. М., 2008. С. 30.*
- <sup>4</sup> Там же.
- <sup>5</sup> *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 118.*
- <sup>6</sup> Приоритет при этом понимается в моральном смысле; отметим, что некоторые споры о приоритете (как, скажем, спор о том, кто – Ньютон или Лейбниц – открыл дифференциальное исчисление) стали яркими страницами истории науки. В современной науке, впрочем, приоритет нередко получает и юридическое закрепление, когда, скажем, первооткрыватель закрепляет свое достижение патентом. Тем самым, к сожалению, уменьшается значимость публикации исследовательского результата в научном журнале. В итоге коллеги не получают информации о важных научных достижениях, что ставит под угрозу выработанные в науке механизмы самоорганизации и затрудняет ее поступательное развитие.  
Еще одной проблемой, порождающей немало дискуссий, является вопрос о том, допустимо ли патентование вновь открываемых генетических последовательностей: далеко не все соглашаются с распространением патентного права и патентной защиты на то, что уже существовало в природе до того, как было выявлено исследователем.
- <sup>7</sup> В статье 30 Хельсинкской декларации ВМА говорится: «Как положительные, так и отрицательные, а также не позволяющие сделать окончательные выводы результаты исследований должны публиковаться или иным образом становиться публично доступными». Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации «Этические принципы проведения медицинских исследований с участием людей в качестве субъектов исследования» // [http://acto-russia.org/index.php?option=com\\_content&task=view&id=21](http://acto-russia.org/index.php?option=com_content&task=view&id=21)
- <sup>8</sup> См., напр.: *Тищенко П.Д., Юдин Б.Г. Проблемы биоэтики в СМИ. М., 2006.*
- <sup>9</sup> См.: *Scientists and the media: Guidelines for scientists working with the media and comments on a Press Code of Practice* // <http://www.communicatingastronomy.org/repository/guides/document-105.pdf>
- <sup>10</sup> <http://www.parliament.the-stationery-office.co.uk/pa/ld199900/ldselect/ldsctech/38/3810.htm>
- <sup>11</sup> *Steneck N.H. ORI introduction to the responsible conduct of research. Washington (D.C.), 2003. P. 12.*
- <sup>12</sup> *Integrity in Research – a Rationale for Community Action* // see: [http://ec.europa.eu/research/science-society/document\\_library/pdf\\_06/integrity-in-research-ec-expert-group-final-report\\_en.pdf](http://ec.europa.eu/research/science-society/document_library/pdf_06/integrity-in-research-ec-expert-group-final-report_en.pdf)
- <sup>13</sup> Там же.
- <sup>14</sup> См.: *Martinson B.C., Anderson M.S., Vries R. de. Scientists behaving badly // Nature. 9 June 2005. 435. P. 737–738.*

- <sup>15</sup> FP7 – 2007–2013 webpage ([http://cordis.europa.eu/fp7/home\\_en.html](http://cordis.europa.eu/fp7/home_en.html))
- <sup>16</sup> Integrity in Research... P. 5.
- <sup>17</sup> Ibid. P. 4. См. также: *Мирский Э.М., Барботько Л.М., Войтов В.А.* Наука и бизнес. Этнос фронта // Этнос науки. М., 2008. С. 174.
- <sup>18</sup> Federal Policy on Research Misconduct // [http://www.ostp.gov/cs/federal\\_policy\\_on\\_research\\_misconduct](http://www.ostp.gov/cs/federal_policy_on_research_misconduct)
- <sup>19</sup> См.: там же.
- <sup>20</sup> *Steneck N.* Fostering integrity in research: Definitions, current knowledge, and future directions // *Science and Engineering Ethics*. Vol. 12. № 1. March 2006. P. 53–74.
- <sup>21</sup> См.: *Wester K.L., Willse J.T., Davis M.S.* Responsible Conduct of Research Measure: Initial Development and Pilot Study // *Accountability in Research*. Vol. 15. Issue 2. April 2008. P. 87–104.
- <sup>22</sup> См.: Federal Policy on Research Misconduct...
- <sup>23</sup> *Steneck N.H.* ORI introduction to the responsible conduct of research. P. 14.
- <sup>24</sup> См.: Integrity in Research... P. 8.
- <sup>25</sup> *Sudbø J, et al.* Non-steroidal anti-inflammatory drugs and the risk of oral cancer: a nested case-control study // *Lancet*. 2005. Oct. 15–21; 366(9494):1359–66.
- <sup>26</sup> *Hwang W.-S. et al.* Evidence of pluripotent human embryonic stem cell line derived from a cloned blastocyst. *Science*. 2004. 303 (5664). P. 1669–1674.
- <sup>27</sup> *Hwang W.-S. et al.* Patient-specific embryonic stem cells derived from human SCNT blastocysts. *Science*. 2005. 308 (5729). P. 1777–1783.
- <sup>28</sup> *Kim L.* Explaining the Hwang scandal: national scientific culture and its global relevance // *Science as culture*. L., 2008. Vol. 17. № 4. P. 397–415.
- <sup>29</sup> См. [http://www.research.psu.edu/orp/Findings\\_Mann\\_Inquiry.pdf](http://www.research.psu.edu/orp/Findings_Mann_Inquiry.pdf)
- <sup>30</sup> International Herald Tribune. March 2. 2010.

П.Д. Тищенко

### **Жизнь и власть: био-власть в современных структурах врачевания**

Согласно концепции Мишеля Фуко в XIX в. **начинает формироваться** новый тип власти, который он назвал *био-власть* или *био-техно-власть*. В предшествующий период власть представляла прежде всего в формах распоряжения суверена жизнью и смертью, а также собственностью подданных. Теперь она приобрела форму заботы о качестве человеческой жизни – ее здоровье и эффективности. Намеченная Мишелем Фуко тема био-власти указывает на «матрикс» дискурсивных и внедискурсивных научно (медицински) обоснованных дисциплинарных практик контроля, нормализации и совершенствования человеческого тела.

Втягивая человека в асимметричные структуры подчинения под предлогом «заботы о себе», этот матрикс продуцирует фундаментальное метафизическое разделение существа человека на «тело» (объект контроля) и его «самость как» (субъект контроля). По Фуко, речь идет о том, что конкретные медицинские технологии создают историческое априори – технологически выраженные условия мыслимости человеческого существа в качестве субъекта и объекта. В этом смысле он считал свою философию современным вариантом трансцендентализма.

Особую роль в биополитических механизмах идентификации в качестве тела и самоидентификации в качестве субъекта играет научная истина. Фуко вполне следует новоевропейской традиции, связывая знание и силу (власть). Однако следующим шагом он с ней резко порывает. Дело в том, что от Бекона до Канта, Гегеля, Маркса, Гуссерля и даже Фрейда «знание и сила» оказывались экзистенциально-онтологическим основанием свободы человека

в качестве «субъекта» своей жизнедеятельности<sup>1</sup>. Нервом многих рассуждений Фуко становится разрыв с этой традицией. Истина действительно дает власть. Но это сила не освобождающая, а закрепощающая, продуцирующая сложную сеть зависимости и подчинения, – био-власть, крепезным узлом которой является структура «субъекта».

В сравнении с культурно-исторической ситуацией, в которой работал Фуко, современная – стала качественно иной. Данное обстоятельство позволяет попытаться разыграть тему био-власти иначе. Не лучше и не «истинней», чем у Фуко, а просто по-другому, исходя из иной философской традиции в контексте иных исторических обстоятельств. Радикально другой стала современность, которая мной (вслед за Ульрихом Бекком) маркируется как «другой модерн». Изменились и биомедицинские практики, и наука, и общество. Эти изменения и характер их влияния на структуры современного типа био-власти мной предварительно исследованы в уже опубликованных работах<sup>2</sup>. Если Фуко вычленил из треугольника истина-власть-свобода третий элемент (свободу), то в моих работах делается попытка показать, что и связь истины с властью не столь однозначна. В предлагаемой читателю статье будет дано описание еще недостаточно обсужденного аспекта – трансформаций базисных структур медицинских практик, в результате которых меняется характер массового производства субъект-объектного различия – биополитических аппаратов идентификации и самоидентификации.

Пространство современной медицины может быть гипотетично представлено сочетанием полиморфных структур трех моделей – медицинской, социальной и экзистенциальной. Каждая из них предлагает свою особую схему субъективации и объективации – произведения субъекта и объекта телесного страдания как особых социальных конструкций, специфика которых определяется особенностями понимания целей врачевания. Рассмотрев эти модели, можно будет в заключение дать набросок недостаточно осмысленных аспектов новых типов био-власти.

## 1. Медицинская модель

Точкой отсчета в нашем исследовании выступит традиционная медицинская модель. Это классическая модель<sup>3</sup> медицинской деятельности, в рамках которой самоидентичность врачей в качестве субъектов действия и пациентов в качестве объектов врачевания достаточно полно раскрывается в свете *монодисциплинарного* медицинского знания. В основе влиятельности медицинской модели лежит фундаментальное пред-понимание (неявное, закрепленное традицией знание), которое наделяет врачебное сословие особого рода полномочиями по защите от болезней и оказанию помощи страдающим людям. Лишь врачи, обладая особым рода профессиональным знанием, способны видеть истинные причины телесных страданий (болезней) и, обладая умением воздействовать на них, способны оказать реальную помощь.

Подобное рассуждение может показаться тривиальным: разве не во все века и не везде особое призвание врача пользовалось общественным признанием? Разве это общественное призвание не является прямым следствием могущества научной медицины? Ситуация, которую переживают индустриально развитые страны в начале XXI в., свидетельствует о парадоксальном обстоятельстве: рост могущества медицинской науки соседствует с ростом влияния в здравоохранении тех идей и практик, которые еще пару десятилетий назад пренебрежительно назывались донаучными, ненаучными или даже антинаучными. Монополия врача на истину вдруг ставится под вопрос. Люди начинают не понимать то, что еще вчера было известно практически каждому. Причины этого парадоксального когнитивного сдвига нами рассмотрены в упомянутых выше работах. Здесь же важно подчеркнуть иное обстоятельство: классическая медицинская модель действует в исторической ситуации, когда общество в целом и медицинское сообщество в частности обладают достаточно единодушным предположением обоснованности монопольного права врачей свидетельствовать в ситуации телесного страдания от лица истины. Только в просвете этого знания приобретают историческую конкретность специфические типы самоидентификации врачей и пациентов. Каковы же структуры самоидентичности, которые продуцируются медицинской моделью?



В ранее опубликованных работах было высказано предположение, что в основе самоидентичности лежит особого рода экзистенциальное настроение – игра экзистенциальной угрозы и надежды на спасение. В зависимости от того, как различается свое и чужое, несущее угрозу и обещающее спасение, структурируются практики *заботы о себе* (в том числе и биомедицинские), *защиты* от внешней опасности.

Для медицинской модели характерно то, что *свое* главным образом отождествляется с культурным, одомашненным, находящимся под контролем сознания, упорядоченным и т. д., а *чужое* – с природным, диким, телесным, хаотичным и т. д. В рамках классической медицинской модели чужое как природная стихия – враг, т. е. источник постоянной угрозы, который необходимо поставить под контроль самости: *овладеть, освоить*, т. е. сделать своим – не-другим. Не случайно медицинские теории почти единодушно утверждают, что болезни возникают в результате *отклонения* механизма тела из положения равновесия (гомеостаза) за счёт действия внешних сил: микробов, стресса, химических агентов и т. д. Эти силы могут быть локализованы *внутри* тела (например, аутоиммунный процесс), но и эта *внутренность* остаётся принципиально *вне* относительно собственно внутреннего в человеке – его «Я». В самом «Я», или самости, причины для страдания и болезни нет – она приходит извне.

И уж совершенно естественно считать, что причиной смерти человека является некоторая природная необходимость. «Я» встречает смерть извне – от природы<sup>4</sup>. Поэтому призывы *любить* природе, оставить её в покое, не вторгаться в её интимные механизмы так и останутся благими пожеланиями до тех пор, пока человек именно в ней не перестанет видеть источник своей смерти – самой главной и страшной угрозы своему существованию. Впрочем, возможен и иной вариант – произвести переоценку главной угрозы. Так, например, как будет сказано ниже, эвтаназические практики строятся из молчаливого предположения, что может быть страдание, которое хуже смерти.

Здоровье как своеобразное идеальное состояние равновесия организма с окружающей средой постоянно находится под угрозой извне, постоянно оказывается в той или иной степени отклоненным в сторону патологии. Как прекрасно выразил эту доминирую-

щую в современной медицине идеологическую установку один из ведущих дореволюционных российских теоретиков медицины В.В.Подвысоцкий, «...организм живёт среди массы внешних влияний, мешающих его идеальному существованию, поэтому абсолютного здоровья нет»<sup>5</sup>. Человек абсолютно здоров (идеально существует) только в мире без другого, без внешнего. Преодолеть сопротивление другого (другого как природы и другого как человека) и поставить ситуацию под контроль сознания призваны технологии.

Медицинские технологии позволяют поставить природные механизмы тела под контроль человека, уничтожить болезнетворные агенты, устранить *поломку*, образовавшуюся в организме. *Идеальной моделью, которая без труда обнаруживается в подкладке представлений и о здоровом (нормальном) теле, и о свободном «Я», выступает механический принцип инерции.* Нечто остаётся в покое или равномерном движении до тех пор, пока на него не подействует внешняя сила. Организм останется здоровым, реализуя заложенную в себе природную необходимость, т. е. в движении по инерции. «Я» сохраняет свободу (свою всеобщность и универсальность) при условии отсутствия внешних ограничений. Это как бы идеал – витгенштейновский идеально гладкий лёд без досадного трения «внешних сил»<sup>6</sup>, появление которых превращает «норму» в «болезнь» – «жизнь, стеснённую в своей свободе» (К.Маркс). Так же, как герои Андрея Платонова чувствовали приближение социализма, уничтожая классово чуждые элементы, современные инфекционисты время от времени радуют человечество сообщениями о почти полном уничтожении то одного, то другого смертельного врага-микроба.

«Центральной темой медицинской модели выступает идея страдания как угрозы, которая внезапно нарушила предсуществовавшее состояние здоровья и благополучия. Подобная перспектива поддерживает милитаристскую идеологию медицины, ставшую общим местом в нашей культуре. Болезнь – это враг внутри нас. Пациент и врач заключают между собой “альянс” для того, чтобы, используя “вооружения” медицины, защитить потерпевшего и атаковать вторгшегося неприятеля. Восстановление состояния личности, которым она обладала до заболевания и лечебного процесса, является стратегической задачей этой военной компании»<sup>7</sup>.

**Врачевание и этос войны.** Основополагающее для возникающих в контексте медицинской модели самоидентификаций экзистенциальное настроение напоминает настроение общества в состоянии войны. Причем полем битвы выступает страдающее тело больного. Источник опасности – в природе, а источник спасения – в установлении рационального контроля над ней, в чем, собственно, и заключен экзистенциальный смысл биотехнологий в данном случае. Подчеркну, война в данном контексте не просто красочная метафора, но указание на присущую классической медицине особую экзистенциальную логику и этику бытия человека в качестве «воина». В нашу задачу не входит развернутое описание *логоса и этоса войны*<sup>8</sup> в биомедицине. Обратим внимание лишь на одно из центральных обстоятельств – идею оправданной жертвы на алтарь *победы*.

Состояние войны – это радикальный экзистенциальный вопрос, обращенный к каждому гражданину: присутствует ли в его существе (самоидентичности) ценность, большая, чем ценность его индивидуального существования (его частного «я»). Готовность стать воином и воевать означает готовность принести в жертву *себя* как частное лицо на алтарь *большого* (страны, этнической группы, класса, религиозной общины, прав человека и т. д.), согласиться и даже требовать от ближнего подобной же жертвы, решимость, будучи военачальником, принести ближнего в жертву, в том числе и без его согласия, если того требуют интересы *большого*. Логика войны предполагает также раскол *человечества*, как внешней мне реальности, так и интериоризированной в моем лице, на *своих* и *чужих*. Мораль с ее запретами типа *не убий, не укради* и т. д. действует лишь в мире *своих*. *Чужие* из морального сообщества исключены (традиционно по обе стороны фронтов враги именуются *зверьми*, а их действия *зверствами*). Лишение жизни *чужого* в состоянии войны не рассматривается в качестве убийства, а конфискация или уничтожение его собственности для целей войны – воровства. Логос войны *возвышен*<sup>9</sup>, поскольку обнаруживает в человеке *большее*, чем его индивидуальное существование, – трансgressирующую его индивидуальное существование *основу* самоидентификации, и, в силу правды жизни, жесток.

В каком смысле *этос войны* присутствует в гуманнейшей человеческой профессии врачевания в качестве ее имманентного свойства? Нисколько не дискредитируя нравственной основы врачевания, следует отметить, что в медицинской модели этос войны занимает одно из существеннейших мест.

Во-первых, война является имманентной характеристикой существования человечества<sup>10</sup>. То вспыхивая, то затухая в разных регионах, она ведется на протяжении всей человеческой истории. Тем самым постоянно производятся, воспроизводятся и изобретаются заново базисные демаркации самоидентификации между *своими* и *чужими*. Даже если сообщества не участвуют в войне – они к ней постоянно готовятся. Непременными соучастниками этой перманентной войны или подготовки к ней являются врачи. Они непосредственно заняты в проектах разработки средств ведения войны – ядерного, химического, биологического, психологического и т. п. оружия, а также методов защиты от него. Естественно, что подобного рода исследования требуют испытаний на человеке. В основном это делается на военнослужащих, причем часто без их добровольного информированного согласия (практика повсеместная – что у нас, что за рубежом). Здоровье, а иногда и жизнь недобровольных испытуемых приносится на алтарь отечества, и этого рода жертвоприношения повсеместно воспринимаются как оправданные. До середины 1960-х гг. в США и СССР проводились медицинские исследования влияния радиационного облучения на состояние здоровья людей на гражданском населении, причем также без информирования и получения согласия. Естественно, что перманентно ведущаяся секретными службами *тайная* война предполагает разработку средств проведения спецопераций, которые также прежде использования в деле, по идее, испытывают<sup>11</sup>. Несмотря на то, что в индустриально развитых странах медицинские испытания на людях в современных условиях предполагают получение их добровольного информированного согласия, это может не в полной мере касаться исследований, ведущихся в военных биомедицинских лабораториях. Этос войны здесь продолжает предопределять базисные структуры самоидентификации самодовлеющим образом.

Во-вторых, как отмечалось выше, *война* является весьма эффективной метафорой для описания отношения к природе как источнику опасности и характеристики специфики врачебного дей-

ствия. Причем важно не только агрессивное отношение к внешней среде, к примеру, ярко проявляющееся в популярной рекламе мыла, «убивающего всех микробов». Идея по сути дела абсурдная, но апеллирующая к экзистенциальному настроению населения, видящему в «микробах» врага. Как отмечалось выше, состояние войны предполагает оправданность жертв со стороны *своих*. Чем опасней враг, тем естественней эти жертвы. Опасность эпидемий оправдывает ограничения свобод и определенные материальные жертвы населения при проведении карантинных мероприятий. Поскольку успех в войне с врагами (причинами болезней) зависит от степени развития биомедицинских знаний и технологий, то для медицинской модели характерна общепризнанная практика принесения в жертву интересов, здоровья, а иногда и жизни отдельных граждан во имя прогресса науки и светлого здорового будущего всего человечества. История медицины XX в. насыщена многочисленными примерами недобровольного использования пациентов и здоровых лиц, в том числе и детей, в биомедицинских экспериментах и клинических испытаниях<sup>12</sup>. Рутиной медицины сохраняется ненужное для пациентов, но нужное медикам-ученым взятие образцов крови, спинномозговой жидкости, проведение различных тестов, биопсий и т. д. без информирования пациентов, хотя некоторые из этих процедур несут серьезный риск для здоровья последних. Наука, представляющая интерес *большого*, чем интерес отдельного человека, требует жертв и получает их именно постольку, поскольку *этой войны* продолжает определять базисные черты самоидентичности и врачей, и пациентов, а также и в определенной степени смысл врачевания.

**Как работают аппараты био-власти в рамках медицинской модели?** Для того, чтобы дать им описание, вспомним три классические вопроса И.Канта: «Что я могу знать? На что я могу надеяться? Что я должен делать?» Ответ на них представит структуру двух типов самоидентичности «субъекта» (врача и пациента), которые связаны иерархизирующим отношением власти и подчинения.

Неравное отношение к знанию лежит в основе властной вертикали врач-пациент. Традиционно звучащий вопрос: «Доктор, что со мной случилось?» – исходит как из некоторой самоочевидности из представления о том, что пациент знанием истины своего состояния не обладает. Знающим выступает лишь врач. Все, что

пациент по случаю (как профан) может знать, должно быть заключено в скобки как в принципе не имеющее отношения к существу дела. Этот акт, напоминающий феноменологическую редукцию, осуществляется медицинскими дискурсивными и внедискурсивными практиками, которые голосу пациента оставляют в коммуникативном пространстве лишь узкое пространство для жалобы<sup>13</sup>. Все иное, что может раздаться из уст пациента, не слышно. На жалобы же обращено внимание, и они входят в «историю болезни». Причем эта «история» записывается врачом и существует лишь для врача, тщательно скрываемая от пациента. Практики сокрытия истории болезни от пациента при фактически неограниченной открытости для других врачей или представителей власти сохраняются еще во многих областях российского здравоохранения. В результате формируется пациент как особого рода «субъект», вся субъективность которого заключена в постоянном дисциплинированном самоисключении из любой осмысленной коммуникации, *очищении поля терапевтического (в широком смысле) действия от субъективных переживаний страждущего для объективных свидетельств его тела.*

Рядом с пациентом как особого рода «субъектом» эти же практики выстраивают врача как иного рода «субъекта». Причем и в этом случае огромную роль играет самодисциплина. Правда, ее функция иная, чем субъективирующая самодисциплина пациента. Она направлена на фокусирование эмпирического (субъективного в дурном смысле) «взгляда» (чувственности) врача в точку зрения объективного наблюдателя – субъекта. Процесс субъективации осуществляется многочисленными практиками, включающими архитектурную организацию больничного пространства, одежду врача, ритуалы и этикет общения с коллегами и пациентами.

Особое место занимают идущие из глубокой древности запреты. В частности, запрет на сексуальные отношения с пациентами. Если, к примеру, глаз или рука врача, осматривающего пациента, эротичны, то с профессиональной точки зрения подобный врач слеп. Он не видит и не способен ощутить «первичные качества» страдающего тела, из которых складывается объективная симптоматика болезней. Тело врача должно превратиться за счет тренировки и самодисциплины в механический прибор, регистрирующий физические качества: цвет, консистенцию, подвижность,

характер форм и поверхностей, и т. д. Только в этом случае в пространстве терапевтического опыта может возникнуть «субъект», идентичный идеалу объективного наблюдателя.

Таким образом, чтобы позаботиться о себе, пациент как субъект должен увидеть себя во взгляде другого субъекта. Поставить между собой и страданием врача, единственного очевидца развивающихся событий, и тем самым встать к нему в подчиненное положение. Асимметричная структура био-власти не зависит от личных качеств и желаний людей, попадающих в ее поле. Она действует через явные и неявные правила игры, предполагающие от каждого участника знание своей роли и ее аутентичное исполнение. Поэтому заболевший врач становится столь же «несведущим» пациентом, как и любой дворник или президент, оказывающийся в том же положении. Достаточно вспомнить прекрасно описанное А.Солженицыным в повести «Раковый корпус» быстрое перевоплощение одного из наиболее умелых и знающих онкологов Донцовой в роль беспомощного пациента.

Как известно, вопрос о надежде подводил Канта к размышлению о религии в пределах разума. Роль Бога в новоевропейской культуре до последнего времени играла научная истина (абсолютное благо всего человечества), наука выступала в роли Церкви, а ученый – священника. Именно наука обещала и продолжает обещать в ситуации бурного прогресса биотехнологий избавление от страданий, включая реальное бессмертие для человека. В христианской культуре Бог был основой самоидентификации – человек мыслился созданным по его образу и подобию. В новоевропейской культуре человек мыслился образованным по образу и подобию Ученого. В самом деле, процесс придания ему из «глины» природных возможностей зрелого «образа» представляет собой постепенное приобщение к началам научного знания. Впрочем, о постепенности говорить следует осторожно. Путь к истине не сводится к чистому накоплению научных знаний. Он прерывист и характеризуется «лиминальностью» – наличием ритуалов изменения статуса человека<sup>14</sup>. Образование делится на этапы – начальное, среднее и высшее. Завершение каждого этапа предполагает соответствующую аттестацию и получение от общества свидетельства (диплома). Дальнейшее продвижение к истине сопровождается ритуалами получения научной степени и звания.



Феномен лиминальности<sup>15</sup> для нас важен постольку, поскольку дистанция био-власти между врачом и пациентом образована не просто разным объемом знания, но их различным социальным статусом. Разрывом между сообществом «посвященных» и «непосвященных». Врач имеет диплом, свидетельствующий об его принадлежности к социальной группе избранных, обладающих правом на врачевание, т. е. правом играть свою роль. Пациент таковым правом не обладает. Его подчиненная самоидентичность (зависимая субъектность) жестко фиксируется внутрисоциальными барьерами обычая и права. Причем эта подчиненность и послушность голосу другого (врача) являются условиями его надежды на спасение (=исцеление), опоры на то в жизненном мире, что «больше него» (Истину). Последнее обстоятельство принципиально важно. Самоидентичность и врача, и пациента фундирована архаичными ритуалами жертвоприношений на «алтарь науки». История медицины наполнена трагическим героизмом самопожертвований ученых в их борьбе за Истину (и, следовательно, за власть). До последнего времени в бессознательное этой же истории вытеснялись значительно более массовые недобровольные жертвы жизнью и здоровьем пациентов. Отдельные возмущенные подобным «варварством» голоса свидетелей, к примеру, В.Вересаева, дружно подавлялись врачебной общественностью.

Биомедицинские практики-ритуалы «жертвоприношений на алтарь науки» конструируют самоидентичности врачей и пациентов, для которых характерно наличие «глубины», присутствие внутри субъекта метафизической инстанции, ценность которой значительно превышает ценность эмпирического существования отдельного человека.

Из сказанного выше достаточно ясно формулируется ответ на вопрос: «Что я должен делать?» – применительно к субъектности пациента и врача. Не забудем, что вопрос этот у Канта не касается непосредственно прагматических аспектов, но ставится исключительно в моральном смысле. Дело пациента (его моральная добродетель) сводится к практике самодисциплины, блокирующей вторжение в коммуникацию профанных дискурсов и практик обыденной жизни, а также послушание советам и назначениям посвященного в тайны жизни и смерти «другого» (врача). Пределом, к которому устремлены практики субъективации медицинской мо-



дели, является роль пациента максимально пассивного, не имеющего собственного голоса. Роль почти животного, поскольку единственно собственным у этого субъекта признается лишь боль, стон и другие проявления телесного страдания. Практики недобровольного экспериментирования вплотную подводят к этому пределу субъективации, превращая человека в «подопытного кролика». Естественно, что и в теоретическом плане пациент видится в рамках медицинской модели исключительно как организм. Последнее, однако, не означает даже возможности полной идентификации пациента с неким животным состоянием. Пассивное «животное» – лишь регулятивная идея, осуществление которой требует серьезного само-устремленного напряжения человека. Это пассивность, нуждающаяся в постоянной дисциплинирующей активности особого «субъекта».

Врач играет роль активного субъекта, который по статусу причастен Истине. Стандарт его моральной добродетели представлен в позиции универсального объективного наблюдателя (эквивалент божественной точки зрения), достижение которой идет через сеть дисциплинарных практик, образовательной активности по приобщению к истине и бифуркаций лиминальных переходов<sup>16</sup>. Взятые вместе представленные выше три ответа образуют ответ на четвертый вопрос: «Что такое человек?».

Таковы, в общих чертах, классические структуры врачевания, обозначенные как «медицинская модель», и соответствующие им типы самоидентификации, которые составляют до сих пор некоторый базовый контекст бурно развивающихся биотехнологий. К началу XXI в. этот контекст оказался в ситуации глубоких преобразований. В следующем параграфе отметим лишь некоторые направления его изменения.

## 2. Проблематизация медицинской модели

Как и каждое историческое изменение, проблематизация медицинской модели не представляет собой одномоментного события. Многое из того, что послужило началом и дало идейное содержание новым моделям врачевания, уже было подготовлено культурой и прогрессом самой медицины. Здесь уместна химическая метафора насыщенного раствора, остающегося до поры до времени в

стабильном состоянии, однако способного в результате внешнего воздействия дать начало бурному процессу формообразования. Таким мощным внешним воздействием стала победа союзников во Второй мировой войне и состоявшийся после ее окончания Нюрнбергский процесс.

**От войны к мирному сосуществованию (биомедицина и уроки Нюрнберга).** В августе 1947 г. на свет появился текст Нюрнбергского этического кодекса, регламентирующего правила проведения медико-биологических экспериментов на человеке. Он был подготовлен в ходе международного судебного процесса над нацистскими учёными-медиками, проводившими бесчеловечные научные эксперименты над заключёнными в концлагерях. При подготовке обвинительных материалов необходимо было сформулировать некоторые принципы, по которым можно было бы отличить правильно осуществлённые исследования на человеке от тех, что представляли собой преступные деяния. Некоторые эксперименты, в которых смерть испытуемых исходно планировалась, были очевидно преступными. Например, опыты по разработке методов борьбы с гипотермией, в которых часть испытуемых была в буквальном смысле заморожена, с гипоксией, когда они гибли в высотных самолетах из-за отсутствия кислорода, опыты с испытанием отравленных ядом пуль, заражением смертельно опасными инфекционными заболеваниями и др. Не вызвала сомнений и преступность таких научных проектов, как «заготовка» 120 трупов «русских евреев-комиссаров» для антропологических исследований и музейной экспозиции в Страсбургском университете.

Другие научные мероприятия было гораздо сложнее оценить и, главное, сформулировать, в чём именно состояло содержание преступного действия. К примеру, фашисты хотели после победы в максимально короткие сроки заселить освободившееся «жизненное пространство» представителями арийской расы. Для этого ими разрабатывались методы увеличения числа случаев многоплодной беременности с помощью гормональной стимуляции овуляции. Эти исследования, как правило, не сопровождалась гибелью испытуемых, в ряде случаев трудно было сформулировать, в чём заключался нанесённый ущерб, если соматические последствия были относительно незначительными.

Для решения этой проблемы группа экспертов, привлеченных для работы на процессе, сформулировала набор принципов морально оправданного экспериментирования на людях, впоследствии получивший название Нюрнбергского кодекса. В России текст кодекса был впервые опубликован только в 1993 г. в 7 номере журнала «Врач». Более чем на десятилетие он был забыт и на Западе. И это не случайно. Первый пункт кодекса формулировал основополагающую моральную и правовую норму, нарушение которой инкриминировалось немецким врачам. В частности, она гласит:

«Прежде всего, необходимо добровольное согласие испытуемого, которое означает, что лицо, вовлечённое в эксперимент, имеет законное право дать такое согласие и обладает свободой выбора без какого-либо элемента насилия, обмана, мошенничества, хитрости или других скрытых форм принуждения; обладает достаточными знаниями, чтобы понять сущность эксперимента и принять осознанное решение. Последнее требует, чтобы до предоставления согласия испытуемый был информирован о его характере, продолжительности и цели; методе и способах, с помощью которых он будет проводиться; обо всех возможных неудобствах и рисках; о последствиях для его здоровья и морального благополучия, которые могут возникнуть в результате участия в экспериментах». Однако, это требование не так редко нарушалось и учёными стран-победительниц. Как уже отмечалось выше, логос «войны» предопределял практику игнорирования прав отдельного человека, которая просуществовала без серьезных ограничений до начала 60-х годов на Западе и 90-х годов в России. И все же «процесс пошел».

Вполне в соответствии с библейской притчей, моральные издержки медицинской модели были первоначально обнаружены как небольшая, т. е. не затрагивающая идеологию медицины в целом «соринка» в «глазу» другого (врага). Понадобилось время, чтобы в собственном «глазу» общественность демократических стран смогла обнаружить «бревно» моральной ограниченности медицинской модели. Опубликованная в 1964 году «Хельсинкская декларация» Всемирной медицинской ассоциации (ВМА) не только подтвердила необходимость соблюдения принципов Нюрнбергского кодекса для всех стран, но и сформулировала базисный принцип врачевания мирного времени – *«интересы испытуемого всегда должны превалировать над интересами науки и человечества в получении новых знаний»*. Этим положением отвергается

идея оправданной жертвы на алтарь науки. Высший интерес, который служил основанием самоидентичности человека в рамках медицинской модели, прячется от общественного взгляда во тьму секретных лабораторий. В пространстве, открытом общественному взгляду, начинает доминировать идея *прав человека* как уникального индивидуума и гражданина, реализация которой в биомедицине проявляется в том, что основным правилом, определяющим отношения врачей и пациентов, становится *правило добровольного информированного согласия*. Причем это касается и научных исследований, и каждодневной практики медицины. Место *этоса войны* занимает отчасти *этос мирного морального сообщества*<sup>17</sup> или общественного договора («контрактной модели», по Р.Витчу), формируя соответствующие типы самоидентификации.

Преобладание этоса мирного морального сообщества в самосознании современной медицины, вытесняя идею легитимной жертвы, дополняет конструкт «субъекта» фундированными в идее глубины (истины) формами самоидентификации (субъективации), возникающими на поверхности профанного дискурса – в сфере гражданских отношений. Био-власть растекается по поверхности профанных дискурсов. В *дополнение к механизмам лиминальных переходов, продуцирующих классического типа структуры субъект-объектных отношений, начинают работать механизмы социальных контрактов, создающие ролевые самоидентификации по сговору, как результат гражданской сделки*. Отмеченное преобразование наиболее полно выражается в структурах современного здравоохранения, которые условно названы «социальной моделью».

### 3. Социальная модель и ситуация хронического заболевания

Как отмечалось выше, в рамках медицинской модели главной целью врачевания выступало возвращение организма страдающего человека из отклоненного состояния в состояние равновесия (нормы). Наиболее адекватной медицинская модель оказалась для заболеваний, которые называются *острыми*. Спецификой их является то обстоятельство, что возникшие болезненные нарушения в организме в принципе обратимы и его (организма) функции в результате медицинского вмешательства могут быть достаточно эффективно

восстановлены. Острое заболевание предстаёт для больного как временное состояние ограничения нормальных и привычных для него форм жизнедеятельности. При этом цель врачевания сводится к исправлению возникшей поломки в организме с помощью тех или иных терапевтических или хирургических мероприятий.

Самоидентичность пациента в ситуации острого заболевания описывается характерными для медицинской модели чертами картезианского «я», со стороны (т. е. объективно) относящегося к своему телу. Стрдание для этого «я» – лишь внешняя временная помеха нормальной самореализации в труде или наслаждениях жизни. Отстраненность от тела как внешнего предмета имеет как бы две взаимосвязанных стороны. Во-первых, в ней отражена классическая оппозиция субъекта и объекта, которая задает представление о врачебном действии, даже если оно производится самим пациентом, как манипуляции с внешним объектом. Во-вторых, для пациента его тело «отстранено» от него его собственным невежеством. Он в буквальном смысле «не видит», что с ним поистине происходит, и поэтому вынужден постоянно для прояснения собственной ситуации обращаться к врачу с уже упоминавшимся традиционным вопросом: «доктор, что со мной?» Только в свете научного знания (во взгляде врача) пациент оказывается способным в качестве наблюдающего «я» видеть истинный образ своей воплощенной в теле самости.

Хроническое заболевание в рамках медицинской модели трактуется чисто негативно – как временная, обусловленная несовершенством науки неспособность вернуть организм больного в нормальное состояние. *Проблематизация медицинской модели подготовила возможность увидеть в хроническом заболевании не просто временную слабость медицинских знаний, но особую реальность телесного страдания, которая в полной мере не наблюдаема с точки зрения медика-эксперта, сколь бы он ни совершенствовал свои познания.* Сформулирую несколько иначе: проблематизация медицинской модели позволила обнаружить в ситуации хронического заболевания *особый смысл отношения к телесному страданию в целом*, т. е. особый, не наблюдаемый изнутри медицинской модели смысл отношения врачей и пациентов.

В тех случаях, когда болезнь приобретает хронический характер (сюда, кстати, относится подавляющая часть патологии старческого возраста), т. е. восстановление жизнедеятельности

до нормального уровня оказывается либо вообще невозможным, либо растягивается на достаточно продолжительный период времени, цели и задачи врачевания качественно усложняются за счет реабилитационного направления. Пациент уже не может абстрагироваться от патологии как временного препятствия. Она входит в его жизнь как имманентный горизонт реализации всех его жизненных планов. Картезианское «я», характерное для ситуации острого заболевания, трансформируется в некое «телесное сознание», общие контуры которого разработаны в феноменологии восприятия Мерло-Понти. Как метафорически выражаются Дженнингс, Каллахан и Каплан, от логики войны с болезнью происходит переход к логике «мирного сосуществования», для которой характерны не радикальные действия с целью уничтожения противника, а длительные «дипломатические переговоры» и «компромиссы» с целью реабилитации, а не выздоровления.

Реабилитационная терапия как бы перешагивает биологический уровень оказания помощи, перемещая основной акцент своей деятельности на биографический уровень заболевания. Если в ситуации острого заболевания врач в принципе мог реализовать стоящие перед ним задачи без помощи пациента, то в реабилитационном процессе пациент начинает играть равную по значимости, но иную по содержанию роль в сравнении с ролью медика. Пациент лучше врача знает о собственных жизненных приоритетах и предпочтениях, профессиональной ориентации и привычках.

Врач, исходя из возможностей организма больного, может подсказать ему, какие для последнего допустимы физические нагрузки, как целесообразно изменить диету, какой образ жизни предпочтительно вести. Но медик не в состоянии сам изменить образ жизни пациента так, как он мог изменить и нормализовать до определенных пределов нарушения в организме. Основной действующей фигурой в реабилитационном процессе становится пациент, т. к. именно от его готовности изменить образ жизни, от воли и целеустремлённости, от умения эффективно сотрудничать с медицинскими работниками зависит, в конечном итоге, успех врачевания. «Оказание помощи в условиях хронического заболевания более всего морально обосновано и терапевтически эффективно тогда, когда и получающий, и оказывающий помощь осознают

общность своих целей и когда оба заинтересованы в более глубоком взаимопонимании. Только при этом условии возможно защитить интересы больного как личности»<sup>18</sup>.

Деятельность врача в ситуации острого заболевания детерминирована естественнонаучной по своему содержанию логикой интерпретации биологических процессов на организменном уровне. Реабилитационная медицина усложняет мышление врача необходимостью учёта социальных закономерностей. Именно поэтому вырастающая из опыта оказания помощи больным с хроническими заболеваниями новая модель восприятия телесного страдания может быть названа «социальной моделью» в противоположность традиционной «медицинской».

Вместе с тем, традиционная биологически ориентированная логика «медицинской модели» остаётся доминирующей в современной медицине, особенно отечественной. Будучи более или менее эффективной и оправданной в ситуации острого заболевания, она явно недостаточна при хронических. В ряде случаев её господство может приводить к самым серьёзным негативным последствиям как с точки зрения эффективности медицинской деятельности, так и с моральной точки зрения.

Есть очень точная метафора, которая называет архитектуру «идеологией, застывшей в камне». Если приглядеться к архитектуре современных больниц, то нетрудно заметить в том, как организовано жизненное пространство пациента, определяющее влияние идеологии острого заболевания. Архитектурное пространство, в котором существует больной, строится из следующих элементов: койка, палата, коридор, столовая, туалет и те блоки, в которых ему оказывается медицинская помощь. Это, вероятно, наиболее оптимальная структура для хирургического отделения, в котором пациент находится относительно короткий промежуток времени. Но когда на тех же принципах организовано архитектурное пространство психиатрических клиник, где тысячи больных проводят большую часть своей жизни, то здесь налицо явное ущемление права пациентов на достойное человеческое существование.

Собственно говоря, понятие «репрессивная психиатрия», которое в СССР получило узкополитическую трактовку, исходно появилось в работах психиатров, неудовлетворённых господством биологизаторского подхода к пониманию принципов оказания



психиатрической помощи, отстаивающих важность разработки программ социализации и реабилитации психиатрических больных. Больной оказывается как бы репрессированным рутинным порядком медицинского лечения, «окаменевшим» в архитектуре больничных зданий, в отношении возможностей реализации своих жизненных планов. Если человек болен шизофренией, то это не значит, что для него всё кончено. Он такой же полноправный гражданин нашей страны, как и все остальные. Его права могут быть ограничены только при строго определяемых законом условиях. Он живёт мечтами и надеждами на возможность самореализации, что просто немыслимо без его эффективной реабилитации и социализации, без создания в рамках психиатрических больниц адекватно организованного жизненного пространства.

Аналогичные аргументы справедливы и для такого многотысячного контингента больных, каким являются дети, страдающие тяжёлыми хроническими заболеваниями. Архитектурное пространство детской больницы должно создавать возможности для личностного развития и образования больного ребёнка, для игры и обучения, а не только для лечения. Естественно, параллельно необходимо изменить идеологию врачевания хронических пациентов, дополнив её логикой общественной жизни: клинической психологии, педагогики, социальной помощи и т. д. На словах – многие медики с этим согласны. Но как только речь заходит о «штатном расписании» больниц, ставках, льготах, дополнительном финансировании социальных составляющих реабилитационного процесса, все это оказывается «излишеством», оставленным до лучших времен. «Существенное» во врачевании исчерпывается канонами медицинской модели, т. к., с ее точки зрения, социальный план страдания не наблюдаем.

Собственно говоря, это проблема не только связана с идеологией медицины, но и с моральным несовершенством существующего (особенно в нашей стране) общественного сознания в целом. Архитектура метро, театров, кинотеатров, библиотек, стадионов, школ, институтов, жилых домов и общественных зданий – всего градостроительного пространства самым безжалостным образом репрессирует инвалидов, которые в огромном числе случаев оказываются заточенными в своих квартирах и лишены тех возможностей полноценной социальной жизни, которыми обладают другие граждане.



Поэтому, настаивая на принципиальной важности как с моральной точки зрения, так и сугубо медицинской развития реабилитационных программ в здравоохранении, необходимо одновременно подчёркивать насущность встречного движения общества в сторону большей открытости к нуждам и потребностям инвалидизированного населения.

Какие последствия для самоидентификации человека связаны с медленным, но верным процессом формирования социальной модели врачевания? Первое уже было упомянуто. Рядом с картезианской самостью, отстраненной от тела, формируется самоидентичность «телесного я», отношение которого к миру и себе с самого начала оказывается контекстуализировано – определено частной (не универсальной, по определению) точкой отсчета, погруженной в конкретную ситуацию страдающего тела. Причем эта погруженность дает специфический ресурс *особого образа жизни* в странах с развитой системой социального страхования. Возникает особый социальный слой населения, который полностью или частично живет и решает социальные, экономические, психологические и иные проблемы, используя свое заболевание в качестве жизненно важного средства. Причем средства не только в меркантильном смысле слова, но и средства особой формы культурной самоидентификации. Растет число национальных и международных организаций слепых и глухонемых людей, которые требуют признать себя не в качестве инвалидов, но как представителей особой субкультуры.

Теперь необходимо понять, в свете какого рода знания «телесное я» узнает себя, отвечает на вопросы: «что со мной», «что мне делать» в ситуациях хронического заболевания. Принципиальным отличием от медицинской модели, построенной на главенстве монодисциплинарного медицинского экспертного знания, является в социальной модели акцент на полидисциплинарность. Чисто медицинское знание оказывается недостаточным. Оно дополняется многообразием специфических знаний (истин), которыми обладают эксперты социальных и гуманитарных наук. Единый свет научной Истины, открытой с универсальной, почти божественной точки зрения, расслаивается на многообразие в чем-то дополняющих друг друга, в чем-то конфликтующих друг с другом истин, справедливых лишь с точки зрения конкретного экспертного знания<sup>19</sup>.

Собственно говоря, лишь через идею целого, Э данную регулятивно – как установка=проблема, все различные формы экспертной и профанной практики соотносятся друг с другом. Никакого промежутка между ними нет.

В медицинской модели мы видели в свете «объективной истины» отчетливые «центры» самоидентификации в форме знающего (поэтому ответственно действующего) субъекта и пассивного объективно представленного страдающего тела пациента – объекта. На вопрос пациента: «Что со мной?» – отвечал врач. Он же считал себя вправе принимать решение – отвечать на вопрос «что делать», часто даже не ставя пациента в известность о принятом решении. В социальной модели центр смещается в сферу профанного опыта пациента. Именно в нем сходятся и через него опосредуются различные экспертные описания ситуации телесного страдания, каждое из которых несет свой ресурс самоидентификации в качестве «субъекта» и «объекта». Страдающий человек может взглянуть на себя то с точки зрения врача (причем не с одной), то с точки зрения психотерапевта, социального работника, диетолога, специалиста в области лечебной гимнастики, эксперта по семейным проблемам, сексопатолога и т. д. Многообразие экспертных суждений, отвечающих на вопрос «что происходит» и «что делать», сопрягается в осмысленное основание для принятия решения в рамках житейского опыта пациента, его «подручного знания» (М.Хайдеггер). Это обстоятельство социально закрепляется в универсально распространенном этическом правиле и соответствующем правовом механизме «добровольного информированного согласия»<sup>20</sup>, с помощью которого именно пациенту передаются основные права на принятие жизненно важных решений. «Что делать?» – решает «профан» (сам пациент). *Тем самым между «знанием» и «силой», в дополнение к традиционным, устанавливаются новые отношения, структурированные дискурсами и практиками обывденной жизни.*

Формирование социальной модели происходит синхронно с трансформациями в современной естественнонаучной онтологии. В классической науке всегда присутствовала регулятивная идея единства мира, принципиальной возможности со временем представить его в формах единой научной картины (единой универсальной теории). Стратегии редукционизма и интегративизма («холизма»), несмотря на внешнее расхождение, выражали это

общее метафизическое желание. В физике, химии, биологии и медицине постоянно воспроизводились свои региональные попытки создания общей теории. С конца 70-х – начала 80-х гг. XX в. это желание ослабевает, вытесняясь в маргинальные сферы научного опыта. Наука обнаруживает, что она может успешно развиваться в отсутствии общей теории, единой картины мира, в том числе и общей научной теории телесного страдания.

Данное обстоятельство не снимает самой установки на связанность научного опыта. Она усложняет свою онтологическую структуру: укорененность в событиях физического (в широком смысле слова) мира объективно данных событий дополняется укорененностью с событиями мира истории, структурированной повествовательными практиками. Многообразие возможных онтологических проекций (способов представления) телесного страдания оказалось возможным связать через их уместное соприкосновение в рамках конкретного научного или клинического случая. Их связывает не общее основание логики или фундаментальной онтологии – соседство в картине мира, а пригнанность друг к другу, обеспечиваемая фронезисом и мастерством разного рода экспертов, диалогически взаимодействующих с пациентом-клиентом. Рассказ представляет единичный опыт единства и онтологии мира как истории<sup>21</sup>. В результате даже за чисто естественнонаучными представлениями начинает проглядывать иного типа онтология. Онтология исторического события. Это означает изменение регулятивной идеи, предположенной практиками произведения субъекта. Рядом с субъектом-наблюдателем появляется его «alter ego» – субъект-автор. Причем каждый из них имеет разные варианты, т. е. представляет собой сетевую структуру множественных самоидентификаций.

Но эта множественность не отменяет единства, укорененного в ответственном поступке каждого профессионала и каждого пациента в деятельности по достижению общей цели – реабилитации последнего.

#### **4. Экзистенциальная модель (ситуация терминального состояния)**

Ситуация хронического заболевания, как своеобразный «натурный эксперимент», позволила переопределить цели врачевания, открыть новые ресурсы самоидентификации врачей и пациентов перед лицом телесного страдания. Аналогичным образом специфическая ситуация умирающего больного позволяет сделать еще один шаг само-познания современного человека. Ситуация умирания требует радикально переосмыслить ответ на требование «узнай себя». Героический лозунг медицинской модели – бороться до конца за жизнь больного – уместен и достоин всяческого уважения в ситуации проведения хирургической операции, в реанимационном отделении или отделении интенсивной терапии. Однако этими и подобными ситуациями медицинская практика не исчерпывается.

В онкологии, как и некоторых других областях клинической медицины, нередко встречаются ситуации, когда дальнейшие попытки вылечить пациента или хотя бы стабилизировать его состояние становятся бессмысленными (опухоль становится нечувствительной к различным видам терапии). Как говорят некоторые онкологи, больной выходит из программы. Его выписывают из больницы «на руки» участковому врачу. Каковы цели оказания медицинской помощи подобным больным? Что значит бороться до конца в этих условиях? Бессмысленно ставить задачу нормализовать состояние организма или социально адаптировать пациента в условиях наличия хронической патологии. Основной задачей оказания медицинской помощи становится обеспечение достойного для человека процесса умирания.

Соображение достаточно простое. Однако для идеологии медицинской модели врачевания неочевидное. Врач обязан бороться до конца! Как солдат на поле боя, обязан до последнего вести сражение. Уже ситуация хронического заболевания уязвляет моральное самосознание врачебного сословия, оказавшегося вынужденным мириться с собственной неспособностью добиться окончательной победы. Признать умирание как неизбежное событие, несмотря на его очевидность, означает капитуляцию перед «врагом». «Смерть – это провал, несчастный случай. Так

считает врач, ибо в этом оправдание его существования. Но и он выражает здесь лишь то, что чувствует само общество. Смерть – знак бессилия, беспомощности, ошибки или неумелости, который следует поскорее забыть»<sup>22</sup>. Как ни странно, но именно подобного рода риторические формулы до настоящего времени использовались врачебным истеблишментом для сдерживания развития специфической формы медицинской помощи – паллиативной медицины.

В историческом развитии современной медицины должно было произойти последовательно два события, прежде чем сформировалось понимание принципиальной особенности паллиативной помощи<sup>23</sup>. На первом этапе необходимо было увидеть в умирающем больного. На втором – увидеть в этом больном умирающего человека, смертную личность. Первый шаг привел к феномену, названному Ф.Арьесом *медикализацией смерти*. Лишь где-то в XIX в. врач постепенно заменяет священника у постели умирающего больного. За этой заменой кроется фундаментальное переосмысление природы страдания умирающего человека: оно из духовного превращается в общественном сознании в телесное (предмет экспертной помощи врача). К середине XX в. уже половина всех смертей происходит не дома, а в больнице. В условиях господства медицинской модели «ни умирающий, ни его семья не имеют больше власти над его смертью: ее регистрирует и организует больничная бюрократия»<sup>24</sup>.

Умирающий превратился в обычного больного. В результате само событие умирания исчезло, стало ненаблюдаемым в рамках медицинской модели. Больной либо жив, пусть и в критическом состоянии, либо уже мертв. В первом случае врач оказывает ему помощь так же, как и любому другому пациенту. Во втором констатирует смерть. «Еще в 1965 г., когда Элизабет Кюблер-Росс попыталась расспросить умирающих об их состоянии, руководство больницы не только увидело в этом ненужную жестокость, но и отвергло саму постановку вопроса. Умирающие? Таких нет. Их и не может быть в хорошо организованном лечебном заведении»<sup>25</sup>. Нет не потому, что люди не умирают в больницах, но потому, что самоидентичность умирающего неразличима в свете биологически ориентированного медицинского знания. Арьес не случайно подчеркивает особую роль психологов, социологов и представителей

других гуманитарных наук в визуализации самоидентичности человека как умирающего и его особых проблем – как медицинских, так и выходящих за компетенцию последних.

Ответом на открытие специфической фигуры умирающего больного стало формирование особой модели оказания помощи, которую целесообразно назвать «экзистенциальной моделью», поскольку действие (содействие страждущему) как бы сдвигается в экзистенциальный промежуток между жизнью и смертью. Если ситуация хронического заболевания позволила открыть в самоидентичности человека его телесную ограниченность (имманентную неуниверсальность), то ситуация терминального страдания открыла экзистенциальную конечность человека (он вновь смог осознать себя как «смертный»). Подчеркну еще раз: для медицинской модели смерть случайна. Она чужда человеку. Поэтому предметом заботы является жизнь, ее максимально возможное продление до той точки, в которой она, в силу недостаточного развития медицинских технологий, прерывается. В экзистенциальной модели возникает *забота о смерти*, точнее говоря, *забота о достойной человека смерти*.

Эта забота проявляется многолико и противоречиво. В этой ситуации полезно прежде всего ответить на вопрос: какого рода знание способно обеспечить наблюдаемость событий в пограничном экзистенциальном режиме и дать основание для особого рода практик? Недостаточность экспертного медицинского знания уже подчеркивалась выше. Как и социальная модель, экзистенциальная формируется как фундаментально полидисциплинарная отрасль. Помимо специалистов медико-биологического профиля, в изучении процессов умирания принимает участие определенное число гуманитариев (психологов, социологов, антропологов, философов, юристов и т. д.).

*В отличие от социальной, экзистенциальная модель вынуждена переступить границы той реальности, которая может быть дана с научной точки зрения, пусть и полидисциплинарной. Любого рода забота о достойном уходе из жизни строится на том или ином предположении метафизического плана – о бытии или небытии человека после смерти.* Не случайно, что прежде всего в рамках экзистенциальной модели в медицину возвращается священник, предлагая традиционный и наиболее проработанный

культурой ответ на вопрос: как человек может сохранить свою самоидентичность перед лицом смерти?. При этом даже далекое от религии светское сознание вынуждено исходить из глубоко метафизических предпониманий. К примеру, различные варианты эвтаназии предполагают, *что смерть лучше, чем страдание*. Безусловно, никакого научного подтверждения этому тезису быть не может. Оно возникает как *фундаментальное метафизическое предпонимание, стремительно захватывающее своей самоочевидностью общественное сознание. Из этой очевидности вырастают эвтаназические практики «лечения» боли смертью*.

К ней же апеллируют и истцы, проходящие по «wrongful life suits» (делам о нанесении ущерба актом рождения на свет). Смысл этих исков весьма парадоксален. Они помогают обнаружить скрытое в основании практик экзистенциальной модели метафизическое априори. Дети, рожденные с тяжелыми пороками развития, предъявляют иск родителям, которые знали о вероятности рождения ребенка с патологией развития, но не сделали своевременно аборт. В чем заключается нанесенный родителями этим детям ущерб? Истцы утверждают, *что для них небытие лучше, чем бытие в состоянии страдания (самоочевидное предположение практик эвтаназии)*. Позволив ребенку с уродствами родиться на свет, родители тем самым причинили ему ущерб. Суды, разбиравшие подобного рода дела, справедливо отказывали в компенсации «потерпевшим» на том основании, что достоверного знания в отношении факта нанесения ущерба не существует<sup>26</sup>.

Впрочем, нельзя научно доказать и обратного – того, что прекращение жизни страдающего «нестерпимой» болью человека наносит ему ущерб. Отчасти поэтому большая часть дел по обвинению врачей в эвтаназии пациентов заканчивается также оправдательными приговорами.

В любом случае мы наблюдаем фундаментальное экзистенциальное открытие, совершающееся в общественном сознании. Человек начинает вновь узнавать себя в качестве смертного. Небытие вновь становится его небытием, чем-то, что имманентно и позитивно входит в его самоидентичность как его *бытие-к-смерти* (М.Хайдеггер). Для религиозного опыта, получающего признание у постели умирающего (право на духовную помощь священника закрепляется повсеместно на законодательном уровне), небытие

интерпретируется как другое, в фундаментально метафизическом смысле, бытие. Для агностиков и атеистов обыденного сознания оно (небытие) также становится своим (лучшим, чем боль, которая предстает как *чужая*) – предметом *заботы о себе* в практиках эвтаназии. Тем самым происходит экзистенциальная радикализация самопознания, которое совершается «в» и «через» современные биомедицинские технологии. Путь к себе, который набрасывает био-власть, вновь трансцендирует за рамку наличной ситуации жизни в пространство смерти.

Предложенные выше описание полиморфного структурно-матрикса био-власти современного здравоохранения касается лишь наиболее существенных для темы нашего исследования аспектов. В принципе оно должно было бы быть дополнено многообразием структур самоидентификации, которые связаны с рыночной и государственной моделями здравоохранения, научной медициной и широким спектром альтернативных или комплементарных типов (гомеопатии, акупунктуры, шаманизма, колдовства и т. п.). Упомянутые сейчас и подробно описанные выше конструкции в современную эпоху не имеют метафизической устойчивости. Они формируют своеобразную сеть нестабильных контингентных коммуницирующих друг с другом самоидентификаций. Поэтому событие врачевания в эпоху другого модерна не может быть сведено к классическому представлению о врачующем действии, предполагающему точечную самоидентичность активного и знающего врача (субъекта) и объективированную в механизме тела самоидентичность страдающего пациента. Скорее оно предстает как уникальная для каждого случая серия метаморфоз самоидентичностей страдающего и оказывающих помощь, их совместный дрейф в сети возможных самоидентификаций, которая наброшена эпохой как общее для них структурированное био-властью пространство жизненного мира.

Следует при этом не забывать и об иной очевидности. В сопротивлении неизбежно наступающему и переживании его (сопротивления) фатальных неудач самости дается опыт встречи с мощью био-власти, укорененной вне человеческого мира, за пределом его дискурсов и практик. В этом опыте самость обнаруживает присутствие в себе жизни не в качестве предмета преобразования, в деятельном отношении к которому она (самость) играет роль



субъекта, но в качестве правящей власти, играющей этим «субъектом». Это та власть, из рук которой человек получает роли ребенка, юноши и девушки, мужчины и женщины, старика и старухи. Она же изымает у него все возможные роли, сбрасывая со сцены жизни в мир смерти. Бытие человека, властно захваченное стихией игры жизни, есть его «бытие к смерти».

### Примечания

- 1 Связь истины и свободы может быть прослежена до самых оснований европейской культуры. У Платона она получает свою собственно философскую проработку.
- 2 Био-власть в эпоху биотехнологий. М., 2001; Геномика – наука «другого модерна» // Философия науки. Вып. 8. М., 2002. С. 201–220.
- 3 Я называю «классической» модель, которая у Фуко скорее бы фигурировала под именем «современной».
- 4 Отметим, что прогресс геномных исследований, обещающий открыть и поставить под контроль биологические механизмы смерти, ставит человека перед парадоксом. Смерть при этом не исчезнет. Просто ее основными причинами станет «господин случай» и злая воля самого человека, которая имманентна его свободе. Если не считать случай, то никаких врагов, кроме себя самого, у него не останется.
- 5 *Подвысоцкий В.В.* Основы общей и экспериментальной патологии. СПб., 1905. С. 1.
- 6 *Витгенштейн Л.* Философские исследования. № 107 // *Витгенштейн Л.* Философские работы (Ч. 1). М., 1994. С. 126.
- 7 *Jennings B., Callahan D., Caplan L.A.* Ethical and Policy Issue in Rehabilitation medicine // *A Hastings Center Report. Special Supplement.* 1987. August. P. 9.
- 8 Об особом «логосе войны» говорится с учетом его прояснения в работах: *Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт. СПб., 2000; *Хайдеггер М.* Самоутверждение немецкого университета // *Мартин Хайдеггер* / Пер. А.А. Михайлова. М., 1993. С. 222–231; *Бибихин В.В.* Язык философии. М., 1993. С. 121–178; *Gelven M.* War and Existence. A Philosophic Inquir. Pensilvania, 1994.
- 9 Концептуальная связь логоса и феномена войны, конкретизируемая эстетической категорией возвышенного, со всей определенностью намечена у Гегеля и многоаспектно обыграна в лекциях по философии Гегеля у А.Кожева. См.: *Кожев А.* Идея смерти в философии Гегеля. М., 1998.
- 10 Война как техника самоидентификации рассматривается мной в статье Тищенко П.Д. Метафизика и метафорика телесности // *Постижение культур.* Вып. 5–6. М., 1996.
- 11 Об испытании ядов на «врагах народа», что сопровождалось их гибелью, см.: *Судоплатов П.А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 1997. С. 238–255.

- <sup>12</sup> См., например, Доклад РНКБ «Вакцинопрофилактика и права человека» под редакцией Б.Г.Юдина (рукопись).
- <sup>13</sup> В этом направлении работает и архитектурная организация больничного пространства жизнедеятельности пациента (койка-туалет-столовая), и его ритуальная социальная изоляция, и больничная одежда, и ритуалы общения с врачом, которые фактически ограничены вопросом: «На что жалуетесь?».
- <sup>14</sup> См.: *Gennen A.* Ван. Обряды перехода: Системное изучение обряда. М., 1999.
- <sup>15</sup> На важность феномена лиминальности для современной антропологии указывается Г.Л.Тульчинским «Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности» (СПб., 2002. С. 78–163).
- <sup>16</sup> Несмотря на фантастические научные достижения последних лет, в основе лечебных практик нетрудно обнаружить архетип древних ритуалов исцеления. См.: § 3 пятой главы книги «Био-власть в эпоху биотехнологий». *Jennings B., Callahan.*
- <sup>17</sup> См.: Engelhardt H.Tr.Jr. *The Foundations of Bioethics.* N.Y., Oxford, 1996.
- <sup>18</sup> *Caplan L.A.* Op. cit. P. 3.
- <sup>19</sup> С гносеологической точки зрения ситуация напоминает квантовомеханическую. Описание истинно не само по себе, но лишь при указании прибора и метода измерения, с помощью которых оно получено.
- <sup>20</sup> Теоретические и практические проблемы действия правила добровольного информированного согласия подробно рассмотрены мной в учебном руководстве «Введение в биоэтику» (в соавт. / Отв. ред. Б.Г.Юдин. М., 1998. С. 183–196).
- <sup>21</sup> Роль истории в обеспечении связанности научного опыта обсуждена мной в брошюре «Что значит знать? Онтология познавательного акта». М., 1989.
- <sup>22</sup> *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти / Пер. В.К.Ронина. М., 1992. С. 481.
- <sup>23</sup> См.: *Юдин Б.Г.* Смерть и умирание. Эвтаназия // Введение в биоэтику. В соавт. Отв. ред. Б.Г.Юдин. М., 1998. С. 265–293.
- <sup>24</sup> *Арьес Ф.* Там же С. 483.
- <sup>25</sup> Там же С. 484.
- <sup>26</sup> *Heyd D.* «Genethics & Moral issues in the creation of people» & Univ. of California Press. 1992. P. 1–17.

*Р.Р. Беляетдинов*

### **Этическое регулирование нанотехнологий: исследовательская этика или наноэтика?**

Безопасный рост нанотехнологических исследований и производство продукции с использованием нанотехнологий невозможен без анализа рисков, связанных с их развитием, при этом влияние подобных технологий на общество является наиболее сильным проявлением возможных негативных последствий их развития. Обозначение подобных рисков, как правило, можно найти в специализированных этических руководствах<sup>1</sup>, где предлагаются эффективные и взвешенные подходы, защищающие общество от негативных последствий технологий, но вместе с тем и не ограничивающие развитие науки. Но в том случае, если технология может получить широкое распространение, а именно такими и задумываются нанотехнологии, она нередко вызывает интерес у самой широкой публики. Подобные дискуссии возникли и в отношении нанотехнологий, и касаются они прежде всего эффективности существующей системы этической экспертизы, *de facto* применяемой для оценки разработок с использованием нанотехнологий. Необходимость подобных дискуссий связана с тем, что нанотехнологии, возможно, станут стимулом развития областей науки, тесно связанных с жизнью человека, прежде всего медицины. И в том случае, если развитие нанотехнологий будет успешным, в силу многообразия форм влияния на человека их разработка и практическое использование может привести к переосмыслению существующей парадигмы исследовательской этики.

*Pro et contra* нанотехнологий как нового предмета, требующего особой этической экспертизы, – один из ключевых элементов подобных дискуссий. Автор статьи «Как следует заниматься нано-

этикой? Сетевой подход для различения этических проблем нанотехнологий»<sup>2</sup> отмечает, что в настоящее время сосуществуют два альтернативных видения этики нанотехнологий. Согласно первому подходу, они являются обычными инновационными технологиями, и их развитие не нуждается в каком-либо специализированном регулировании. Уже существует достаточный инструментарий этической экспертизы, который, например, применяется в медицине, и нет необходимости разрабатывать какие-либо особые подходы специально для нанотехнологий. Согласно противоположному мнению, нанотехнологии являются революционными, а значит, существующие этические стандарты, разработанные более 40 лет назад, недостаточны, и необходимо разрабатывать новые подходы в рамках специальной дисциплины – наноэтики, которые позволят адекватно проводить экспертизу всех видов разработок с использованием нанотехнологий.

Критический подход к целесообразности разработки специализированной этики нанотехнологий представлен в статье Сёрена Холма «Нужна ли наноэтика для нанотехнологий?»<sup>3</sup>. Исследователь полагает, что нанотехнологии как таковые не приносят никаких новых рисков, которые могли бы потребовать специальных подходов этической экспертизы: «Несмотря на необходимость анализа множества этических проблем, возникающих в связи с развитием различных направлений нанотехнологий, все же нет необходимости в “наноэтике”. Приемы, разработанные в рамках прикладной этики в течение последних 35 лет, по всей видимости, уже предусматривают все необходимые инструменты, которые позволяют анализировать нанотехнологии»<sup>4</sup>.

Автор статьи «Нанотех – нечто новое. Этические проблемы – старые» Макдоналд полагает, что этические принципы не следует обновлять с развитием нанотехнологий: «Этические размышления о нанотехнологиях требуют, чтобы мы применяли этические принципы в этой области, однако нет необходимости применять *новые* (курсив – мой) принципы. Например, в то время как нанотехнологии находят место в наномедицине, возникают вопросы в связи с проведением исследований с участием человека. Инновационные методы лечения иногда используют новые способы доставки лекарств (например, лекарства доставляются в опухоль внутри сконструированных молекул). В этом случае принципы, регулирующие

исследование, останутся неизменными. Исследователи все также должны фокусироваться на информированном согласии, минимизации рисков и защите уязвимых социальных групп»<sup>5</sup>. Традиционный подход к этической экспертизе нанотехнологий основывается на опыте регулирования исследовательской деятельности, приобретенном в предыдущие десятилетия.

Между тем другие исследователи настаивают на том, что нанотехнологии отличаются от технологий, которые когда-либо развивала наука.

Грюнвальд отмечает две особенности нанотехнологий – их высокий потенциал для совершенствования человека и высокую степень конвергенции этических аспектов при применении. Грюнвальд полагает, что «в некоторой степени новым в нанотехнологиях является конвергенция различных этических проблем в одной технологии. Подобно тому, как нанонаука и нанотехнологии являются областями, в которых традиционные границы между физикой, химией, биологией и техническими науками пересекаются, точно так же традиционные подходы этической рефлексии сливаются с этическими вопросами в нанотехнологии»<sup>6</sup>.

Совершенствование человека в рамках наномедицины – потенциальное направление развития нанотехнологий и вместе с тем амбивалентная этическая проблема, дискуссии по которой начинаются всякий раз, когда открываются новые возможности для этого. В наиболее широком смысле биотехнологии не только расширяют возможности современной медицины, но и ставят вопрос о сущности человека, которая рассматривается как неотъемлемая особенность, превращающая биологическое тело в личность. В появлении новых возможностей, которые предоставляет медицина, а скоро предоставит и наномедицина, все более реализуемым становится и стремление человека к биологическому самосовершенствованию. Анализируя проблему использования биотехнологий для совершенствования тела, автор книги «Генетически модифицированные спортсмены»<sup>7</sup> обращается к наработанным в философии концепциям личности человека, как классическим, так и к современным.

Энди Миа рассматривает концепцию человечности через анализ принципов *человеческого достоинства и автономии, определяющих* независимость нравственных убеждений от внешних

условий жизни. Так как кантианская идея автономии, по мнению автора, избыточно рациональна и не учитывает индивидов, лишенных самостоятельной рациональности (например, больных, находящихся в состоянии комы), он предлагает переформулировать концепцию автономности через концепцию *личности*.

Важный элемент личности, на который обращает внимание автор, – *самоидентичность*. Опираясь на работы Чарльза Тейлора, Энди Миа определяет идентичность как качество, позволяющее связывать суждения, высказываемые личностью, в единое целое. Наличие у человека *автономии, идентичности и личности* рассматривается в данной работе как условие, позволяющее формировать жесткие моральные критерии, мотивируя свою деятельность, и как основной элемент концепции *человечности*. Исследователь полагает, что если совершенствование тела согласуется с моральной аутентичностью, то для совершенствования человека не существует этических препятствий.

Основанием для того, чтобы человек совершенствовал свое тело при помощи биотехнологий, считает автор, может стать условность границы между болезнью и здоровьем. Э.Миа обращается к концепции Фуко, который рассматривал многие состояния здоровья, нормальные с биологической точки зрения, как болезненные с точки зрения общества. Расстройства оказываются инспирированы не столько биологическими причинами, сколько отношениями между людьми и представляют собой социальную конструкцию. Эту концепцию также именуют социальным конструктивизмом.

Автор приходит к выводу, что сегодня стоит задуматься о том, что традиционный нормативный подход не соответствует запросам современного человека, стремящего самостоятельно определять для себя ценности, при этом не разрушая ценности окружающих.

### Регулирование нанотехнологий

Доклады Европейской группы по этике науки и новых технологий<sup>8</sup> и «Нанонауки и нанотехнологии: возможности и сложности»<sup>9</sup> Английского королевского общества рассматривают возможные риски, связанные с нанотехнологиями. Доклады носят рекомендательный характер, но устанавливают стандарты ответственности исследователей перед обществом.

Ключевым направлением деятельности эксперты Европейской группы по этике считают предварительную оценку рисков обратного, негативного воздействия нанотехнологий и наномедицины. Применяемый в этом документе принцип безопасности подразумевает охрану здоровья и жизни людей, принимающих участие в нанотехнологических исследованиях. Основные риски же – отравление, загрязнение окружающей среды, непредсказуемость воздействия наночастиц на организм человека. Принцип предосторожности требует возможно точной оценки «допустимых рисков» и их сопоставление с ценностью ожидаемых результатов исследования.

Между тем нанотехнологии в сфере медицины не требуют каких-либо особых методов регулирования, отличных от уже существующих, однако большое значение имеет *применение уже существующих* принципов. Например, недостаток информации о воздействии нанотехнологий заставляет с особым вниманием относиться к получению информированного согласия при проведении медицинских исследований с участием человека.

Подобные мысли высказывают авторы доклада «Нанонауки и нанотехнологии: возможности и неопределенности». Хотя существующие принципы регулирования производства и использования нанотехнологической продукции достаточно эффективны, авторы обращают внимание на то, что следует быть готовым адекватно «отреагировать на риск, возникающий в результате находящихся в свободном состоянии наночастиц и нанотрубок»<sup>10</sup>. Авторы доклада рекомендуют рассматривать наночастицы уже известных химических соединений в качестве новых субстанций, требующих специального тестирования и в случае необходимости – особого регулирования при использовании. Они также констатируют, что «часто для того, чтобы решить, как следует изменять существующие правила, чтобы учесть конкретные риски, возникающие из-за использования наночастиц и нанотрубок, требуется больше информации о рисках нанотехнологий, угрожающих как человеку, так и окружающей среде»<sup>11</sup>.

Комиссия по этике научных знаний и технологий (КОМЕСТ) обозначает важность более широкого исследования влияния нанотехнологий на человека: «Естественнонаучные исследования, даже междисциплинарного характера, сами по себе не могут обеспечить решение проблем, связанных с развитием нанотехнологий. Необходимы исследования в области социальных наук»<sup>12</sup>.

В упомянутых документах зафиксирована непредсказуемость влияния нанотехнологий не только на здоровье человека, но и на общество. Сегодня в науке есть много технологий, способных менять среду обитания человека и человека, – это и генетика, и биотехнологии, и их производные, например, сращивание компьютерной техники и организма человека. До настоящего времени эти технологии были сильно ограничены в своем развитии, главным образом в силу невозможности производить необходимые изменения на микроуровне. В случае успешного развития нанотехнологии могут оказаться инструментом, который позволит добиться больших успехов в науках, непосредственно влияющих на человека (медицине, компьютерной технике), а также интегрироваться в жизнь миллионов, ведь присущий нанотехнологиям универсализм применения гарантирует их распространение практически во всех сферах науки.

Конечно, внедрение нанотехнологий только начинается, и очень важно уже на этом этапе не только оценивать риски, но и искать наиболее оптимальные этические подходы. Проблема социальной справедливости, защита прав испытуемых при проведении медицинских исследований, оценка рисков, связанных с применением нанотехнологий, – существенные элементы исследовательской этики, и какой из этих элементов окажется в центре внимания, покажет длительный мониторинг тех областей, где нанотехнологии будут применяться наиболее интенсивно. В настоящее время трудно предсказать, насколько эффективны окажутся методы исследовательской этики и потребуются ли специальная этика, наноэтика, для того, чтобы регулировать все аспекты развития нанотехнологий. Но предпосылки для этого уже существуют.

### **Примечания**

- <sup>1</sup> См. например, The European Group on Ethics in Science and New Technologies to the European Commission, Opinion on the ethical aspects of nanomedicine, Opinion № 21, 2007; Nanoscience and nanotechnologies: opportunities and uncertainties / The Royal Society Science, Policy Section. The Royal Society, 2004.
- <sup>2</sup> Ibo van de Poel, How Should We Do Nanoethics? A Network Approach for Discerning Ethical Issues in Nanotechnology // NanoEthics. 2008. 2:25–38.



- <sup>3</sup> *Holm S.* Does nanotechnology require a new «nanoethics» Cardiff Centre for Ethics, Law and Society, August 2005. Retrieved October, 26, 2007, <http://www.ccels.cf.ac.uk/archives/issues/2005/>
- <sup>4</sup> *Ibid*, P. 3.
- <sup>5</sup> *MacDonald C.* Nanotech is novel; the ethical issues are not // *The Scientist*. 2004. 8.
- <sup>6</sup> *Grunwald A.* Nanotechnology – a new field of ethical inquiry // *Sci Eng Ethics*. 2005/11. P. 187–201.
- <sup>7</sup> *Miah A.* Genetically Modified Athletes. L., 2004.
- <sup>8</sup> The European Group on Ethics in Science and New Technologies to the European Commission, Opinion on the ethical aspects of nanomedicine, Opinion № 21. 2007.
- <sup>9</sup> Nanoscience and nanotechnologies: opportunities and uncertainties // The Royal Society Science. Policy Section. The Royal Society, 2004.
- <sup>10</sup> Там же. Гл. 21.
- <sup>11</sup> Там же. Гл. 26.
- <sup>12</sup> Нанотехнологии и этика. Политика и направления деятельности // Всемирная комиссия по этике научных знаний и технологий (КОМЕСТ). Париж, 2008. С. 14.

*Ф.Г. Майленова*

## **Влияние системы убеждений на отношение к боли**

### **Жизнь со знаком «минус» или философия уныния**

История нашей жизни – это наш рассказ о ней. Как говорил Сэм Кин<sup>1</sup>, у каждого из нас существует потребность рассказать свою историю, и в этом состоит одна из основ психотерапии. Каждый стремится, рассказывая свою историю, расцветить ее значительными событиями – если нет значимых побед и достижений, то их место могут занять переживания по поводу их отсутствия. Отчего-то считается нормой, чтобы в исповедальном жанре, а именно такой жанр предпочитается в длинных разговорах «о жизни», будь то ночная беседа с попутчиком в поезде дальнего следования, разговор «по душам» с другом, или же сеанс у психотерапевта, должна превалировать именно трагедия. То ли мы не умеем говорить о радости, то ли не умеем ее замечать и запоминать, а может, действительно жизнь столь сурова и безнадежна для большинства из нас?

И, разумеется, в том, что жизнь сложилась столь неинтересно, в ответе оказывается кто угодно, только не сам человек. Поиск, нахождение и подробное обсуждение причин несложившейся жизни – от социально-политических («в какой стране мы живем!», «мы – потерянное поколение») до «глубинно-психологических» («таков тип моей личности, я не способен быть счастливым», «меня не так воспитывали в детстве, не понимали/не любили» и т. п.) – служит одной главной цели – оправданию нежелания человека брать ответственность за свою жизнь и судьбу. Слушая подобные исповеди, можно только удивляться, насколько пассивным предстает их герой, он просто-напросто игрушка в руках судьбы

или других людей. При этом все подобные истории очень похожи друг на друга, хотя сами авторы, безусловно, считают свои страдания уникальными.

Итак, основной сценарий жизни со знаком «минус». Начинается все с трудного детства – это обязательно, сегодня все мало-мальски образованные люди знакомы с психоанализом и потому знают, что в сегодняшних их психологических проблемах виноваты родители, которые их не понимали в раннем детстве. Справедливости ради стоит отметить, что доля истины есть в этом суждении, и немалая, и детские травмы (в том числе во вполне благополучных семьях) на самом деле скорее правило, нежели исключение. В книге известного швейцарского психотерапевта Плиса Миллера «Драма одаренного ребенка»<sup>2</sup> описывается жизнь детей через призму их восприятия. Непонимание и злоупотребление родительской властью действительно может нанести ребенку травму, которую не заметят ни родители (для них это может быть обычной житейской ситуацией), ни даже сам ребенок, потому что он еще не способен критически оценивать своих родителей. Так что если травма действительно имела место, она, как правило, вытесняется, и взрослый человек не может помнить о ней по ряду психологических причин. Диагностировать ее можно зачастую только косвенно, по специфическим личностным нарушениям, увидеть которые способен лишь специалист.

Стоит ли доказывать, что тот «народный психоанализ», которому модно стало подвергать самого себя, читая популярные статьи о психологии в журналах, весьма далек от настоящего психоанализа, являющегося наукой тонкой, сложной и требующей многолетнего изучения. Тем более такие широкие обобщения смешивают в одну кучу людей по-настоящему проблемных, с личностными нарушениями и тех, кто просто жалеет себя.

Итак, трудное детство, мучительное отрочество, далее искорверканная юность – здесь уже нередко вторгаются общественно-политические мотивы: негативное влияние социального строя, отсутствие свободы или, наоборот, переизбыток ее, отсутствие порядка, невозможность доступа к благам, имеющимся у других людей, – все это наносило непоправимый урон психике молодого человека. А еще были друзья, которые обманывали, любимые, которые предавали и бросали ради других, более красивых и преу-

спевающих (ну как тут не впасть в депрессию на долгие годы!), на работе их подвергали гонениям, несправедливо обижали и обносили должностями и наградами. В целом человеческая природа тоже очень виновата: таковы люди, которые замечают только богатых, красивых, удачливых и везучих... Вот примерный сценарий исповеди человека, живущего жизнью со знаком «минус».

В эту построенную картину мира очень трудно бывает втиснуть какое-то сомнение в том, что все могло бы сложиться иначе, – нет, все подогнано плотно, кирпичик к кирпичику и жестко цементировано. Все могло бы сложиться иначе лишь при одном условии: если бы другие люди (родители, школа, страна, общество в целом) были другими. Тем более невозможной является идея, что все *может стать* иначе, что цепь неудач можно прервать, и для этого не нужно ждать счастливого случая, выигрыша в лотерею или в казино, встречи с щедрым спонсором и т. п., а как-то изменить собственное видение мира. Увы, нет более уверенного в себе человека, нежели профессиональный неудачник: он знает все о себе и о людях, у него нет иллюзий, он – реалист, он лишь печально улыбнется в ответ на подобные возражения («если вы бы знали *мою* жизнь, вы бы так не говорили!»). Он обладает ни много ни мало абсолютной истиной, с которой и спорить-то не имеет смысла... И рассказывает он свою исповедь не для того, чтобы вы ему мешали наслаждаться его страданиями, поэтому будьте добры, соглашайтесь и либо поплачьте вместе с ним, либо разделите с ним ненависть ко всему миру, столь недружественному, но ни в коем случае не пытайтесь нарушить его картину мира.

### **Можно ли «переписать» личную историю?**

Как уже говорилось выше, рассказы людей о себе зачастую гораздо более драматичны, чем их жизнь, они как бы еще «от себя» добавляют накала страстей, поэтизируя влюбленности, углубляя страдания и драматизируя разочарования. Разумеется, происходит это все как бы само собой, и рассказчик по ходу изложения понемногу сам уверует в то, что все именно так и есть. История прожитая и история рассказанная – это далеко не одно и то же. Не говоря уже о том, что в процессе рассказывания прожитое видоизменяется, и наше прошлое, таким образом, постоянно подвергается

изменениям. Эта особенность психики используется в психотерапии – тягостные воспоминания прошлого, не дающие наслаждаться жизнью сегодня, могут стать не такими травмирующими благодаря психической переработке, которую можно осуществлять под влиянием тех или иных психотерапевтических техник. Другими словами, то, что люди делают спонтанно, приукрашивая или драматизируя свою жизнь в рассказах о себе, можно делать осознанно, направив в нужное русло. И тогда вместо бесконечно повторяющейся истории о неудавшейся жизни и плохих людях, мешающих преуспеть, можно начать рассказывать и проживать другую – о жизни, в которой началась светлая полоса и произошли хорошие события. Однако для этого требуется преодолеть инерцию в мыслях, в чувствах, в поступках, что порой бывает очень непросто, и придется расстаться не только с болью, но и с кучей выигрышей и удобств, которые она дает. Так что на смену старой, привычной боли может прийти новая, неизведанная и потому пугающая.

Так или иначе, психотерапия имеет дело с болью – в этом она близка к целительству и врачеванию, хотя избавление от эмоциональной боли не является самоцелью. Угрызения совести человека, совершившего подлый поступок, несомненно, болезненны, однако нужно ли в таких случаях спешить на помощь? Возможно, иногда полезно не избавляться от боли, а напротив, прожить ее, отстрадать.

Отношение человека к душевной и физической боли различно. К физической боли легче отнестись как к объекту, не идентифицируя себя с ней. Если, к примеру, у кого-то болят зубы или голова, это всего-навсего боль, которую можно вылечить или терпеть, зачастую от нее можно отвлечься и думать о ней как о чем-то отдельном от человека. А душевнобольной – это уже не вполне человек, тут затронута личность, образ «Я». Поэтому человек склонен идентифицировать себя со своей душевной болью, страданиями и, если не может с ними справиться, полагает, что он не справляется в целом со своей жизнью.

### **Душевная боль глазами психотерапевта**

В психотерапии относительно душевной боли существуют две крайние точки зрения на то, как человеку правильно к ней относиться. Первая предполагает, что личность полностью ответ-

ственна не только за свою боль, но также и за боль других людей, вторая, наоборот, исходит из предположения, что ответственность за страдания несут другие: боги, родители, общество, система воспитания и пр. Последняя точка зрения бывает чрезвычайно вредна с нравственной точки зрения, так как позволяет человеку плыть по течению, лениться и ничего не делать со своей ситуацией, прикрываясь страданиями. К сожалению, эта психологическая концепция является наиболее популярной, ее в упрощенном виде преподносят нам литература, телевидение, радио. Любой, даже весьма далекий от профессиональной психологии человек «знает», что его нынешнее состояние вызвано проблемами его детства, следовательно, он является жертвой, что оправдывает его в стремлении избежать ответственности за свою личную жизнь. Такой подход приводит в конечном итоге к ослаблению личности, а порой и к ее нравственной деградации. Нередко можно услышать в рассуждениях о преступниках, убивших или замучивших невинных людей, что им (преступникам) нужно сочувствие, потому что у них было трудное детство, и никто их не понимал, и они сами являются жертвой и т. п. В интервью с такими «душевно тонкими» убийцами и насильниками можно увидеть, как они полны жалости к себе, к своим душевным мукам, и тут уже психология оказывается льющей воду на мельницу всепрощения, что ведет к размыванию самих границ между добром и злом.

Каждому хочется жить хорошо. При этом некоторые готовы предпринимать какие-то действия, усилия ради преодоления душевной боли, другие же ограничиваются одним желанием. К сожалению, психотерапия, призванная помогать избавляться от боли, не всегда дает толчок к необходимым изменениям, зачастую останавливаясь на словах. Психотерапевт в своем стремлении помочь может прийти к противоположному результату – клиент перекладывает ответственность за боль своей жизни на психолога, включив его в систему своей жизни, и по сути все остается по-прежнему.

Нередко это случается из-за чрезмерной эмпатичности терапевта. Сказанное может показаться странным: кто как не психотерапевт обязан быть предельно понимающим, поддерживающим? Психологи годами учатся приемам эмпатии, которая является необходимым условием их работы, и разве не за этим к ним в первую очередь и приходят?

Разумеется, сочувствие к тем, кто в данный момент действительно сильно страдает, у кого было тяжелое детство, необходимо, однако оно не должно приводить к инфантилизации. А терапевту очень легко потеряться в своем сочувствии и перестать осознавать, какой нравственный урон он тем самым наносит клиентам. Клиент, совершивший неблагоприятный поступок или продолжающий совершать что-то подобное изо дня в день, приходит за помощью и утешением. С помощью интеллектуальных трюизмов его можно и утешить, и оправдать, тем самым освободив от чувства стыда и неловкости.

Однако необходимо различать эмпатию и симпатию, пишет Ф.Перлз<sup>3</sup>. Сведение эмпатии к симпатии может побудить терапевта давать пациенту всю поддержку, которую тот хочет получить от среды. Терапевты часто оказываются слишком вовлеченными в переживания пациентов, недооценивая и не учитывая невероятную тонкость их манипулятивной техники. Клиент будет ждать все больших доз эмпатии, практически вымогая сочувствие, и эти его попытки необходимо фрустрировать, иначе психотерапию можно считать неудавшейся.

Чрезмерная эмпатия терапевта может размыть контактную границу и превратиться в слияние, а это уже не позволит осуществлять работу по изменению проблемной ситуации, так как терапевт оказался включен в эмоциональную систему клиента. Если же терапевт практикует исключительно фрустрацию (есть и такие), то он тем самым воспроизводит для пациента ситуации, которые тому слишком хорошо известны, они фактически и составляют его невроз. В обоих случаях терапевт не дает пациенту импульса для изменения.

Получается, для того чтобы быть добрым, нужно временами быть жестоким. Если клиент только и делает, что врет самому себе, можно и нужно побудить его перестать притворяться перед собой и увидеть свои поступки во всем их неприглядном виде, а это скорее всего приведет к душевной боли и страданию. Сопереживая же страдающему клиенту всеми силами души, можно ненароком попасть в ту же ловушку, в какую попадали все близкие клиента, – начать решать за него, вместо того чтобы способствовать его переходу от внешней поддержки к опоре на себя.

Однако важно понимать, что фрустрация является не самоцелью, а лишь средством, чтобы в итоге добиться поставленной цели. Искусство психотерапевта требует правильного сочетания двух, казалось бы, несовместимых элементов – симпатии и фрустрации.

Впрочем, это сочетание требуется и в нашей обычной жизни: в общении с другими людьми мы все одновременно жаждем и близости с симпатией и стремлением уступать другому человеку, и в то же время мы хотим сохранять свои границы и не желаем, чтобы кто-то посягал на наши права и потребности. Для того чтобы сохранять желаемый баланс, порой приходится быть не только эмпатичным с другими людьми, но и фрустрировать их – это известный факт.

Многие люди страдают от патологических поведенческих стереотипов в течение многих лет. Причины, вызвавшие их, зачастую лежат в глубоком прошлом и в настоящее время представляют собой лишь воспоминание, пусть и достаточно сильно окрашенное эмоционально. Однако рациональной необходимости вести себя подобным образом нет, в то время как человек уже адаптировался к своей травме и окружающие тоже свыклись с его особенностями. Таким образом взрослые, вполне здоровые люди свыкаются со своими ограничениями и со своим образом «Я», страдающим и неспособным контролировать свою жизнь. Но самое удивительное даже не в том, что человек годами пестует свои страдания, причиняя неудобства себе и окружающим. Парадокс состоит в том, что когда приходит помощь (а она приходит непременно, и не обязательно в виде психотерапевта), ее либо «как бы» не замечают, либо открыто отвергают как неподходящую или несвоевременную. Самый сложный шаг в работе с психологическими проблемами – не осознание их, как можно было бы предположить, хотя это немало важно в процессе изменений, а решимость распрощаться с болью и построить новый образ «Я» без привычного страдания. Если это не удастся, при избавлении от привычных страданий, заполнявших жизнь до краев, вскоре придет ощущение пустоты и бессмысленности жизни, что порой гораздо сложнее пережить, так как это страдание иного порядка, более глубинное и необъяснимое.

### **Ценность душевных страданий («Она меня за муки полюбила»)**

«Существует очень много людей, которые ни разу в жизни не испытали счастья. Но нет таких, кто бы ни разу не страдал», – отмечает Э.Фромм. – И как бы люди ни пытались вытеснить из сознания свои переживания, вряд ли удастся найти человека, ко-



торый бы прожил жизнь без страданий. Поэтому сочувствие нераздельно связано с любовью к человеку. Где нет любви, там не может быть сопереживания. Противоположность сопереживанию – равнодушие...»<sup>4</sup>. Первый шаг при острой эмоциональной боли – это прежде всего признание ее существования. Для многих это является серьезным шагом, так как большинство страданий настолько загнаны вглубь, что уже почти не осознаются как таковые самим человеком. Обычно за агрессией, хронической усталостью, безволием, апатией, невозможностью наладить эмоциональные взаимоотношения с противоположным полом скрываются давние страхи, страдания и порой безысходное отчаяние, что становится очевидным лишь при глубокой психологической работе.

Несмотря на всю поэтичность душевных страданий, которые нередко вдохновляли поэтов и композиторов на великие произведения искусства, в обычной жизни мы стремимся их избегать. Удастся это не всегда, поэтому зачастую страдания подвергаются вытеснению, человек живет, как бы не чувствуя боли, не замечая, насколько ему плохо. Однако подобное означает, что человек так и не услышал те сигналы, которые ему посылает его бессознательное. Ведь любая боль – это способ, каким наш организм требует внимания, указывает на какое-то неблагополучие, тот язык, с помощью которого наше бессознательное общается с сознанием. Так как те процессы, которые протекают в организме, не контролируются сознанием, здоровый организм не беспокоит своего «хозяина» до тех пор, пока он может справляться посредством своих внутренних ресурсов. Однако как только дисбаланс в той или иной части организма становится чрезмерным, звучит сигнал тревоги, который может сначала проявиться в виде легкого недомогания, усталости, какой-то смутной тревоги, едва заметных болей и т. п. Если же реакции со стороны целого организма не последовало и, соответственно, меры по улучшению не были приняты, сигнал звучит «громче» – уже через боль, не откликнуться на которую невозможно. Чаще всего, откликаясь на этот сигнал и устраняя источник боли, человек предохраняет свой организм от повреждения и гибели. Например, головные боли при перегревании, или недостаточном количестве воздуха, или из-за переутомления сигнализируют о том, что дальнейшее пребывание в столь неподходящих для жизни условиях опасно. В таких случаях боль «не отпускает» до тех пор,

пока человек не устранил дискомфорт, т. е. выйдет на свежий воздух или уйдет из шумного или загазованного помещения, перестанет общаться с неприятными для себя людьми, отправится спать и т. д. К сожалению, человек не всегда может знать причину боли, особенно это касается так называемых психосоматических болей (к таковым относятся боли при дыхании, в желудке, головные боли, возникающие как бы на пустом месте и имеющие под собой не столько физиологические, сколько психологические причины). Тем не менее в большинстве случаев благодаря современным достижениям в медицине и просто здравому смыслу нам все-таки удается хотя бы приблизительно знать причину и устранять ее.

Так что механизм боли, выработанный эволюцией для живых существ, работает на их выживание: если бы не было боли, человек просто физически не выжил бы в мире, полном смертельной опасности на каждом шагу. Маленький ребенок, познавая мир, постоянно сталкивается с болью, и часто процесс познания как таковой бывает сопряжен с ней: он падает, учась ходить, обжигается, трогая горячую воду или огонь, может неоднократно уколоться или порезаться, познавая свойства незнакомых предметов; причем ему, как правило, мало услышать от старших, что ему будет больно, – он должен все испытать и во всем удостовериться сам. И лишь спустя время, приобретя опыт собственных ошибок, ребенок научается осторожности.

Что-то похожее человек делает и при осваивании своего внутреннего пространства: он пробует испытать весь диапазон эмоций, начиная от бурной радости до леденящего ужаса и бездонного отчаяния. Некоторые исследователи считают, что не следует защищать детей от «грубой реальности» – от конфликта в семье, от знания о гибели домашнего животного, ибо это лишает их практики обращения со страданием<sup>5</sup>. Впоследствии такие дети, став взрослыми, оказываются совершенно беспомощными перед жизненными испытаниями.

### **Страшные сказки как школа жизни**

Для детей, которые слово переживают порою так же зримо, как и реальность, есть еще один очень действенный путь – сказки, волшебные истории, детские фильмы. Не зря детские сказки всех

народов мира полны чудовищами, людоедами и злодеями, которых потом, конечно же, побеждают хорошие герои – но уже потом, когда дети всласть набоялись и наужасались. Главное, что положительные герои, с которыми ребенок себя отождествляет, после всех опасных приключений возвращаются домой с победой и с множеством новых друзей. Психологам известно, что на самом деле все сказочные образы – это зашифрованные послания человеческому бессознательному, и ребенок их усваивает, даже сам не понимая как. В этих образах есть и жизненные сценарии – программа на будущее, и общечеловеческие ценностные критерии, и неявное научение, как справляться с конфликтами, внутренними и внешними. Внутри каждого человека есть и злой волшебник, и добрая фея, и кровожадный волк, и трусливый заяц, и мудрый старец – все эти персонажи являются частью нашего «Я», так что сказки полезны всем, в том числе и взрослым людям<sup>6</sup>. Сказка – это метафоричный учебник жизни, в ней можно «проиграть», прожить какие-то жизненные ситуации в фантастической форме. Приобретенный эмоциональный опыт впоследствии поможет ориентироваться уже в реально проживаемой жизни.

Важно лишь, чтобы сказки, читаемые детям, подбирались с учетом индивидуальных особенностей ребенка, типа его психики и нервной системы, так как то, что для одного – просто интересная страшная история, для другого может стать источником психической травмы и многолетних страхов.

Другое важнейшее условие – это нравственный заряд всех страшных сказок, а также фильмов, спектаклей, радиопередач для детей (да и не только для детей). Специальные исследования психологов в области СМИ показали, что разрушающее влияние насилия на экране, о котором уже давно пишут специалисты, зависит не от количества пролитой крови, а от отношения авторов к злу как таковому. Если в стиль повествования заложена гуманистическая нравственно-этическая оценка изображаемого зла и сами авторы на стороне добра, то влияние изображения даже самого чудовищного зла будет, наоборот, позитивным, закладывающим отвращение к насилию и стремление бороться с ним. Если же художественное изображение сил зла таково, что зрителю (слушателю) хочется отождествляться именно с ними – яркими, свободными и сильными, а не с блеклыми и неинтересными добрыми героями,

увы, при всей талантливости и художественной ценности таких произведений их влияние будет разрушительным для человеческого духа. Хотелось бы, конечно, вслед за Пушкиным воскликнуть: «Гений и злодейство несовместимы!» – однако, к величайшему сожалению, в сегодняшней жизни все чаще встречается служение художественного гения силам зла и разрушения.

«А ведь никогда зло не является таким привлекательным, как именно под освещением лучей эстетики, и нужно проникнуться серьезным отношением к вопросам этики, чтобы навсегда избежать искушения смотреть на зло с эстетической точки зрения. Между тем подобный взгляд предательски таится в каждом человеке и проскальзывает при каждом удобном случае, чему немало способствует преобладание эстетического начала в воспитании и образовании современного юношества»<sup>7</sup>, – писал Серен Кьеркегор. Процесс познания добра и зла происходит на протяжении всей жизни человека, и так же вечен процесс выбора между этими двумя полюсами бытия. Возможно, зрелость личности определяется как раз тем, что, познав и добро, и зло во всей полноте, она добровольно и свободно выбирает добро, преодолевая мучительные противоречия. К этой свободе выбора можно прийти лишь через осознание всей сложной и многогранной борьбы между добром и злом в «микрокосме» – в пространстве своего внутреннего мира.

### **Боль как источник личностного роста**

Жизненный путь отдельного человека, даже если брать лишь срез нравственной и духовной жизни, настолько сложен и неоднозначен, что описать его в категориях готовых представлений о должном поведении невозможно. Порой именно высокий уровень требований к себе, стремление к абсолютной чистоте нравственного выбора ставит перед выбором одной нравственной ценности в ущерб другой. Чем выше уровень осознания духовной жизни, тем меньше готовых ответов и тем больше сомнений в сложных, неоднозначных жизненных ситуациях.

Исследование своего внутреннего мира и поиск своего места в жизни не только в социальном, а еще и в духовном и экзистенциальном смысле могут с разной интенсивностью сопровождать человека в течение всей его жизни, и процесс этот зачастую про-

ходит весьма сложно и болезненно. Как правило, такого рода экзистенциальные потребности осознаются человеком в достаточно зрелом возрасте, когда у него уже есть какой-то привычный способ существования, эмоционального реагирования на те или иные ситуации. Новый уровень осознания приводит прежде всего к тому, что человек начинает понимать, что так, как он жил по-прежнему, он больше жить не хочет. Однако как жить по-новому, он представляет весьма приблизительно.

Таким образом, боль, страдание (физическое и душевное) являются не только сигналом неблагополучия в организме, а порой еще косвенным признаком изменений, роста, точнее, сигналом того, что необходимые изменения назрели и требуется какой-то качественный прорыв.

Традиция рассматривать душевную жизнь человека параллельно с жизнью его физического тела приводит к тому, что душевная жизнь начинает представляться как некое дополнение к телу, хотя на самом деле она обладает относительной самостоятельностью и имеет свои закономерности. Если человек живет не в согласии с собственной совестью, даже абсолютное физическое благополучие не принесет ему чувства полноты жизни. Наметившийся в последние годы в нашей стране существенный крен в сторону сугубо материальных ценностей, которые декларируются как якобы единственные стоящие чего-то в жизни, представляет собой редуцированный взгляд на человека, на его потребности. Кроме материальных, отрицать которые на самом деле никто не собирается, есть еще потребности интеллектуальные, духовные, нравственные. Их можно отрицать, не считаться с ними, но уничтожить, изъять их из природы человека невозможно.

Отношение к боли физической и душевной в нашей культуре различается: если первую принято однозначно воспринимать как нечто мешающее, от чего надо избавляться как можно быстрее, то ко второй отношение более сложное, так как тут мы вступаем в пространство нравственных ценностей. В определенных ситуациях человек выбирает страдание, так как это соответствует каким-то высшим принципам. Например, существует целый ряд событий в жизни человека, переживая которые как бы «положено» страдать: при несчастной любви, разлуке, предательстве и т. п., хотя все эти события разными людьми могут переживаться по-разному, суще-

ствуется культурная норма, как к ним надо относиться. Поэтому человека, который не страдает, точнее, не показывает этого в подобных ситуациях, воспринимают либо как бесчувственного, либо как невероятно выдержанного и мужественного.

В нашей культуре отношение к страданиям как к признаку душевной глубины приводит к тому, то многие люди настолько сжились со своими страданиями, что научились рассматривать их чуть не как главную составляющую их личности, и они опасаются, расставшись с ними, потерять собственную идентичность. «Я убежден, – пишет Роджерс, – что процесс хорошей жизни – не для малодушных. Он связан с расширением и ростом своих возможностей. Чтобы пуститься в поток жизни, требуется мужество»<sup>8</sup>.

Именно поэтому в пространстве боли, страдания можно и следует искать возможность изменений и возрождения. После душевных потрясений человек может полностью разочароваться в жизни и в людях, а может стать сильнее, найти в себе какие-то неведомые ранее способности, так что роль душевных страданий нашей жизни весьма неоднозначна. Та жизненная энергия, которая уходила на переживание боли и различные способы защиты от нее, при правильном распределении сил может стать источником силы, с помощью которой возможно настоящее возрождение. Случаи такого внезапного прорыва в результате какой-то жизненной катастрофы неоднократно описывались в литературе, как художественной, так и философской и психологической.

Следует отметить тот факт, что люди, которые по самому складу своей личности мотивируют себя преимущественно «от» (негативная мотивация), видимо, время от времени нуждаются в такой эмоциональной «встряске», каковую им предоставляют негативные переживания. Жизненная активность, усилия, которые они прикладывают для достижения каких-то значимых целей, в первую очередь направлены на то, чтобы избежать тех негативных последствий, каковые последуют, если они не будут ничего делать. Например, такие люди могут тщательно выполнять свою работу не из стремления к совершенству, а для того, чтобы не уволили, или воздерживаться от безнравственных поступков из боязни осуждения. Для людей такого типа негативный опыт является ценным и, по сути, необходимым источником энергии развития и созидания.

Можно провести еще одну параллель в дополнение к сказанному о жизни тела и жизни духа. Все, что мы говорили о боли физической, правомерно и относительно боли душевной: страдания духа также могут означать не просто боль, которую надо или терпеть, или стремиться как-то избежать, а еще и некую информацию, только эта информация заключается уже в том, что что-то неблагополучно в области духа и необходимо обратить внимание на какие-то проблемы.

Так же, как и физическая, душевная боль может нести позитивные функции. Во-первых, ее появление не случайно и не бессмысленно, а имеет какую-то определенную причину, указывающую на некое неблагополучие, во-вторых, именно благодаря боли, дискомфорту и происходит развитие личности и душевный рост, так как стремление избавиться от боли – это очень сильный стимул к изменениям. Можно даже сказать, что на данном этапе развития человечества боль необходима, так как современный человек так мало уделяет внимание своему здоровью (физическому, психическому и нравственному), что нет другого способа обратить его внимание на себя самого и заставить его душу трудиться. Другого способа, чтобы человек выжил не просто как физическое тело, но и как личность, наконец, как вид, природа пока что не знает. «Стремиться к боли и возводить ее в добродетель – это одно, понимать боль и использовать этот естественный сигнал – это другое», – пишет Ф.Перлз. – О чем сигнализирует боль? Прошу внимания! Прекрати то, что ты делаешь! Я – возникающий гештальт. Что-то ошибочно! Внимание!!! Мне больно»<sup>9</sup>.

О позитивной роли боли, страдания, отчаяния много сказано в художественной и философской литературе, особенно у классиков экзистенциализма, считающих все глубокие чувства, в том числе и негативные, достоянием человеческого духа. Более того, прослеживается идея невозможности жизни без страданий, которые одни и делают её полноценной и подлинной. «Настоящая человеческая жизнь начинается по ту сторону отчаяния»<sup>10</sup>, – отмечает Ж.П.Сартр.

Похоже, человеческая жизнь невозможна без страданий. Страдания – это не некое отклонение от жизни, а часть ее, на каких-то ее этапах неизбежная, и задача человека – достойно прожить их, принимая происходящее с ним как вызов и как испытание.

**Примечания**

- <sup>1</sup> *Keen S., Fox A.V. Telling Your Story: A Guide to Who You are and Who You Can Be. N. Y., 1973.*
- <sup>2</sup> *Миллер П. Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я / Пер. с нем. М., 2001.*
- <sup>3</sup> См.: *Perls F. The Gestalt Approach & Eye Witness To Therapy. Science & Behavior. Books, Inc., 1973.*
- <sup>4</sup> *Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 387.*
- <sup>5</sup> *Пауль М., Пауль Дж. Как сохранить твою любовь. М., 1994. С. 269.*
- <sup>6</sup> Существует даже целое направление в групповой психотерапии: клиенты проигрывают свои проблемы в роли сказочных персонажей, а так как в пространстве игры человеку не мешают его ограничения, он может найти такие варианты поведения и даже попробовать их не мысленно, а реально, в процессе игры, которые в обычном состоянии ему бы и в голову не пришли. Далее, по окончании игры психолог комментирует происходившее и помогает клиентам осознать себя и свое поведение в жизни, так как человек в игре проявляет многие черты характера и паттерны поведения, которые могут остаться незамеченными при обычной беседе.
- <sup>7</sup> *Кьеркегор С. Или-или. М., 1993. С. 267–268.*
- <sup>8</sup> *Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. С. 247.*
- <sup>9</sup> *Перлз Ф.С. Внутри и вне помойного ведра. СПб., 1995. С. 190.*
- <sup>10</sup> *Сартр Ж.-П. Философские пьесы. М., 1996. С. 68.*



*Г.Л. Белкина, С.Н. Корсаков*

### **И.Т. Фролов о роли гуманистических ценностей в научном познании**

Развёртывание биоэтических исследований и становление практики гуманитарной экспертизы потребовало пересмотра традиционных представлений о соотношении когнитивных и ценностных аспектов процесса познания. Когда объектом познания и практического воздействия становится человек, человеческая природа, невозможно абстрагироваться от аксиологического измерения непосредственно в самом процессе познания.

Сегодня проблема включения этической компоненты в сам процесс познания остаётся предметом острых дискуссий. Позиция, отстаивающая этическую нейтральность научного познания, как известно, хорошо обоснована. Каков современный контекст дискуссий о соотношении научного познания и ценностей?

Е.А.Мамчур в докладе на V Фроловских чтениях, посвящённых философским, социальным и этическим проблемам естествознания в XXI в. (2005 г.), связывает причину наличия различных подходов к проблеме с тем, что участники дискуссий имеют в виду разные аспекты научной деятельности: не следует смешивать вопросы этической релевантности (или иррелевантности), познавательной деятельности ученого, с одной стороны, и этической нагруженности деятельности ученого как человека, как члена человеческого социума, с другой<sup>1</sup>. Сам по себе процесс научного познания и когнитивная деятельность ученого (особенно если речь идет при этом о фундаментальном естествознании) остаются этически нейтральными, считает Е.А.Мамчур, но учёный не может уклониться от ответственности за то, как полученное им знание будет применяться в обществе. Последнее, однако, касается учёного как члена социу-

ма и не имеет отношения к его исследовательской, когнитивной деятельности. Единственное назначение, которое имеет в культуре фундаментальная наука, состоит в том, что она добывает объективно истинное знание о мире. Других целей у науки нет. На теоретической стадии исследование должно быть этически нейтральным. Учёный устанавливает научный факт, а как им распорядится общество – это другой вопрос, который не имеет отношения к исследовательской деятельности ученого<sup>2</sup>.

Позиция Е.А.Мамчур основывается на приверженности идущему от Канта подразделению на теоретический и практический разум, в данном случае трансформированному в идею о том, что познавательная и социальная деятельность учёного – это два различных вида деятельности. В этой связи можно заметить, что указанное противопоставление имеет в своей основе определённую философскую позицию, которая является далеко не безусловной. Само её появление в истории философии было связано с трудностями, которые обнаружились при реализации когнитивной программы новоевропейской науки и философии. Кроме того, если проблематизировать понятие факта, учесть роль концептуальной нагруженности в процессе установления фактов, столь строгое разграничение между видами деятельности трудно будет провести с достаточной последовательностью.

Очень чётко обозначил свою позицию А.П.Огурцов<sup>3</sup>. Он констатирует появление в современной философии, начиная с 70-х гг. прошлого века, неклассических регулятивов познания, предполагающих поиск единения гносеологии и аксиологии, этики и философии науки, причем и истина, и благо оказываются разновидностями ценностей человеческой культуры. Последнее обстоятельство расценивается А.П.Огурцовым как ключевое, поскольку в конце XIX в. и особенно в XX в. культура стала мыслиться как фундаментальная система отсчета для всех форм философского познания, а в философии науки во второй половине XX в. всё большее влияние приобретает социокультурная составляющая. В связи с этим возникает стремление трактовать истину как ценность и распространить аксиологический подход на иные области, в том числе и область познания истины. Как и Е.А.Мамчур, А.П.Огурцов считает, что в результате экстраполяции аксиологического подхода на сферу познания происходит

смешение двух различных видов дискурсов, рассмотрение истины лишь в рамках социокультурного контекста, подмена её иными регулятивами, праксеологическими по своей природе, отождествление регулятивов познания и оценки и в конечном итоге – релятивизация истины и способов её достижения.

Данная позиция, без сомнения, обоснована. Но противоречие, от которого она не может избавиться, состоит в том, что когнитивные ценности, регулирующие поиск истины, – это тоже ценности, само их формулирование стало результатом социокультурных сдвигов, породивших новоевропейскую цивилизацию, и непонятно, почему, возникнув, эти ценности должны стать полностью неподвластными социокультурным влияниям, которые вовсе не тождественны субъективизму и релятивизму.

Многие философы приходят сегодня к выводу о невозможности мыслить «чистую» науку, жёстко демаркировав её от ценностей. Х.Лэйси, специально исследовавший вопрос о соотношении ценностей и научного познания, показывает, что, хотя когнитивные ценности (беспристрастность и пр.) удостоверяют истинность результатов познания, сами по себе они ещё не задают направление научного исследования. Практика познания включает выбор познавательных стратегий, а на этот выбор оказывают влияние моральные и социальные ценности, а не только чисто когнитивные факторы. Мы принимаем теорию, соотнося её с когнитивными ценностями, но получена она в результате применения методологических стратегий, имеющих социальную обусловленность. Х.Лэйси делает вывод, что «ценности “пропитывают” и должны “пропитывать” формы научной практики, а также в значительной степени определяют выбор направления исследований и область возможностей, которые должны быть вскрыты и объяснены теориями»<sup>4</sup>. Социальные сдвиги приводят через ряд опосредований к утверждению новых когнитивных ценностей. Именно этот тезис Х.Лэйси о влиянии социокультурных ценностей на выбор научных стратегий и теорий вызывает возражения А.П.Огурцова. Он расценивает это как «упрощённое социологизирование»<sup>5</sup>.

Однако ещё более определённо вывод о влиянии ценностей на познание формулирует Э.Агацци. Он обращает внимание на то, что философия посредством ценностей формирует идеал человека, который направляет любое человеческое действие, в том

числе и познавательное. «Дело обстоит именно так, а не иначе, – постулирует Э.Агацци, – поскольку научная деятельность – род человеческой деятельности, и в этом своём статусе она не может не ориентироваться на ценности»<sup>6</sup>. Вопросы ценностных предпочтений «подлежат рациональному исследованию, хотя и выходят за рамки того, что может дать научное исследование»<sup>7</sup>. Выводы эти справедливы по крайней мере применительно к наукам о человеке. Успехи этих наук, по справедливой оценке Э.Агацци, ещё больше подчёркивают значение философии человека, ибо та или иная философская концепция человека всегда лежит в основании его изучения в науках. Соответственно этому особый статус наук о человеке связан с тем, что они должны принимать во внимание в ходе познания ценности, которые в свою очередь находят своё выражение в законах, правилах и нормах. Научным будет, согласно Э.Агацци, такое исследование человека, которое выявляет, «какие ценности данного сообщества или данного индивида направляют данные действия или являются источником правил и норм их осуществления»<sup>8</sup>. Этим современная гуманистическая философия отличается от позитивистских и сциентистских подходов, для которых всё, что не подлежит анализу с помощью инструментария науки, должно быть отнесено к сфере эмоций.

Путь, которым следует работать с ценностями, это, по Агацци, концептуализация в рефлексии комплексных фактов и ситуаций (свободы, ответственности, интенциональности и пр.), невыводимых непосредственно из опыта. С точки зрения классической гносеологии подобный способ мышления представляется «субъективным» и потому непригодным. Но научная объективность есть всего лишь интерсубъективность, да ещё зиждущаяся на целом ряде неявных допущений и предпосылок. Ведь научное знание в конечном счёте всегда зависит от познающего субъекта и тем самым подлежит обоснованию. Между тем как философские методы «имеют целью достижение уровня объективности более глубокой и более радикальной»<sup>9</sup>. Они применимы не только к исследованию человека, но и к познанию природы, хотя здесь их возможности ограничены только интерпретацией той реальности, которая создаётся средствами науки. Но в исследовании человека, подчёркивает Э.Агацци, они имеют особое значение, ибо оно не может вестись в соответствии с классическими идеалами элиминации субъекта.

В субъектности заключается специфика человека. Изучение человека, игнорирующее его субъектность, устраняет свой предмет и не может быть признано адекватным, подытоживает Э.Агацци.

Нам ближе вторая из рассматриваемых здесь позиций, утверждающая включенность ценностного аспекта в процесс познания. Гносеология Нового времени, разумеется, исключала саму постановку подобных вопросов. Наука становится подвластной этике, если понимается не как чисто познавательный акт, а как социальная человеческая деятельность. Теперь же на смену прежнему пониманию научного познания должно прийти, как справедливо считал И.Т.Фролов, новое понимание, в котором философские принципы, выступая предпосылками познания, одновременно выполняют функцию его методологических, мировоззренческих и этических регулятивов.

И.Т.Фролов неоднократно говорил о постепенном становлении нового типа науки, обеспечивающего синтез науки и гуманизма. «Есть основания полагать, – писал И.Т.Фролов, – что сейчас формируется новый тип науки, всё активнее обращающейся непосредственно к человеку, тесно соединяющейся с практикой, социально-этическими нормами, культурой как целым»<sup>10</sup>. Наиболее чётко позиция И.Т.Фролова в дискуссии о соотношении познания и ценностей изложена в написанной им совместно с Б.Г.Юдиным книге «Этика науки»<sup>11</sup>.

Авторы исходили в своей работе из системно-исторического понимания науки, которое даёт возможность понять возникновение и пути решения этических проблем науки в контексте её социально-исторического развития и вместе с тем предостерегает от абсолютизации этих проблем. Истоки этических проблем науки связаны с усилением процессов отчуждения, вследствие чего наука превращается в социальную силу, с которой человек и общество не могут вполне справиться.

Возникает необходимость в переосмыслении роли науки, в частности, в преодолении абсолютизации её культурно-мировоззренческих возможностей науки, которая имела место в различных формах и в просветительстве XVIII в., и в позитивизме XIX в., и в технократизме XX в. Сциентистская претензия на то, чтобы считать науку единственной достойной формой культуры, а научную рациональность – наиболее адекватной формой миро-

воззрения, метафизически сочетается с убеждённой в том, что, ограничиваясь лишь сферой средств, наука непричастна к целям совокупной деятельности общества и, следовательно, не может нести ответственность даже за принятые на основе научных рекомендаций социально-политические решения, повлекшие за собой печальные последствия.

Позиция И.Т.Фролова и Б.Г.Юдина существенно иная. Они подчеркивают, что вообще наука **«представляет собой деятельность, которую может осуществлять только человек»**<sup>12</sup>. Тем самым наука напрямую связана с сущностью человека, заключающейся в предметно-преобразующей деятельности. Наука является стороной этой деятельности благодаря активной направленности на освоение объекта природы, превращение его в предмет деятельности. «Но это значит, что по своему происхождению знание не может быть внеположенным по отношению к человеку»<sup>13</sup>. Следовательно, оно должно «быть соразмерно человеку»<sup>14</sup>, что вовсе не помеха объективности знания. Вследствие того, что познавательная деятельность является целенаправленной и целосознанной, «она неизбежно приобретает и нравственно-этическое содержание»<sup>15</sup>. Сама истина в науке понимается как величайшая ценность. Следует учитывать и «относительность и конкретность самой истины, необходимость её практической верификации»<sup>16</sup>.

В обоснование данного вывода привлекается разработанный И.Т.Фроловым целевой подход: «Поскольку деятельность человека имеет целенаправленный характер, она обладает и аксиологическими свойствами. Благодаря ей осуществляется то, что ещё должно стать соответствующим цели. Оценка становящегося явления через цель (отношение целесообразности) свидетельствует о единстве ценностного и научного подхода, поскольку целевой подход является одним из эффективных методов научного познания»<sup>17</sup>. Выбор объекта познания, принятие учёным решения о том, для чего следует познавать то или иное, в действительности является выражением ценностной ориентации, органически встроенной в сам процесс научного исследования. Постановка задачи в научном познании становится результирующей целого ряда факторов, традиционно понимаемых как вненаучные, в том числе социально-исторической готовности общества к решению данной задачи и потребностей социальной практики.

Новый взгляд на вопросы этической ответственности учёных стал возможен в результате применения авторами прецедентного и вместе с тем комплексного подхода к проблеме. «Ведь этика науки как относительно самостоятельная социально-философская дисциплина может иметь перспективу только на основе исследования конкретных ситуаций, которые возникают во всём комплексе наук, рассмотрения их в тесной связи с развитием человеческой культуры в целом»<sup>18</sup>. В этом отношении, следовательно, проблема «наука и этика» оказывается тесно связанной с проблематикой науковедения, истории, социологии, методологии и теории науки, с изучением процессов и последствий функционирования социального института науки<sup>19</sup>. Наполнение научной деятельности гуманистическими идеалами снимает пагубную односторонность науки. Отсюда, согласно И.Т.Фролову, следует, что внутренняя этика науки, то есть её этическая авторегуляция, развивающаяся помимо социально-философского обоснования, в современных условиях недостаточна для того, чтобы справиться с новыми вызовами и угрозами.

И.Т.Фролов считал новой тенденцией современной науки её социализацию и гуманизацию. Процесс этот позволяет, по его мнению, снять дилемму науки и морали, их якобы «комплиментарности», дополнительности, и постулировать новый тип науки.

Понимание И.Т.Фроловым соотношения философских принципов и научной объективности находится в общем русле диалектической философской мысли. Несмотря на всю новизну, идея включения философских принципов «в тело» науки продолжает гегелевское содержательное понимание метода науки. И.Т.Фролов любил цитировать слова Гегеля о том, что метод – не внешняя форма, а душа и понятие содержания. Уже Гегелем был намечен отход от картезианского понимания метода познания как формального инструментария, обеспечивающего объективность вынесением человека «за скобки».

Деятельность человека на современной стадии научно-технического прогресса, вторгающаяся в интимные стороны природы человека (генная инженерия и др.), настоятельно требует привлечения гуманистических регулятивов в качестве моментов процесса познания. Того же требуют и те направления деятельности человека которые связаны с воздействием человека на преоб-

разуемую природу (экология). Выбирая пути научного познания сегодня, мы одновременно тем самым определяем перспективы человека, его будущего. Осуществляя этот выбор, мы неизбежно исходим из определённых представлений о том, что такое человек, каким он желает быть. Любое искажение «образа человека» может нанести в этих условиях непоправимый вред его будущему. Достаточно указать на такие отрасли современной науки как ядерная физика, биотехнология, генная инженерия, психохирургия, достижения которых способны оборачиваться, как говорил И.Т.Фролов, «и на горе, и на радость» человечеству.

Вследствие социального отчуждения современный человек часто оказывается неспособным вполне контролировать созданные им технику и технологию, и прогресс осуществляется односторонне и за счёт самого человека. В этих условиях гуманистическая компонента научно-технического прогресса уже не может быть отделена от самого процесса познания без нанесения ущерба науке и человечеству как целому.

Традиция внеаксиологического понимания научного познания, при котором принцип объективности противопоставляется ценностным аспектам истины, по-прежнему сохраняет свою силу; данную позицию разделяют многие учёные, её придерживается и целый ряд философов. И.Т.Фролов обращал внимание своих оппонентов – сторонников «чистой ценностно-нейтральной науки» на то, что их идеал является односторонним представлением, весьма тощей абстракцией, отвлекающей от многих компонентов функционирования современной науки, неотъемлемых от её сущности. Сама наука, отмечал И.Т.Фролов, является одной из важнейших ценностей культуры. Будучи сущностной силой человека, она призвана служить его благу, и «в этой своей функции она и определяется в ценностном смысле»<sup>20</sup>. Зачастую именно сциентистский подход на деле оборачивается иррационализмом, поскольку не способен уловить социокультурный контекст собственных гносеологических установок, но от ценностных суждений не свободен и свободным быть не может. С другой стороны, «ценностная ориентация научного познания,.. если она мотивирована объективно, то есть и сама оказывается результатом научного познания, уже не выступает по отношению к нему как нечто чуждое, а потому внешнее, способное лишь исказить истину»<sup>21</sup>. Для И.Т.Фролова истин-



ный гуманизм закономерно выводится из науки, причём лишь в том случае, если последняя понимается не узко, как «чистый» поиск истины, а как социальный институт современного общества.

Если же в центре внимания науки оказывается человек, воздействие на такой объект заведомо не может не затрагивать социально-этическую сторону дела, а стало быть, тут по определению не может быть «чистого» познания. Комплексное понимание развития науки позволяет, полагал И.Т.Фролов, увидеть историчность и изменчивость целей научного познания, определяющую роль по отношению к которым играют социальные и даже политические факторы. Необходимо не отвлекаться от факта этого влияния, прятая за имманентную моральность чистых поисков истины, а напротив, сознательно контролировать его, осуществляя социально-этическое регулирование науки. Не располагая встроенными в сам процесс научной деятельности этико-гуманистическими регулятивами, наука может стать лёгкой добычей политиканов, использующих полученные научные результаты в узкокорыстных целях. Особенно дорого это может обойтись человечеству в «век биологии».

Практика, человеческая предметно-преобразующая деятельность требует объективности познания для верной ориентировки в действительности ради дальнейшего развёртывания человеческих сущностных сил. То есть, человеческая деятельность есть основание объективной значимости ценностей. Более того, «критерий объективной истинности распространяется в известном смысле и на ценностные суждения в науке, касающиеся не только логической структуры знания и аксиологического базиса его методологических норм, но и философской, идеологической направленности, понимания общих целей и соответствующих им средств научного познания»<sup>22</sup>. Такой подход раскрывает нам аксиологическую компоненту научной деятельности и в её методологическом, и в её нравственно-гуманистическом значении для научного познания.

В познании универсальные ценности работают как регулятивы, которые наполняются конкретно-историческим содержанием, отражающим настоящее и перспективное состояние предметно-преобразующей деятельности человечества на данном этапе его развития. Эти регулятивы предстают в качестве целей социального развития человечества, которые применительно к науке направляют поиск истины, а в преобразующей деятельности человека

обеспечивают ориентацию на реализацию его сущностных сил. Если такие регулятивы работают эффективно, человек не будет производить и использовать научное знание во вред самому себе. Но для того, чтобы развитие науки как сущностной силы человека шло не в ущерб человеку, а под контролем человека, человек сам должен быть в состоянии контролировать себя, отчуждение не должно быть доминирующей формой общественных отношений людей. Следовательно, «первоосновная, так сказать, принципиальная сущность науки как силы, служащей человеку, его благу, а следовательно, моральной и гуманной по природе своей, может либо адекватно проявляться в определённых условиях, либо извращаться в других, неблагоприятных для неё обстоятельствах»<sup>23</sup>. Социально разделённое общество не в состоянии совладать с собственным научно-техническим развитием, не способно к целостному видению человека.

Этическая сторона регулятивов научной деятельности обусловлена, таким образом, социальной стороной, и регулятивы эти отражают состояние общества в целом, а не только научного сообщества. Поэтому для учёного вполне естественным является функционирование и в качестве прогрессивного общественного деятеля, стремящегося к гуманизации социальных условий применения результатов научного познания. Сам И.Т.Фролов как учёный и организатор науки может служить хорошим примером такого сочетания гуманистически ориентированных научной и общественной деятельности.

Понимая, насколько новые идеи о соотношении науки и ценностей расходятся с привычными представлениями, И.Т.Фролов прямо говорил о необходимости «постоянного **внесения** гуманистической проблематики в основания науки»<sup>24</sup>. Формулируя задачу гуманизации и гуманитаризации науки, И.Т.Фролов обращал внимание, прежде всего, на узкого специалиста в науке. Он говорил о необходимости формирования, воспитания в среде научного сообщества мировоззренческой стойкости, позволяющей противостоять самодовольству и самодостаточности узкого, а потому «варварского» научно-технического ума. «Гуманизация и гуманитаризация науки – это и её внутренняя потребность, поскольку у неё нет другого пути для решения её собственных задач. Это и насущная общественная потребность, поскольку дальнейшее разви-

тие науки в том направлении, в котором она ещё вчера двигалась, может привести человечество на грань катастрофы. То есть «наука как часть культуры отражает общий уровень её развития в данную историческую эпоху, уровень зрелости общества и человеческой цивилизации в целом»<sup>25</sup>.

Негуманное познание такого объекта, как человек, неадекватно, исказит истину. Поэтому истина о целостном человеке становится доступной только, как выражался И.Т.Фролов, «доброму разуму». Новый синтез науки и гуманизма призван преодолеть сформировавшийся «человеческий разрыв» современной технологической цивилизации. Он предполагает недопустимость рассмотрения любых научно-технических проектов в изоляции от социальных условий их осуществления. Так И.Т.Фроловым были заложены философские основания развернувшейся в наши дни практики гуманитарной экспертизы.

### Примечания

- <sup>1</sup> Мамчур Е.А. Наука и этика // Этика науки. М., 2007. С. 75–84.
- <sup>2</sup> См. там же.
- <sup>3</sup> См.: Огурцов А.П. Благо и истина: линии расхождения и схождения // Благо и истина: классические и неклассические регулятивы. М., 1998.
- <sup>4</sup> Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? М., 2008. С. 331.
- <sup>5</sup> Огурцов А.П. Страстные споры о ценностно-нейтральной науке // Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? М., 2008. С. 28.
- <sup>6</sup> Агацци Э. Человек как предмет философского познания // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 72.
- <sup>7</sup> Там же. С. 77.
- <sup>8</sup> Там же. С. 73.
- <sup>9</sup> Там же. С. 78.
- <sup>10</sup> Фролов И.Т. О человеке и гуманизме. М., 1989. С. 132.
- <sup>11</sup> Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки. М., 1986 (2-е изд. – 2009).
- <sup>12</sup> Там же. С. 60. Выделено авторами. – Г.Б., С.К.
- <sup>13</sup> Там же. С. 61.
- <sup>14</sup> Там же. С. 60.
- <sup>15</sup> Там же. С. 64.
- <sup>16</sup> Фролов И.Т. Выступление на VIII Всесоюзных чтениях молодых философов (Москва, 27 мая 1988 г.) // Информационные материалы Философского общества СССР. 1988. № 5. С. 34.
- <sup>17</sup> Там же. С. 68.
- <sup>18</sup> Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки. М., 1986. С. 397.

- 
- <sup>19</sup> Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки. М., 1986. С. 159, 357.
- <sup>20</sup> Фролов И.Т. Современная наука и гуманизм // Вопр. философии. 1973. № 3. С. 13.
- <sup>21</sup> Фролов И.Т. Социально-этические и гуманистические проблемы современной науки // Диалектика в науках о природе и человеке. Человек, общество и природа в век НТР / Под ред. И.Т.Фролова. М., 1983. С. 149.
- <sup>22</sup> Там же. С. 150.
- <sup>23</sup> Там же. С. 157.
- <sup>24</sup> Фролов И.Т. О человеке и гуманизме. М., 1989. С. 138.
- <sup>25</sup> Фролов И.Т. Наука и гуманности и гуманизм науки // Знание – сила. 1982. № 2. С. 28, 29.

## ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ БИОЭТИКИ И ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

*П.Д. Тищенко*

### **Биоэтика: опыт археологии**

**Почему археология.** Движимых в понимании путями припоминания вынужден сразу же предупредить: моё рассуждение пойдет несколько иначе, чем оно разворачивалось у Мишеля Фуко в знаменитой работе «Археология знания». Несколько семантических отсылок, воплощенных в слове «археология», будут востребованы. Первые три дадут корень «арх(э)», а последние две второй корень – «лог(ос)».

Первая по времени, но не по существу, наиболее древняя отсылка корня «арх(э)» указывает на смысл, что был в обиходе у Платона и других писателей античности, близкий идее современной истории – опыту прояснения прошлого. Но, в отличие от истории, это разворачивание прошлого не имеет безличного масштаба новоевропейской хронологии. Время членит себя человеческими мерами, оно человекомерно – олимпиады и периоды правления царей и тиранов, периоды жизни патриархов как своеобразные «единицы» измерения и разметки уходящих в прошлое событий. В этом смысле археология биоэтики будет предполагать прояснение её настоящего через заглядывание в прошлое как пучок переплетающихся цепочек человеческих свершений, поступков, экзистенциальных выборов.

Вторая отсылка указывает на два значения, которые я заимствую у современной науки археологии. Во-первых, как и археологию, меня будут интересовать прежде всего материальные свидетельства такого феномена культуры, как биоэтика. Правда, слово «материальные» я понимаю не в наивно-вещественном смысле. Меня не интересуют черепки «горшков», которых в биоэтике, как и других областях человеческого проживания, уже набито немало.

Материальное в философском смысле указывает прежде всего на бытие потенциальное, бытие в возможности быть для некоторого сущего, его неосуществленность и вместе с тем присутствующую в его существе тенденцию к осуществлению. Собственно говоря, этот смысл имманентен археологии как науке. Черепок разбитой амфоры или фундамент крепостной стены интересны не сами по себе, а именно как потенции, как возможности или ограничения различных исторических форм жизни человека. Именно в этом смысле они материальны. Археологи раскапывают не предметы, а засыпанные песком истории родники жизни.

Второе значение второй отсылки слова «археология» указывает на особый способ получения материальных свидетельств культур – метод раскопок, постепенного аккуратного обнажения различных культурных слоёв прошлого, каждый из которых обнаруживает свои особые материальные свидетельства, свои особые возможные формы жизни людей. При этом каждый последующий из слоёв не снимает, в гегелевском смысле, самодостаточности предыдущих. Для Гегеля прошлое – момент становления настоящего, который в настоящем удерживается, но именно в той форме, в которой он этим настоящим понят и усвоен, встроен в своё основание. Как в Испании сохраняются фундаменты арабских мечетей, на которых выстроены стены католических храмов, а в Палестине – фундаменты христианских храмов в строении мусульманских мечетей. Прояснение прошлого, к которому нас отсылает первая отсылка, призвано обнаружить в биоэтике не просто «рухлядью заваленный чулан» (Гёте), а пласты самостоятельных и самодостаточных реальностей, сопричастных в современности, несущих материальные свидетельства – потенции и тенденции ещё лишь подступающего к нам будущего. Нижний слой не является сущностью верхнего, а верхний – её явлением. Каждый из них может разьяснять и прятать смысл другого.

Но что в биоэтике можно откапывать, что следует попробовать удалить, с тем чтобы обнаружить под-лежащий культурный слой? Ответ на этот вопрос удастся дать лишь позже. Тогда, когда разберемся с третьей отсылкой.

Третья отсылка напрямую не связана ни с обиходом прошлого употребления слова, ни с привычками современного. Она адресует мысль к вопросу об основаниях, в этом случае вопросу о первонача-

лах феномена биоэтики. Напомню определение «архэ» как основания, которое дается Аристотелем: «Общее всякого начала быть первым, откуда бытие, становление или познание»<sup>1</sup>. Причем благодаря общности или общему происхождению первыми двумя отсылками, это выдвигание к основаниям предстаёт не как конструирование системы (подобный вариант принципиально не отвергается), но как деликатное раскрытие напластований прошлого, образующих материальную гетерогенную реальность настоящего как вместилища потенциалов и тенденций надвигающегося будущего. В этом смысле прошлое не прошло – оно всегда *ещё есть* не в самих по себе представлениях о нём, а в том, что в любом представлении (неважно какой временной формы) раскрыто пониманию по способу припоминания и узнавания уже известного; таким удерживаемым лишь памятью и насилием прошлым было не так давно наше «будущее» – коммунизм. Точно так же и будущее именно как будущее – то, что в *есть* присутствует как его раскрытость предстоящему, в ожидании как неожиданное, надежде как безнадежное, узнавании как неузнаваемое – всегда *уже есть*. И как таковое оно есть в наших обыденных представлениях о прошлом, настоящем и будущем.

Поэтому, тематизируя своё рассуждение как опыт археологии биоэтики, я хотел бы, удерживая традиционную постановку вопроса о началах (основаниях), уже с первых слов указать на то, что выдвигание к ним будет происходить путём, противоположным теоретическому конструированию принципов и их иерархий. Используя материальные свидетельства, я попробую «раскопать» их, как раскапывают курганы, послойно снимая и обнажая напластования под-лежащих событий (не забудем, что подлежащее в латинском варианте – субъект).

На средство и стихию, в которой разворачиваются «раскопки» и которая сама разворачивается в этом «раскапывании», указывают отсылки второго корня слова «археология». Троящаяся двусмысленность «лог(оса)» как высказанного и высказывающего, как сказывающего и показывающего, как непосредственно предьявляющего *то, о чем* сказываются слова естественного языка и смысла экспертной речи (научной, философской, богословской и т. д.) – всё это создаёт структуру антитетически фиксируемых интервалов, обеспечивающих, как обеспечивает разность потенциалов в электрической батарее, необходимое рассуждению на-

пряжение мысли. Её, мысли, начало как то, что принуждает мысль мыслить... и в этом отношении (на спецификацию укажу позже) является также и началом биоэтики ...

**Уточнение.** Поскольку биоэтика по своей сути меж- и даже транс-дисциплинарна, то размышление об её основаниях должно иметь особую природу. Каждая из входящих дисциплин (философия, биология, психология, медицина, юриспруденция, социология и др.) имеет свои собственные основания. Поэтому, говоря о философских основаниях биоэтики, необходимо понимать их ближайшим образом как *условия возможности* опыта плодотворного инако-мыслия, меж- и трансдисциплинарного. В каком смысле их можно мыслить как априорные, а в каком – как апостериорные, предстоит также разобраться. И, уже как бы вторым заходом из ситуации этого опыта, можно будет, но уже в рамках другой публикации выяснить *условия возможности открытости* ему дисциплинарных структур знания, долга и надежды, которые, если поверить Канту, дают целостное понимание человека...

На пути к истолкованию сказанного прежде всего полезно вдуматься в сам вопрос о началах (основаниях) и особенности процедуры обоснования.

**Тропы обоснования.** Рассуждение, движимое вопрошанием об основаниях, производит одновременно три эффекта: один в поле своего внимания, второй вне его, в своеобразном метафизическом «слепом пятне» точки зрения рассуждающего, которое, однако, может всегда актом рефлексии быть обнаружено. В поле своего внимания обосновывающая речь вносит в то, о чем она ведется (в нашем случае в биоэтику), различие на основание и обоснованное. Вне этого поля, в рефлексивно выявляемой точке зрения, происходит аналогичное различие, но уже в существе обосновывающего. Происходит его конституирование в качестве субъекта (буквально: под-лежащего) обоснования. Но конституирующий себя в качестве субъекта в изначальном усилии/порыве к обоснованию выпадает из поля представленности, сохраняя в себе в качестве предпосылки то, что Эдмунд Гуссерль в книге «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» обозначал как пред-данность жизненного мира.

«Мы как субъекты актов (Я-субъекты) направлены на тематические объекты в модусах первичной, вторичной, а иногда ещё и сопутствующей направленности. В этом занятии с объектами



сами акты остаются нетематическими. Однако мы позднее можем рефлексировать в отношении нас самих и нашей соответствующей активности; она становится теперь тематически предметной в некоторой новой, со своей стороны опять нетематической живой функционирующей деятельности»<sup>2</sup>.

То есть любой акт обосновывающего предметного представления пред-полагает нетематическую, постоянно ускользящую из поля тематизирующего внимания живую деятельность. Последняя сама может быть тематизирована и представлена в некотором представлении (например, в том представлении, которое предстаёт перед читателем в момент вот сейчас происходящего чтения), но лишь из иной, нетематической живой деятельности. Причем эта ускользящая от тематизации живая деятельность не просто пока ещё не представлена и не тематизирована, но и включает в себя непредставимое и нетематизируемое как таковое<sup>3</sup>. Оно, как я полагаю, образует не только, как модно сейчас говорить, контекст наших «направленностей» на объект или себя – их потенцию, но и их фактическое начало – то, что мной выше было помечено как усилие/порыв человеческого существа, его тенденция к обоснованию, к бытию. Именно так я бы истолковал загадочное Спинозовское понятие *conatus*'а. При этом словосочетание «усилие/порыв» призвано нейтрализовать инерции как телеологического (ссылающегося на поставленную цель), так и причинного (видящего в основании стихию жизни) описания события изначального различения, совершающегося в конечном человеческом существе как порыв и через него как усилие. И за счёт нейтрализации – удержать исходный парадокс активности и пассивности, целеполагающего действия и в нём осуществляющейся неподконтрольной и неосознаваемой предпосылки в виде живой нетематической деятельности. Очень интересное истолкование сопряженности и укоренённости «действия» и «претерпевания» в человеческом бытии даны П.Рикёром<sup>4</sup>.

Аналогичная дифференциация разворачивается и со стороны объекта. И так же, как в отношении субъектной стороны тематизации, не тематизируемое в объекте (в нашем случае – биоэтике), ускользящее из фокуса тематизирующего внимания должно быть представлено не просто как потенция, но и как тенденция выходить навстречу мысли или, точнее, в самой мысли из себя за рамки себя.

Последнее можно высказать иначе. Поскольку помеченное различие на субъект и объект возникает не моментально, а является результатом продвижения рассуждения к некоторой предполагаемой, но не располагаемой цели, то целесообразно не упускать из виду аспект процессуальности. С этой точки зрения, в обосновании происходит выдвижение и продвижение и обосновывающего, и обосновываемого к своим началам. Такое выдвижение и продвижение к своим началам можно назвать экзистированием, так что в обосновании, поскольку речь идет о биоэтике как особом феномене культуры, мы имеем случай встречного экзистирования или ко-экзистирования обосновывающего, становящегося в результате субъектом, и обосновываемого, становящегося в том же процессе обоснованным феноменом...<sup>5</sup>. Это двойное вы-движение, справедливое, как я предполагаю, в общем виде, имеет особое значение для науки, в том числе биоэтики, в которой нужда в обосновании и многочисленные опыты обоснования выступали с самого начала в качестве своеобразных ферментов, обеспечивших её стремительное развитие во второй половине XX в... Иными словами, моя (как и иных философов) попытка осмыслить основания биоэтики, в которой я совершаюсь как философ, является ответом на встречную тенденцию самой биоэтики как специфической формы исследовательской деятельности (производства знаний) к самообоснованию, формой её саморефлексивности.

Традиционно в философии рационально обоснованные начала называются принципами. В биоэтике обычно указывают на такие, как принцип уважения человеческого достоинства, автономии, благотворительности (твори добро), непричинения зла (не навреди), справедливости и др. Сталкиваясь со сложной ситуацией, можно попытаться обосновать свой выбор позиции, указывая как на основание на тот или иной принцип. Сложность, однако, в том, что эти принципы не представляют собой иерархической системы. Многочисленные попытки построить иерархии предпочтения успеха не имели не в силу слабости своих построений, а в силу множественности возможных стратегий иерархизации, каждая из которых имеет равные права на существование со всеми остальными.

Поэтому когда люди, по-разному обосновывающие свои решения, указывая на приоритет разных принципов, встречаются в общественном обсуждении для выработки общезначимого решения

(например, по поводу оправдания/запрета аборта или допущения/недопущения клонирования человека), то они оказываются в парадоксальной ситуации. Аргументируя, предполагая свои предпочтительные принципы, они одновременно должны отдавать отчет, что другие в своих аргументах имеют право использовать свои отличные принципы. Поэтому, с тем чтобы встретиться в разумном споре с другим, заранее предполагая его как инако-мыслящего, встречающиеся должны провести процедуру, прямо противоположную феноменологической редукции, – заключить в скобки тематизированный, своим усилием добытый смысл, выдвинувшись к нетематизируемому как общей среде жизненного мира. Но не окажемся ли мы, пойдя этим путём, в плену софистики? Не потеряем ли главное, поступившись истиной из благоразумия? Впрочем, у благоразумия и софистики есть своя истина.

**Вечная истина Протагора.** В великолепной заметке «Вечная истина Протагора» Т.В.Васильева выражает традицию понимания обоснования, различая несовершенное знание людей с улицы и тех, кому открыто большее – вечное и божественное. «Но можно ли требовать на суде, – пишет она, – от рядового гражданина сверхчеловеческого божественного откровения? Разумеется, нет. Справедливо ли преследовать человека за его конечность, за его земное несовершенство? Разумеется, несправедливо. Мерой правды или неправды в суде выступает сам человек, его откровенность. Чистосердечно заблуждаясь, чего-то по простоте душевной не понимая, но оставаясь откровенным, искренним, человек не лжет, он и не может претендовать на большее, чем откровенность, – как что ему представляется, так это и есть для него, большее – для богов и от богов. Это и есть великая правда Протагора, которая заставила платоновского Сократа поставить вопрос об истине как вопрос о человеческой природе»<sup>6</sup>. В этом рассуждении есть неосторожность. Мог ли нерядовой гражданин, например Сократ, претендовать на суде на большее, забывая о своей собственной человеческой конечности и человеческой конечности судей? Мог ли предположить, что «божественное откровение», на которое он полагается в своей речи, никак не связано с этой его собственной конечностью? Васильева полагала, что «если в природе человека нет ничего сверхчеловеческого, то прав Протагор, и нет истины помимо субъективного представления. Чтобы спасти объективную

истину – а это была потребность дня, Еврипид со сцены (“Финикиянки” 498 слл): устраните субъективность в представлении о добре и зле и прекратите войны, – пришлось к человеческой природе прибавить сверхчеловеческое, а именно – божественную природу бессмертной души. Бессмертная душа уже может претендовать на знание вечного»<sup>7</sup>.

Вероятно, «бессмертная душа» и может претендовать на знание вечного, но в любом конечном человеке она воплощена. Поэтому любое выраженное конечным существом всеобщее (вечное) исходно особенно. Из этого рождается неизбежная множественность: люди поклоняются разным богам и выражают в философских выдвиганиях к началам различные идеи истины или блага. Да и найдется ли за те несколько тысячелетий, которые прошли со времен Платона и Протагора, хоть одна серьёзная война, которая не проводилась бы с обеих сторон в полной уверенности, что именно «с нами Бог!» Каждая из войн, в том числе и сегодняшние войны, неважно, ведутся ли они в защиту ислама или прав человека, были и остаются формой радикального устранения субъективности представлений о добре и зле противника.

Позволю себе предположить, что реальный отказ от субъективности (в негативном смысле) в обратном движении мысли – в отказе от претензии на единственно истинное понимание истины. Последнее не означает отказ от неё, а лишь её фундаментализацию через идею конечности человеческого существования... Не случайно, что биоэтика как самосознание «мирного плюралистического морального сообщества» (Тр. Энгельгардт, мл.) начинается с предположения о том, что каждая истина субъективна, что ни у кого из граждан нет привилегии в доступе к ней. И никто не может в гражданском споре претендовать на роль учителя истины – учителей всегда уже много: и философов, и богословов, и учёных. Именно в этом, а не в сочувствии к «душевной простоте» профана перед лицом вещающего от имени вечности эксперта по делам истины вечная истина Протагора...

Впрочем, аргументы, высказанные в пользу этой истины, пока недостаточны. Нужно ещё раз вникнуть в вопрос и попытаться подступиться к нему, исходя из сути философского обоснования, следуя отсылкам второго корня археологии. По ходу попытаюсь вплотную подойти к ответу на вопрос, оставшийся без ответа в

связи со второй отсылкой смысла первого корня слова археология. Ясно из третьей отсылки, что в раскопках мы выдвигаемся к основаниям. Но чем эти основания скрыты? Какого рода «пеплом Везувия» нечто существенное (основание) погребено? И что собой представляет этот «Везувий», прячущий погребенное?

**Граница опыта радикального сомнения.** Метод радикального сомнения Рене Декарта предлагает интереснейший опыт выдвижения к основаниям достоверного знания. Подвергнув всё данное в обыденном мире и науке сомнению, Декарт обнаруживает в качестве пребывающего несомненным в этом сомнительном мире саму сомневающуюся мысль. «Итак, я допускаю лишь то, что по необходимости истинно. А именно, я лишь мыслящая вещь, иначе говоря, я – ум (*mens*), дух (*animus*), интеллект, разум (*ratio*); все это – термины, значение которых прежде мне было неизвестно. Итак, я – вещь истинная и поистине сущая; но какова эта вещь? Я уже сказал: я – вещь мыслящая»<sup>8</sup>. Аналогичным образом Гуссерль несколько столетий спустя в «Картезианских размышлениях», воспроизводя основную установку Декарта, методом феноменологической редукции расчищает поле достоверного опыта сознания, заключив все недостоверное в скобки.

Однако, несмотря на весь радикализм, ни Декарт, ни Гуссерль (в том числе и в «Кризисе...»), ни иной философ, какую ориентацию ни возьми, не могут, рассуждая, заключить в скобки или усомниться, исключив из рассуждения саму рассуждающую речь. Даже тогда, когда, как в постмодерне, речь озадачивается сама собой, рассуждая о себе, она лишь раздваивает себя, вычлняя в себе как *то, о чем* идёт рассуждение (предъявляемое), так и само рассуждение предъявляющее, но в самом опыте непредъявленное, оставшееся за спиной рассуждающего. Например, рассуждая о становлении, речь пребывает за рамками становящегося мира – то, о чём она рассуждает, бытийствует в её удерживающем предъявлении именно как становящееся, которое, оставаясь собой, не становится другим, например, апельсином. Говоря о следе и отсутствии означаемого, утверждает в этом качестве именно *то, о чем* она говорит, – след, а не капусту, означаемое, а не мимозу.

Каждый из экспертов в делах истины или пользы, блага или власти, порядка или хаоса и т. д. рассуждал и каждый из сущих экспертов продолжает рассуждать с позиции частного человека, в

conatus' е (усилии/порыве) выдвигающего себя и/или выдвигаемого большим себя в себе к существу истины или блага. Поэтому истина Протагора не в существе наивных обывателей, а в каждом человеческом существе, поскольку за спиной любого рассуждающего – неважно, эксперта или человека с улицы – остаётся то, что Гуссерль в вышеприведенной цитате назвал «нетематической, живой функционирующей деятельностью». Ближайшим образом эта «живая деятельность» воплощена в рассуждающей речи – живом языке. В каком смысле «живом» – в этом полезно разобраться.

**Язык живой и мёртвый.** Помню, на одном из выступлений по философии языка В.В.Бибихин сформулировал следующий парадокс: «Слово есть, когда его нет». Причем читать эту фразу нужно дважды. Этот повтор чтения позволит раскрыть отсылки корня «лог(ос)» – помеченную выше серию антитетических интервалов. При первом прочтении получим следующий смысл: слово есть как живое тогда, когда предъявляя *то, о чем* ведется речь в некоторой очевидности, оно само остается прозрачным. Неприметным. Прочтя второй раз, получим иное. Слово есть для нас как *это вот* слово тогда, когда оно убито. Когда оно теряет возможность предъявлять *то, о чем* ведет речь, а предъявляет себя. Его как живого нет, но именно за счет этого оно есть для нас в качестве предмета мысли. Таким именно образом оно существует в лингвистике. В.В.Бибихин сравнил лингвиста с анатомом.

Выспрашивающий смысл (философский, юридический, психологический, богословский или любой другой) – тоже анатом. Чтобы разъяснить, в качестве примера напомним известный фрагмент из Августина. «Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если я бы хотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю»<sup>9</sup>. То есть слово может быть убито ритуальным вопросом: «что такое?». «Не знаю» как раз и относится к ситуации потери словом того, о чем оно вело речь. Означающее теряет означаемое. Парадоксальным в этом фрагменте является не только природа времени, но и игра слов. Ведь поставить под вопрос «что такое?» можно любой фрагмент речи, в том числе и «что такое?». Однако сделать это можно, только опираясь на энергию слов, не спрошенных относительно их чтойности и поэтому живых. Если мы зададим вопрос «что такое “что такое?”», то один и тот же фрагмент речи прозвучит и

как живой, предъ-являющий непосредственно предмет вопрошания, и как убитый, требующий разъяснений и прояснений, и как наивный, и как вскрытый в недостаточности вопрошанием смысла, как удерживающий своё означаемое и как потерявший его. Выражаясь языком Т.В.Васильевой, мерой правды или неправды живого слова выступает сам человек, его откровенность. Как и что ему представляется, так это и есть, и не только для него, но и для другого. Путь к большому смыслу и истине действительно от богов, но разворачивается он в лоне смерти<sup>10</sup>. Причем это «большее» не только больше того, что в непосредственности речи выражает живое слово, но и меньше его. Живое слово раскрывает мир (миры) для многих смыслов и многих богов.

Те, кто оплошно спешит приписать живому слову некий предварительный или усредненный смысл, который в оформленном истолкованием виде толкующий выводит на свет божий, ставят себя в позицию биологов-преформистов. Последние считали, что человеческие сперматозоиды представляют собой микроскопические копии взрослого человека, которым предстоит лишь вырасти в женском теле и появиться на свет. Живое слово беременно не одним истинным смыслом, а их открытым в направлении будущего (в том смысле, который мной подчеркнут выше) множеством. Оно всегда больше своего смысла. В нем живет потенция как мощь множественных про-из-водительных актуализаций.

В лоне живой речи, которую Маркс называл «самоговорящим бытием человеческого рода», зачинаются и разворачиваются в профессионально аргументированные ответы вопросы о смысле, опытность в разборчивом собирании которых делает некоторого человека «экспертом». Приобщение к живой речи, начинающееся с первых дней жизни и длящееся, по крайней мере для некоторых из нас, за чертой смерти (о последнем будет сказано в другом месте)<sup>11</sup>, включает каждого человека, в том числе каждого богослова и каждого философа, в живую общность. И поскольку они этой общности принадлежат, то их человеческое существо оказывается кентавром профана и эксперта. Любой «Сократ» не потому не может обойтись без истины Протагора, что в нём нет «божественной души» (она у него, безусловно, есть, как, впрочем, и у любого профана), но потому, что, раскрывая свой рот и предоставляя божественной истине высказаться в определенности смысла, он вы-



нужден опереться и положиться на ту живую, профанную речь, в которой экспертов нет. Истина Протагора укоренена в конечности человеческого существа, и лишь с учетом этой конечности истина Платона может быть оправдана на суде равных – граждан.

*Именно живая речь (она говорит устами человека, и он ею пользуется в sonatus'e – усилии/порыве к обоснованию), хранящая нетематизированное в структурах жизненного мира, является тем основанием, которое позволяет встретиться в споре инакомыслящим в биоэтики...*

Это первое основание биоэтики, которое было обнаружено моим рассуждением, неприметно для читателя продвигавшимся вдоль линий, намеченных отсылками слова археология. Первая отсылка первого корня отправляла мысль в прошедшее, проясняла её в припоминаниях «предков» – Декарта и Гуссерля. Вторая проводила раскопки, разборку «пепла» наивной самоочевидности метафизических представлений, которые загромождают и прячут под слоем истин искапываемое ископаемое начал. «Везувий», выбрасывающий горы пепла омертвевших представлений, – это просто доминирующая в современной эпохе тенденция мышления к представленности, опредмеченности в некоторых позитивных результатах. Совершившееся во времени рассуждение выдвижения к началу (реализация третьей отсылки) позволяет нанести его на карту биоэтического ландшафта как пункт на пути к другим основаниям. Средой, средством и порождающей стихией выдвижения к началам была антитетическая структура слова. Его (найденного основания) первенство не конституируется логикой, а просто событием находки. Сняв первый слой «пепла», мы его обнаружили. Путь к другим потребует новых усилий «экскавации»... Но прежде оценим нашу находку.

**Продуктивная непритязательность.** Непредставимое и нетематизируемое, условно обозначенное Гуссерлем как «живая функционирующая деятельность», является, во-первых, началом мудрости и эксперта, и человека с улицы. Его ответственный учёт призван смирить амбиции на монопольное обладание истиной и тем самым отказаться от взаимного насилия. Сделать науку, философию, богословие и другие экспертные практики непритязательными (Ю.Хабермас). Извлечь радикальные выводы из факта конечности человеческого существа. Во-вторых, оно обозначает то осно-



вание, на котором может строиться встреча инакомыслящих в споре о принципах. Причем это специфическое место встречи является не пустым промежутком, а особым началом творческой активности. Особого рода смыслопорождающей средой, причастность к которой и включенность в которую даёт возможность человеку реализовать свой жизненный проект. Об этом ниже будет сказано подробнее. Пока лишь напомним идею беседы по Г.-Г. Гадамеру.

«Мы говорим, что мы “ведем” беседу; однако чем подлиннее эта беседа, тем в меньшей степени “ведение” ее зависит от воли того или иного из собеседников. Так, подлинный разговор всегда оказывается не тем, что мы хотели “вести”. В общем, правильнее сказать, что мы втягиваемся или даже мы впутываемся в беседу... Что “выяснится” в беседе, этого никто не знает заранее. Достижение взаимопонимания или неудача на пути к нему подобны событию, случающемуся с нами... Все это означает, что у разговора своя собственная воля и что язык, на котором мы говорим, несет в себе свою собственную истину, т. е. “раскрывает” и выводит на свет нечто такое, что отныне становится реальностью»<sup>12</sup>.

Причём выводит на свет не только ожидаемое, но и непредусмотренное тем «хочу сказать», которое впутывало в беседу каждого из собеседников. Как точно обозначил русской поговоркой эту ситуацию Б.Шифрин: «Пойди туда, не зная куда, возьми то, не зная что».

*Совершающийся в биоэтики спор – живая беседа инакомыслящих является ещё одним найденным в нашем археологическом изыскании началом, порождающим результаты, выходящие за рамки того, что диспутанты выставляли и пытались доказать в качестве «своей» истины. Но, чтобы этот эффект мог состояться между беседующими, в речи каждого из них должна найтись предрасположенность к выходу за рамки себя как обладателя своей неколебимой истины, некое иное начало, резонирующее с только что найденным. Причём найденное начало на первом шаге выдвижения к новому предварительно разъяснит его, набросит пред-понимание его смысла с тем, чтобы на втором шаге рассуждений получить от новой находки ответное разъяснение...*

**К началу мышления как беседы души с самой собой (основополагающий импульс).** Образ мышления как беседы души с самой собой издавна присутствует в философии. Ещё раз вдумаемся в предложенный ход мысли, учтя «археологические» находки

предшествующего рассуждения. Творчество, как про-из-ведение небывалого, некоторым образом связано с беседой. В нём тоже возникает непредусмотренное в начале рассуждений, происходящих в голове думающего, рассуждающего не вслух с другими, а «про себя». Правда, всегда остаётся как минимум два вопроса. Первый вопрос: что принуждает мысль мыслить, саму беседу вестись? Второй: собственно говоря, кто и с кем ведёт беседу в лоне души? Ответов может быть много. Диалоги Платона, мучительные на пределах искренности беседы Августина с самим собой и Богом в самом себе, малоизвестные и ещё менее понятые споры-диалоги начал в философии В.С.Библера. Со-бытие этих и многие других опытов об-наружения голосов, беседующих в душе (истолкования смысла мысли), настраивает на философскую осторожность (непритязательность) вступающего на путь раскрытия своего смысла мышления как беседы «про себя»...

С учётом сказанного сделаем первый шаг. Зададим себе вопрос: какая сила втягивает собеседников в душе (пока не именуя их) и реальной беседе в беседу? Что стоит или – точнее – какого рода нетематизированная жизнедеятельность жизнедействует за *желанием* сказать, оборотной стороной которого выступает *желание быть услышанным, активность и страдательность восприимчивого разума?*

Хайдеггер не случайно назвал слово «домом бытия». В слове присутствует доминирующий импульс культуры одомашнивания всего, с чем человек встречается во внешнем мире и в себе. И первый шаг на пути к одомашниванию – именование. Первое дело Адама.

В каком смысле именование одомашнивает? Вслушаемся в рассуждение Хайдеггера, непосредственно подводящее к мною только что выспрошенному: «Слово есть у-словие вещи как вещи. Мне хотелось бы назвать эту власть слова условленьем (Bedingnis). Условие есть существующее основание для чего-то существующего. Условие обосновывает и основывает. Оно удовлетворяет положению об основании. Но слово не об-основывает вещи. Слово допускает вещи присутствовать как вещь. Пусть это допущение и называется условленьем»<sup>13</sup>.

Что значит «допустить вещи присутствовать как вещь»? Ответ станет ясен, если в качестве примера возьмём такую особую вещь, как человек. Слово человек допускает присутствие человека как

человека. То есть разбивает человеческое существо на собственно человеческое в человеке (его бытие) и не-человеческое (ангельское или животное), на бытийствующее и вечно становящееся, как Протей ускользающее от усваивающего схватывания. Слово совершает в сущем перводеление на своё и чужое, на то, что так или иначе одомашнено, включено в дом бытия, и оставшееся вне дома – неодомашненное, безвидное и безгласное, таящее в себе ужас как предельную опасность и завораживающую притягательную силу. В слове совершается изначальное экзистирование вещи из себя как сущей к себе как самой (вещи как вещи). *Таким образом, в желании сказать таится основополагающий экзистенциальный импульс культуры. Импульс одомашнивания. Наши постоянные проговоры (беседы) «про себя» и между собой движимы этим импульсом как жизненным порывом, который может состояться лишь в усилении конечного человеческого существа.*

Причём именуя, одомашнивая, предоставляя возможность вещи быть как вещь, именующий в этом же самом акте именования одомашнивает и приручает себя. Так же, как человек, одомашнив вепря в свинью, пре-образовал себя в том же процессе из дикаря в свинопаса. Так же, как и обосновывающий что-либо в обосновании обосновывает своё собственное существо. Таким образом, в желании сказать, втягивающем нас в беседу с самим собой (мышление) и другим, исполняется основополагающий импульс культурного развития. Импульс, заложенный в основание всей человеческой культуры как её внекультурное, т. е. всегда ещё неосвоенное начало, – это *ещё одно обнаруженное начало.*

Биоэтика как особого рода исполнение желания сказать и особого рода беседа является в своём культурном основании формой одомашнивания новой исторической ситуации в биомедицине. Эта ситуация складывается из непредсказуемых последствий прогресса биомедицины не только на уровне социума, психологии и биологии человека, но и метафизических оснований его бытия в культуре. То, что социологами и культурологами типа Ф.Фукуямы воспринимается как некая ситуация «постчеловеческого» существования, должно быть понято философски как новая идея человеческого в человеке. Новой исторической ситуации нужно новое слово (оно и выспрашивается в биоэтике), чтоб уловить и усвоить стихийно формирующееся принципиально новое экзистенциаль-

ное настроение. Захват этого настроения создает новое мироощущение, в котором угроза начинает распознаваться не только в дикой природе, но и неудержимом прогрессе науки и технологий. За желанием сказать, втягивающим в биоэтическую беседу человека с самим собой и другим, стоит настоятельная нужда в обживании и культурном освоении этой ситуации.

За *желанием быть услышанным* – чёткое осознание онтологической недостаточности конечного человеческого существа, его нужда в восполнении себя со стороны другого. В нём жизненный порыв культуры приобретает априорное условие своего осуществления. Без взаимной услышанности беседа и про-себя, и в общении с другими распадается и превращается в совместное «гуление» (ситуация не столь редкая в философии), в плане индивидуального мышления выражающееся в своеобразной бытовой и метафизической шизофрении сознания. Желание быть услышанным предполагает в себе и другом особый род *пассивности как внимающей рецептивной открытости* (материальности в смысле, отмеченном в начале моих рассуждений) слову своему и другого человека<sup>14</sup>.

Таким образом, *желание сказать* связано с одомашнивающей властью слова, предоставляющего вещи возможность быть как вещь. Парадоксальность, однако, в том, что, обладая этой властью, само слово оказывается не вполне одомашненным, в нём самом можно обнаружить хаос дикой природы. При этом рассуждение, которое позволит обнаружить этот хаос, одновременно раскроет со-присутствие двух, как мне мнится, ближе всего прилегающих к основаниям «голосов», неслышно ведущих беседу души самой с собой... В последнем предложении прошу читателя не упустить из поля внимания проставленные кавычки...

**Мышление как беседа уха с глазом.** П.А.Флоренский и независимо от него М. Хайдеггер, рассуждая о природе слова, обратили внимание на фундаментальное обстоятельство. Слово с-каз-ывание, обозначающее дело слова, ближайшим образом осуществляющееся в беседе, имеет общий корень «каз» с по-каз-ыванием – делом, которое мы обычно приписываем не слову, а образу. Общий корень указывает на древнее общее основание, некоторую первичную сопряженность уха и глаза, голоса и взгляда, звука и вида. Их разлучило фонетическое письмо, препоручившее доминирующую роль голосу, конституировав фоноцентризм

как особенность современной культуры. Однако это доминирование никогда не было полным. К примеру, в европейской культуре библейский фоноцентризм парадоксальным образом оказался сопряжен с эстетизмом античного греко-римского наследия. Это сопряжение обстоятельно истолковано в работе С.С.Аверинцева «Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья». Молитва сопрягается с созерцанием лика, порядок последовательного, в принципе уходящего в бесконечность разворачивания смысла в звучащем или написанном слове – с порядком целостно выраженной, завершенной в *воm* представления эстетической данности лика. Звук с видом. Ухо с глазом. Причём это сопряжение парадоксально, поскольку за каждой из форм представления стоит свой, радикально отличный от другого порядок бытия.

Отмеченная традиция ретранслируется в светской культуре в обычай иллюстрирования (экранизации) повествований и подписывания картин, именованная скульптур и т. д. В синкретизме театрального действия. В различности научного представления между пространственностью геометрии и временными структурами логического следования. В дополнительности эталонных изображений анатомических атласов и нормативных теоретических описаний (типа идей гомеостаза или гомеореза) в представлении медицинской нормы. В постоянной работе удвоения, представляемого в беседах с другим и «про себя», – вокализации увиденного и визуализации услышанного, беседующими оказываются глаз с ухом. Первые собеседники беседы мышления.

В выявленном удвоении (разложении беседы души с самой собой на «голоса») осуществляется особого рода биотехнология преобразования одной перцептуальной био-лого-формы в другую (акустической в зрительную и обратно). В ней открывается опосредованная телесным движением дословность, связывающая глаз с ухом, зрение со слухом. До-словность в том смысле, что предмет речи (то, о чем она рассказывает), отслаиваясь от звука и образа (последние образуют как бы внешность слова), размещается в парадоксальной точке преобразования видимого в слышимое и обратно. В позиции «до» звучащего или написанного (визуализированного) слова – в их архаическом истоке корня «каз». Если традиционно в основаниях звучащей речи слышится дословность

тишины, а в основаниях образа созерцается безвидное, то *помеченная выше точка преобразования выявляет основание более фундаментальное – на границе тишины и безвидности.*

На этом уровне дословности начинается фундаментальная метафизическая игра демаркаций на внешнее и внутреннее, выражающее и выражаемое, являющееся и прячущееся от явленности, скрывающееся где-то внутри явлений. Озвучивая написанное слово или созданный образ, мы превращаем акустическую форму во внешнее, относительно которого запись и образ будут скрытой и удерживаемой памятью «внутренностью». Прodelывая обратную процедуру (визуализируя услышанное в письме или образе), меняем местами внешнее и внутреннее. В этой перемене таится возможность игры.

Насколько эта игра фундаментальна – судите сами. Услышанный Моисеем голос Ягве был, всегда есть и будет началом записанных им на скрижалях десяти заповедей. В послушном чтении возникает эхо божественного голоса. Подойти к началу – значит услышать. Для Хайдеггера «зов» онтологически первичнее любого умо-зрительного вида. Это фоноцентрическая позиция (если использовать термин Деррида). В отечественной психологической традиции, представленной прежде всего в работах Л.С.Выготского, мышление понимается как «внутренняя» беззвучная (в пределе) речь. Но параллельно этой, библейской в основе традиции разворачивается иная, транслирующаяся из греко-римской архаики, делающая акцент на зрении как форме раскрытия истины. Поэтому идет речь о мышлении как созерцании, конечном человеческом или бесконечном божественном, мировоззрении, умном видении и т. д. Биотехнология взаимопреобразования биологоформ связывает обе традиции подступа к смыслу слова в пучок, разборчиво указывая каждой свое место, собирает в живую целостность.

Эта биотехнология, сосредоточивая внимание на точке преобразования перцептуальных биологоформ, предлагает в качестве возможной фундаментальной онтологии взять точку гештальтного переключения между зрением и слухом – там, где зрение подводит к порогу, началу акустической формы, а акустическая форма в свою очередь подводит к началу визуальной. Внимание в слове к *тому*, о чём ведётся речь, удерживает нас именно в этой «безвидной» и «неслышной» точке, на границе-начале, в особого рода

пограничном режиме координированных форм телесной активности письма, слушания и зрения. Там, где они сосредоточиваются в своей из-начальной возможности.

Тем самым достаточно простой анализ, проведённый по линии дифференциации архаического сказа на сказывание и показывание, позволяет высказать важное с философской точки зрения предположение. То, что мы называем мышлением человека, как неслышной и, добавлю, незримой беседы души с самой собой, следует локализовать в пограничной зоне гештальтного переключения между взглядом и слухом, а то, о чём мысль мыслит, – в парадоксальной пограничной области между визуальными и акустическими формами представления. В этой же структуре реальности локализована и неуловимая «внутренняя форма» слова.

Причём эта внутренность не аморфна, в ней уже заложены структуры и напряжения будущих возможных наполнений. К примеру, любой смысл, будучи погружен в биомеханически структурированную среду, оказывается исходно двусмысленным. Он выражается в ритмичном движении через точку гештальтного переключения между перцептуальными формами, между глазом и ухом.

Дело в том, что в различности сказывания и показывания слово как бы обращено к самому себе. Увидев нечто, захватившее наше внимание, мы начинаем про себя проговаривать происшедшее. Услышав от другого о некотором происшествии, начинаем непроизвольно визуализировать услышное.

Причем поскольку семантические порядки визуального и акустического представления разнородны (природа разнородности указана выше), то смысл слова, укорененный на их границе, оказывается внутренне нестабильным, неустойчивым. Он постоянно не совпадает с самим собой. И это несовпадение, хаос, как неодомашненная стихия самого слова, неистребимо присутствующий в его внутренней форме, является своеобразным вечным двигателем культурного движения. Он постоянно провоцирует неутолимое стремление «до-определить», снять неопределенность в желании высказать увиденное и визуально представить услышанное. Но каждое «доопределение» лишь порождает новую форму неопределённости. Любое высказанное слово может быть «доопределено» практически бесконечным числом различающихся между собой визуальных представлений, как различны иконографические лики



святых, так же, как и любому визуальному представлению можно поставить в соответствие множество несовпадающих словесных описаний, как бесконечно различны искусствоведческие описания изображённого на картинах мастеров.

Тем самым беседа обнаруживает в себе, в самой сердцевине слова, предопределённый несовпадением сопряженных культурных порядков хаос полемоса, спора как начала. В смыслопорождающей беседе *полемос и есть ещё одно найденное на пути археологического рассуждения «первое основание» возможности опыта инакомыслия (меж- и трансдисциплинарного сотрудничества)*, откуда, по Аристотелю, происходит «бытие, становление или познание»...

**Саморазоблачение – перформативное противоречие.** Высказав, даже в форме парадокса, это утверждение, я сам с собой впал в перформативное противоречие. Ведь то, что уже высказано мной, высказано с определенной точки зрения, а именно так, как я, сейчас пишущий, понимаю суть дела. Следовательно, пообещав продумать возможное основание для инакомыслия и представив это основание в качестве осуществляющейся в усилии/порыве конечного человеческого существа нетематизированной живой функционирующей деятельности, одной из известных форм которой является беседа, я смог это сделать, лишь тематизировав и ритуально «убив» живое слово, вычленив его смысл, закончив беседу и начав «проповедь» открывшегося мне смысла, т. е. предложив как общее основание именно мной истолкованный смысл. А когда вслед за Хабермасом объявил о неприязательности мысли, то высказал это во всеобщей форме, точнее, с претензией на всеобщность. Ведь я же размышлял об основании не для общения себя с самим собой (что тоже, как выше показано, в простоте душевной не совершается), а для плодотворной встречи с другими, думающими в философии и биоэтике иначе. Как совместить это притязание с нуждой в неприязательности? Как сохранить живое слово, если путь его высказывания с необходимостью умертвляет? Эта задача столь же трудна, как задача высказать смысл молчания. Промолчав, не выскажешь, а выскажешь – молчание разрушишь...

Как возможно, продвигаясь тропой обоснования, постоянно «конституируя» своё «я», сохранить место для «ты», чьи помыслы мне неизвестны? Для инако-мыслия надо совершить ещё одно усилие/порыв и расчистить место, освободить его от мной



же измышленного и этим измышленным (как пеплом Везувия), загорживающим подступ к другому субъекту, как самостоятельно, для меня невозможным образом мыслящему. Причём сделать я это смогу лишь через обосновывающую деятельность моего же «я». Интересно, что подсказка – как выйти из затруднительного положения уже содержится в самих «я» и «ты»... в их, как утверждают лингвисты, шифтерной природе...

**Шифтер публикации.** Шифтерами в лингвистике называют понятия, являющиеся одновременно символами и индексами (индексными символами), по Пирсу. Они, с одной стороны, связываются по определенному правилу с объектом, а с другой – реально на него указывают, включают в себя функцию указательного жеста. Их значение не может быть понято вне контекста сообщения. Таким шифтером является местоимение «я», которое по общему правилу обозначает некоторую самость вообще, но когда я говорю «я», то это местоимение указывает на меня как на сейчас говорящего или пишущего. Как символ, его значение определяется как бы изнутри. Как индекс – снаружи, из позиции другого, так как именно извне направлено любое указание на меня. И картезианские размышления, и моё размышление на путях обоснования, представленное здесь и сейчас, поскольку оно мной здесь и сейчас воспринимается (пишущий себя читает, говорящий – слушает), движется в плане символа. И в этом движении ни с каким инакомыслящим «ты» встретиться не может. Это «ты» неизбежно будет довольствоваться ролью «альтер эго», т. е. некоторого другого «я». Находясь в плане символа, даже развивая идеи «диалога», место того другого, с которым автор ведет диалог, никак иначе, кроме как через идею соавторства, неизбежно вторичную в отношении авторства, определить нельзя. В этом, с моей точки зрения, слабость диалогических концепций М.М.Бахтина и В.С.Библера. И эта слабость возникает с неизбежностью, если событие рассуждающей мысли ограничить лишь самим рассуждением, т. е. полагать мысль состоявшейся в самом произведении так, как оно появляется в момент про-из-ведения для пишущего или говорящего.

Оставаясь в плане символа, неприязнительность ничем, как приязнанием на всеобщность, не сможет быть, живое слово всегда останется мертвым, а нетематизированная функционирующая жизнедеятельность окажется тематизированной и застывшей в своей

представленности, сколько бы ни заклинали именем непредставимого. Выход указывает план индекса – указывания на «я» с позиции другого. Поскольку указывание разворачивается извне, то в нём «я» с неизбежностью приобретает смысл «ты». Я написал то, что сейчас разворачивается перед читающим, который вправе сказать, обращаясь мысленно ко мне: это написал «ты». На последнее (приписывание мне написанного) мой верный ответ прозвучит: «Да, я написал». В шифтерном местоимении «я» уже заложено «ты», как и в «ты» заложена возможность «я». Причём это «ты» для «я» не является его дубликатом – неким «альтер эго». Более того, «я» его попросту не знает, а если встретит в представлении другого, то может и не узнать. Его («ты» в шифтерной природе моего «я») знает и узнаёт, вращаясь в герменевтических кругах истолкования, другой, читающий или слушающий мою речь. Следом присутствия в «ты» моего не схваченного истолкованием «я» являются непонятности, которые относятся либо к ошибкам «автора», либо к недостаточной искусственности читателя...

С этой точки зрения, шифтер как индексный символ представляет некую пульсирующую сущность, которая постоянно совершает жертвоприношение «я» в «ты» и воскрешает его в обратном движении истолковывающей речи. «Я» по природе само-отверженно, а «ты» – само-приверженно. В живой речи сам пульсирующий «шифт» (интервал «я» – «ты») обычно не заметен, не развернут. В жизни общества он получает опространствление, становится особого рода социальной технологией – публикацией.

Трудно найти философа (богослова, учёного – любого пишущего публично), любящего публику, для которой он пишет или перед которой он выступает. Но уж совсем не найти такого, который, несмотря на нелюбовь, не продолжал бы писать, выступать, публиковаться. Публикация как сдвиг («шифт»), превращающий «я» в «ты», является само-отверженным поступком пишущего и публично выступающего. Поступком, совершающимся за рамками им написанного или сказанного, в стихии публичного процесса. Там, где написавший или сказавший нечто как «я» теряется в неподконтрольной ему стихии вычитанных или услышанных реальным другим множеств непохожих «ты».

Публикация совершает феноменологическую редукцию наоборот (упомянутую выше) с тем, чтобы заключить в скобки «я», очистив пространство для инакомыслия, проявляющегося ближай-

шим образом в генезисе многообразия «ты». Каждое из этих «ты» может возникнуть лишь в контексте истолкования как обоснования сказанного или написанного другим. Последнее в свою очередь продуцирует множество истолковывающих «я» (об этом выше сказано достаточно), каждое из которых может удостоверить в своём бытии лишь путём само-отверженной публикации, в сдвиге из себя к множеству новых уже его, но ему неизвестных «ты» и т. д.

Публикация как шифтерный процесс выдвигает пишущего или публично выступающего к некоторым «последним» основаниям...

**Карта условий возможного опыта инакомыслия (меж- и трансдисциплинарности).** Цепь рассуждений, как дневной переход на ещё незаконченном пути выдвижения к основаниям биоэтики, понимаемом мной как условия возможности опыта инакомыслия, закончена. Теперь можно, как на вечернем привале, дать отчёт происшедшему и архивировать найденные материальные находки: основания бытия в возможности и тенденции к осуществлению. Их не так много. «Картины» начал («конструкты опредмечивающего представления» – М.Хайдеггер) возникали друг за другом во времени рассуждения, воспроизводя эффект мультипликации, дающий своеобразную целостную голограмму событий и одновременного их паритетного сосуществования на плоскости (карте) – в структурах жизненного мира.

Теперь я помещу их в многомерное пространство воображаемого архива, пронумеровав и как бы разложив по полочкам.

К условиям возможности опыта инакомыслия, составляющего специфику оснований биоэтики, относятся:

осуществляющаяся в *conatus'e* (усилии/порыве к бытию) конечного человеческого существа, нетематическая, живая функционирующая деятельность, разворачивающаяся в профанной речи как форме живого слова и являющаяся предпосылкой и опорой любой речи экспертов в вопросах истины и блага (основание их неприязнительности);

беседа как деятельная форма живого слова, продуцирующая непредусмотренные экспертным усмотрением результаты;

желание сказать и быть услышанным, инициирующее беседу, в которой реализуется фундаментальный и неисчерпаемый импульс культуры к одомашниванию реальности в себе и вне себя;

спор культурных порядков по поводу схватывания смысла (того, о чём ведётся речь), воплощенного (телесно укоренённого) в неслышной и безвидной беседе глаза и уха;

публикация как радикальная само-отверженная жертва «я», раскрывающая онтологически укоренённое место для другого – само-приверженно инако-мыслящего существа – «ты».

Разместив находки в воображаемом архиве, позволю сделать несколько заключительных замечаний. Рассуждая, я избегал одного из главных философских вопросов. В каком смысле условия возможности опыта инакомыслия – специфические основания биоэтики – априорны или апостериорны? Тезис о непритязательности философского рассуждения предполагает зависимость того, что на его пути об-наруживается, от особенностей *sonatus*'а (усилия/порыва к бытию) рассуждающего. И в этом отношении найденные основания апостериорны. Но сама непритязательность сформулирована как некое всеобщее условие возможности опыта инакомыслия. Без этого само-ограничения нельзя открыть в беседе с собой и другим пространство для инаковости в себе и другом. В этом смысле найденные условия имеют статус априорных, т. е. независящих от опыта разворачивания мысли, им предшествующих. Эту дву-осмысленность можно зафиксировать как парадокс априорной апостериорности условий возможности опыта инакомыслия. С учётом этого парадокса метафора археологических раскопок приобретает неизбежную сложность. Каждый шаг рассуждений как бы фокусирует внимание в определённой точке зрения, позволяющей об-наружить нечто, до того скрытое. Однако «фокусировку» нужно мыслить тоже парадоксально. В ней производятся результаты пассивного наблюдения и активного взаимодействия, увеличения «линзы» и интерференции «лазера» (В.И.Аршинов). Динамический контекст специфических в каждом случае условий наблюдения/взаимодействия в прямой для первого и обратной для второго перспективе связывает, как незримая текстура «задника» картин, множественную многослойную «раскапываемую» реальность оснований в специфическую архитектурно-целостность.

Публикация погружает произведённое в ситуацию кризиса, лиминального взаимообращения (перехода), нахождения себя как иного в другом и другого как иного в себе. Тем самым в среде

публичного процесса раскрывается основание (как спор – полемос – интерпретаций и самоинтерпретаций) творческого инакомыслия в биоэтике.

### Примечания

- <sup>1</sup> *Аристотель*. Метафизика, V2, 1013b, 16 слл (79 Б) (цит. по переводу В.В.Бибихина. М.Хайдеггер «О существе основания» // *Философия в поисках онтологии*. Сборник трудов. Самара, 1998. С. 80.
- <sup>2</sup> *Гуссерль Эдмунд*. Избр. работы. М., 2005. С. 450.
- <sup>3</sup> Вопрос о непредставимом и его эффектах в конфигурациях силы и власти мной обсужден в статьях: *Институт человека как философская идея // Человек*. № 6. С. 23–41; *Сила и власть. Карнавал, труд, праздник // Рабочие тетради по биоэтике*. Вып. 8; *Философско-антропологический анализ самоорганизации неформальных структур власти в закрытых коллективах (на примере дедовщины)*. М., 2009. С. 25–47.
- <sup>4</sup> *Рикёр П.* Я-сам как другой / Пер. Б.М.Скуратова. М., 2008. С. 368.
- <sup>5</sup> И.Кант сделал первый существеннейший шаг в том направлении, которое я обозначил как ко-экзистирование, указав на первых страницах «Критики чистого разума», что в науке природа отвечает лишь на те вопросы, которые ей поставил разум. Для последующего изложения принципиально важно понимание прибора как воплощенного вопроса к природе (В.В.Бибихин). В современной философии науки этот первый шаг преобразуется в идею познания как коммуникативной деятельности между субъектом и объектом в активной среде языка (В.И.Аршинов, Я.И.Свирский).
- <sup>6</sup> *Васильева Т.В.* Вечная истина Протагора // *Архе*. Вып. 4. М., 1995. С. 206.
- <sup>7</sup> Там же.
- <sup>8</sup> *Декарт Р.* Избр. филос. произведения. М., 1958. С. 235.
- <sup>9</sup> *Августин Аврелий*. Исповедь; *Абеляр Петр*. История моих странствий. М., 1992. С. 162.
- <sup>10</sup> См. мою книгу «Био-власть в эпоху биотехнологий» М., 2001, в которой описан универсальный культурный архетип путешествий в мир смерти для обретения истины и власти. Это путешествие представляет собой лиминальный переход, уточняющий названное выше экзистированием и ко-экзистированием. В качестве намека напомним пушкинское: «Нет, весь я не умру...».
- <sup>11</sup> *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 446.
- <sup>12</sup> *Хайдеггер М.* Время и бытие / Пер. В.В.Бибихина. М., 1993. С. 309.
- <sup>13</sup> *Хайдеггер М.* Время и бытие / Пер. В.В.Бибихина. М., 1993. С. 309.
- <sup>14</sup> Идея пассивности в радикально новом аспекте обсуждается П.Рикёром в кн.: *Я сам как другой / Пер. Б.М.Скуратова. М., 2008.*

*Ф.Г. Майленова*

## **Современная гипнотерапия и дзэн-буддизм**

### **Гипноз и транс как часть процесса жизни**

Понятия гипноза и транса, пожалуй, самые сложные и запутанные во всей психотерапии. Представления об этих явлениях столь разнообразны и порой просто удивительны, что стоит остановиться особо на том, что же подразумевается под этими терминами. Слово «*гипноз*» по сути является метафорой, происходящей от имени бога сна – Гипноса. Термин этот был введен в 1843 году шотландским врачом Джеймсом Брэйдом, чтобы описать поведение лунатиков и особое явление, называемое «животным магнетизмом». Метафора, позволяющая рассматривать гипноз как разновидность сна, каковая охватывает человека под влиянием кого-то или чего-то, достаточно удобна, хотя отнюдь не является точной и полностью описывающей это явление.

Остановимся лишь на двух определениях, которые позволят отличать виды гипноза: директивный и недирективный. Первая разновидность представляет собой медицинский гипноз, который погружает клиента в состояние, подобное сну; хотя мозг его при этом остается восприимчивым к сообщениям гипнотизера, но он может оказаться невосприимчив к боли, совершать различные действия, в том числе странные и необычные, о которых потом не будет помнить. Этому виду гипноза посвящено достаточно много описаний, нас же интересует другой его вид, который называют недирективным, или новым, или же – по имени человека, который его начал использовать впервые, – эриксоновским.

Власть, которая оказывается сосредоточенной в руках психотерапевта, позволяет ему производить достаточно глубокие изменения во внутреннем мире клиента. Существует немало приемов

неявного вмешательства, когда клиент может и не знать, что именно с ним происходит. Для того чтобы осознать все то, что делает психотерапевт, требуется, во-первых, немало специальных знаний, а во-вторых, такая степень осознанности и диссоциации от себя и от собственных переживаний, наличие которой автоматически делает невозможной всякую психотерапию. Так или иначе, клиент оказывается погруженным в собственные переживания, и терапевт может менять их направление, интенсивность, глубину настолько, что зачастую у клиента наступают измененные состояния сознания, или так называемые трансовые состояния. Транс – термин, обычно употребляемый для обозначения состояния субъекта во время гипноза, и предполагается, что он представляет собой нечто особенное, не вполне нормальное, в противоположность обычному состоянию человека. Однако предположение, что у человека всего два состояния, нормальное и измененное, чрезвычайно упрощает действительность. На самом деле у человека имеется множество форм переживаний, и даже в нашей повседневной реальности мы испытываем великое множество состояний, любое из которых имеет тысячи нюансов и граней. Даже такие известные, как сон и бодрствование, это тоже не два состояния, а множество. Бывает сон глубокий и неглубокий, со сновидениями и без, промежуточное состояние между сном и бодрствованием, когда человек частично спит, а частично воспринимает окружающую реальность, и причудливое переплетение этих реальностей, такие как «сон наяву». Глубокие переживания и сильные впечатления также могут настолько изменить картину мира, что человек может чувствовать себя «убитым» или, наоборот, летающим на крыльях. Опять же в разные моменты нашей жизни неодинаково работают память, воображение, обоняние, вкус и прочее – один и тот же человек может чувствовать себя настолько по-разному, что впору считать, что он переселяется из одного тела в другое.

Транс – это не сон и не поведение, похожее на сон, как предполагают многие, это больше процесс, нежели состояние. И процесс этот действует на разных клиентов по-разному. Если пациент верит, что гипноз ему поможет, ему станет значительно лучше после встречи с гипнотерапевтом уже согласно лишь плацебо. Так что даже у не очень умелых терапевтов случаются 20–30 % удачных случаев излечения. Часто клиенты приходят с совершенно фан-

тастическими представлениями о гипнозе. Если это способствует излечению, запускает позитивные процессы в их личности, отчего бы и не принять их идеи как рабочую гипотезу? Любой сеанс – это прежде всего взаимодействие, договоренность между двумя людьми, один из которых страдает, а другой стремится помочь справиться со страданием. При условии, что установлен плодотворный контакт, уже просто общение с психологом, один его голос способны вызвать состояние, которое мы называем «трансовым», что означает, что клиент готов к восприятию нового и открыт к изменениям. Поэтому не столь важно, в какой технике работает тот или иной специалист по психотерапии: по большому счету все используют гипноз, только одни делают это явно и осознанно, а другие – либо не подозревая об этом, либо называя его иначе. Например, описания техник в психоаналитической школе совершенно явно свидетельствуют о том, что во время сеансов психотерапии клиент находится в особом гипнотическом процессе, способствующем углубленному видению своего прошлого и внезапным озарениям (инсайду).

Гипноз, как и транс, являются важнейшей частью нашей жизни, и переживания в измененном состоянии сознания большей частью весьма плодотворны. Эриксон предложил взглянуть на подсознание как на позитивную силу. Следуя за этой силой, человек выигрывает.

Когда гипнотическое пламя разгорелось, наше творческое бессознательное способно разрешить проблемную ситуацию, которая годами оставалась нерешенной. Также гипноз, точнее, самогипноз – источник не только душевных сил, но и всех тех удивительных состояний, которые ученые, художники, композиторы, писатели называют озарением, вдохновением или творческим экстазом. Это те драгоценные мгновения жизни, когда безграничные ресурсы бессознательного оказывались доступны и человек создавал нечто прекрасное и великое.

### **Принцип информированного согласия**

Возникает вопрос: как осуществлять принцип информированного согласия в работе гипнотерапевта? Ведь клиент, находясь в трансе, не может понимать все, что с ним происходит, даже если терапевт попытается ему объяснить. Более того, для того, чтобы



трансовые техники сработали, важно «выключить» критическое мышление, и понимание в данном случае оказывается попросту вредным. Чтобы бессознательное начало работу по преодолению проблемной ситуации, после сеанса гипноза часто проводится специальная техника амнезии. В итоге, хотя клиент и находился в полном сознании в процессе работы и вел осмысленный диалог с терапевтом, впоследствии не может припомнить целые куски разговора – как правило те части, куда была встроена терапевтическая метафора или другая техника. И если ему рассказать все, терапевтическое действие будет нарушено. Таким образом, абсолютно полное информированное согласие вряд ли возможно, хотя вначале, еще до начала гипнотического вмешательства, клиент получает максимум информации о том, что его ждет.

В применении трансовых техник необходима особая тонкость и осторожность. Прежде чем осуществлять интервенцию, необходимо провести тщательную работу по сбору информации, чтобы максимально точно представить характер внутренних связей, с которыми придется иметь дело. Даже если в ста предыдущих случаях этот характер оказывался таким, что все срабатывало, не исключено, что именно этот случай, этот человек является исключением, и у него на этом участке все устроено совершенно по-другому. То, что работает в так называемых «классических» случаях, для которых был придуман тот или иной метод, может оказаться недостаточным, а иногда и вредным там, где проблемы носят комплексный характер. Человек может совершать одни и те же поступки (внешне), сообразуясь при этом с самыми различными мотивами, причем в одних случаях у него будут преобладать одни мотивы, в других – другие, несмотря на то что ему самому кажется, что он всегда одинаков. Увидеть подобные вещи возможно только с метапозиции, в которой должен пребывать психотерапевт. Ему необходимо сочетать знание конкретных техник, конкретного человека со всеми его особенностями с комплексным видением всей картины. Важно ясное видение логики проблемной ситуации: каким образом она возникла, как она взаимосвязана с другими значимыми элементами системы, как может все измениться в случае вмешательства и как можно предотвратить возможные побочные эффекты... При этом ему еще важно оставаться живым человеком, с распахнутыми глазами и ушами, чтобы уловить малейший нюанс в изменении поведения и состояния клиента.

Психотерапия имеет много общего с медициной, однако ее главное отличие в том, что клиент может в гораздо большей степени влиять на выбор техник. В частности, он может сказать, что возражает против гипноза или против приемов телесной терапии, и в таком случае терапевту придется искать другие способы взаимодействия. Представить подобное поведение с врачом сложнее, там патерналистская модель взаимодействия с пациентом более распространена. Например, если хирург точно знает, как надо делать ту или иную операцию (хотя тоже далеко не всегда), он, конечно, не будет спрашивать у больного, продолжать ли уже начатую операцию или, может, оставить так и начать другую, а у психолога такой определенности нет и не бывает. Он творит в каждый момент времени, постоянно обращаясь к тончайшим нюансам самочувствия клиента. Он должен быть готов мгновенно среагировать на изменения в поведении, голосе, дыхании, выражении глаз, наблюдая одновременно за множеством едва заметных внешних проявлений внутренних переживаний. В отличие от тела, которое в большей степени поддается наблюдению и исследованию, душевная жизнь человека – область большей частью непознанная, и все теории, схемы являются лишь приблизительным описанием этого безмерного пространства. С уверенностью можно сказать лишь, что внутренний мир каждого человека поддается некоторому описанию, которое можно научиться делать максимально приближенным к реальности. Изучив те закономерности, по которым образуются бесчисленные связи между элементами внутреннего мира, можно с той или иной степенью точности корректировать и изменять их, если там произошел явный сбой.

### **В поисках личностной силы**

Несмотря на все ограничения, психотерапия не оставляет попыток помочь человеку научиться проживать жизнь в ее настоящем моменте, и в этом ее главное сходство с экзистенциальной философией, которая берется за ту же задачу, но другими средствами.

С точки зрения экзистенциализма наиболее желательным завершением психотерапии для пациента является чувство возросшей личной силы. Даже специфические изменения в поведении не являются мерилom успешной терапии: ее истинное мерило – появление ощущения «я могу это сделать».

Как говорил Ролло Мэй<sup>1</sup>, «сила воли – это желание плюс действие». Каждый хочет жить хорошо, счастливо, однако некоторые работают для этого, другие ограничиваются смутным желанием. Часто психотерапия подменяет собой подлинные усилия по изменению, так как человек получает возможность, ничего по сути не делая, просто обсуждать свои жизненные трудности. При этом «совесть его чиста», так как он верит в то, что работает над своими проблемами, вот и к психологу ходит, и близкие должны быть к нему особо терпеливы и снисходительны. Таким образом, не ведая того, психологическая помощь может усугубить проблему, особенно ее этическую составляющую. Психолог дает клиенту подтверждение, что да, он страдает, он болен, ему нужна помощь, тем самым одновременно помогая заглушить чувство вины за неблагоприятные поступки, которые человек совершает со своими близкими. Теперь он получает на это «законное право»: у него депрессия, или зависимость, или же эмоциональный стресс, поэтому все его выходки получают «научное» объяснение. К сожалению, этот побочный эффект от психотерапии встречается гораздо чаще, чем хотелось бы, так как психологи зачастую лечат симптом, забывая о том, что человек живет не в вакууме и что его дети, близкие, друзья, сослуживцы нередко страдают вместе с ним, так как включены в единую систему эмоциональных связей. Разумеется, обращение за помощью к психологу – сам по себе шаг, ведущий к осознанию если не всей полноты ответственности за происходящее, то хотя бы показывающий стремление к этому. Если человек признал, что в его жизни что-то не так, и поверил, что можно что-то изменить, он с большой долей вероятности справится с этим. Однако инерция мышления может привести к тому, что стремление изменить жизнь лишь добавит претензий к окружающим людям. На первом психотерапевтическом сеансе обычно главная просьба к психологу – научите, как мне изменить мужа (жену, ребенка, начальника). Я перестану страдать, если другие постараются, – как сделать, чтобы они постарались? Необходимость измениться самому поначалу воспринимается с недоверием, а порой и с негодованием: мне и так тяжело, а тут еще дополнительные усилия прилагать! Лишь постепенно приходит понимание, что для того, чтобы выздороветь, необходимо затратить силы. Жертвы обстоятельств будут чувство-

<sup>1</sup> *May R. Love and Will. N.Y., 1969.*

вать себя жалкими столь долго, сколько они будут продолжать сомневаться, пока не решатся сделать решительный шаг и не начнут прилагать усилия, чтобы измениться.

Некоторые люди действительно являются жертвами злой воли других людей, болезни, тяжелых жизненных обстоятельств. Трудно требовать от жертв зверских нападений, детского насилия, различных жизненных катастроф, чтобы они все позабыли и перестали страдать. Однако не секрет, что в одинаковых ситуациях разные люди по-разному реагируют на несчастье. Кто-то способен оправиться от катастрофы и даже становится сильнее, а кто-то всю оставшуюся жизнь чувствует себя жертвой. Быть ответственным за свою жизнь не означает, что мы виноваты во всех несчастьях, в том числе произошедших по воле случая или по злой воле других людей. Однако взрослый человек может нести полную ответственность за свои реакции на события, за свои мысли и душевный настрой.

Как ни странно, начать жить в радости оказывается гораздо труднее, нежели продолжать страдать. Главный «бонус» за страдания – отсутствие ответственности за свою жизнь – оказывается столь весом и притягателен, что может перевесить жажду радости и счастья! Добровольно отказаться от комфорта отсутствия ответственности способны немногие.

### **Выполнение необычных заданий**

Цель терапии – изменить действия человека, привычные мысли и способы реагирования на жизненные ситуации. Рациональным советом такую задачу не решить, так как требуется ни много ни мало изменение личности. Учителя дзэн считают, что такое может возникнуть при особом состоянии сознания и лишь во время действия. Эту особенность психики, подмеченную еще тысячелетия назад, можно использовать и в современной психотерапии. Часто нужно поэтому идти «в обход», постепенно приходя к главной цели.

Порой полезно бывает начать не с главного симптома, а предложить пациенту сделать нечто как бы не касающееся основной проблемы, но обязательно новое и непривычное, требующее определенных усилий, например, заняться спортом, освоить новый навык, начать рисовать, петь, изучать иностранный язык и т. п. Подобные задания, когда пациент их выполняет, косвенным обра-

зом воздействуют и на собственно проблему, так как влияют на всю систему в целом. Человек получает уникальный опыт – опыт изменения, переживания нового способа бытия. Зачастую клиент – человек, настолько закосневший в одних и тех же реакциях, уже забывший, что в жизни существуют какие-то радости, бывает чрезвычайно удивлен, что он еще способен обучиться чему-то новому. Эту энергию удивления и созидания можно впоследствии направить на работу уже с конкретным симптомом. Восстановив подзабытый *навык обучения* чему-то новому, пациент может испытать прилив воодушевления, так как человеческая природа такова, что люди любят узнавать что-то новое и получают от этого удовольствие. Как только начинает что-то получаться, автоматически повышается самооценка, пусть пока в какой-то отдельной области. Далее следует использовать полученный опыт обучения для преодоления проблемной ситуации. Совершая такие поступки, клиенты все больше осознают способность быть хозяином своей жизни: если удалось совершить усилие, чтобы начать делать по утрам зарядку и ежедневно обливаться холодной водой, следующий шаг, требующий большего усилия, уже не кажется столь невероятным. Важно лишь научить связывать эти процессы. Убежденность пациента, что его проблема неразрешима, что у него недостаточно сил для ее решения, постепенно подтачивается в процессе выполнения таких заданий. От терапевта требуется изобретательность и находчивость в подборе заданий, так чтобы они соответствовали интересам клиента, с одной стороны, а с другой – были бы достаточно необычными и сложными, чтобы усилия, затраченные на их выполнение, были достаточно большими. Также важно, чтобы эти задания были не совсем обычными, способными сломать стереотип привычного течения жизни. Иногда они могут быть и неприятными, например, проявить смелость в разговоре с начальником или членами семьи (для человека робкого и привыкшего постоянно «прятать голову в песок» такое задание может показаться прямо-таки устрашающим), публично выступить, предпринять путешествие в одиночку, если они никогда не делали этого прежде, устроить ремонт или генеральную уборку. Преодолевая неудобство, совершая непривычные усилия, клиент также учится получать удовольствие от чувства победы над собой, возрастающей веры в себя, а также от самого процесса жизни, требовательной и разнообразной.

## Дзэн-буддизм и гипнотерапия

Проникновение дзэн-буддизма в область практической психотерапии началось в 50-е годы прошлого столетия. В те годы еще не было столь широкого разнообразия психотерапевтических школ, и повсеместно царила психодинамическая теория с ее центральной идеей инсайда. В то время дзэн с его нацеленностью на действие казался прямой противоположностью классической психотерапии. Существование здесь-и-теперь, к которому подводит дзэн-практика, также не совпадает с постоянной направленностью в прошлое, присущее психоанализу.

Тем не менее можно найти нечто общее даже в таких столь непохожих системах. Стремление понять, интерпретировать символы и знаки, предлагаемые бессознательным, а самое главное – пристальное внимание к процессам, протекающим в бессознательном, по сути присуще и психоанализу, и дзэн-буддизму. Разумеется, применяются иные техники, совершенно различен язык интерпретаций и базовые мировоззренческие предпосылки. Несмотря на то, что с древних времен создала обширная литература по дзэн-буддизму, основная предпосылка его гласит, что достичь просветления, читая о нем, невозможно. Только лично, постигая самого себя при участии учителя, можно постичь дзэн. Такой антиинтеллектуальный и антилитературный взгляд, характерный для дзэн-буддизма, резко отличается от интеллектуальной традиции западной психотерапии, где каждое положение, прежде чем считаться верным, должно быть подкреплено ссылками на авторитеты. Что же касается дзэн, его цель – просветление, или сатори, происходящее независимо от суммы знаний, которыми человек владеет. Главное условие практики дзэн – освободиться от поглощенности прошлым или будущим, в том числе (что на первый взгляд кажется совершенно недостижимым) стремлением просветления. Однако если вдуматься, становится очевидным, что путь дзэн, который предстоит пройти обычному человеку, обучающемуся у мастера, во многом схож с тем, что происходит в процессе психотерапии и гипноза. В обоих случаях перед человеком стоит задача изменить свою личность, сделать нечто, что он никогда не делал, преодолеть шаблоны поведения и практически выйти за пределы своего «Я».

Основная проблема современного человека – потеря контакта с самим собой и в то же время чрезмерная привязанность к внешним объектам, будь то материальные ценности, работа, другой человек. Неумение расслабляться и радоваться, чрезмерная устремленность в прошлое (чувство обиды, вины, стремление отомстить, сожаление и боль) или будущее (тревога, страх перед неизвестным, стремление все жестко контролировать) мешают ощущать полноту жизни. В идеале то, что можно получить в процессе психотерапии, совпадает с тем, к чему ведет путь дзэн. Вырваться из замкнутого круга повторяющихся действий, преодолеть болезненные привычки и пристрастия, мешающие сосредоточиться на настоящем моменте и радоваться каждому мгновению жизни, – это ли не достоянная цель любой психотерапии?

Сделать это самостоятельно, даже если пришло полное понимание проблемы и необходимости изменений, чрезвычайно трудно, так как человек находится в одной и той же системе со своей проблемой и выйти за ее пределы не может. Помочь в этом страдающему человеку – эта задача стоит и перед психотерапевтами, и перед учителями дзэн. Например, человек, поглощенный навязчивыми идеями, может очень сильно стремиться избавиться от них, но от увеличения его усилий цель не приближается, а, наоборот, отдаляется, так как чем больше бороться с навязчивостью, тем она становится сильнее. Любая попытка измениться активизирует регуляторы системы, призванные ее сохранять и препятствующие изменению. Всем известен детский парадокс, когда дают задание полчаса не думать о белой обезьяне; задание практически невыполнимо, если *стараться* его выполнить. А вот если отвлечься и забыть о нем, может пройти и больше времени без мыслей о пресловутой обезьяне – возможно, тот же механизм работает и в других подобных ситуациях. Нет ничего более нервирующего, нежели «добрый» совет: «Не нервничайте!» Чем больше кто-то старается расслабиться, тем более напряженным он становится. Как правильно осуществлять помощь человеку в таком непростом деле?

Для того чтобы помочь человеку измениться, необходимо научить его выходить за рамки той системы, в которой он находится, подтолкнуть, однако не вести его за руку. С одной стороны, тот, кто пришел за помощью и нуждается в ней, и тот, кто помогает, находятся в неравных позициях. Однако целью психотерапии является достижение

клиентом состояния, когда он перестает быть таковым и становится равным своему терапевту. Таким образом, помощь может оказаться плодотворной лишь при условии равенства. Как преодолеть этот парадокс – один из основных и в дзэн-буддизме, и в психотерапии?

В дзэнских коанах можно найти множество примеров, как решался этот вопрос. Как правило, учитель никогда не дает прямых однозначных ответов на вопросы, напротив, отвечает так, что вопрошающий начинает искать ответ сам. Вначале он запутывается все больше и больше и лишь затем, совсем отчаявшись, находит ответ (причем тоже далеко не всегда) совершенно неожиданно для самого себя. Это мгновение, когда приходит озарение, нельзя вызвать готовым ответом или советом, пусть даже самым правильным и мудрым. Необходимо, чтобы человек пришел к ответу своим путем, сообразно собственному жизненному опыту и способу мышления.

Психотерапевту также крайне важно «держать паузу» и не поддаваться искушению немедленно дать совет или рекомендацию, хотя именно об этом его просят. Бывает, что уже с первых слов понятно, в чем причина бед человека и что является препятствием для решения его проблем, однако, если сразу объяснить клиенту все, он просто «не услышит», так как это не его личная истина. Информация, полученная раньше времени, может оказаться не просто бесполезной, но даже и повредить, скорее всего человек еще не созрел, чтобы ее воспринять, и он ее отторгнет, и тем самым проблема лишь усугубится. Важно не только то, *что* говорится, не менее важно *как*, а также *когда*.

Лишь со временем, пробираясь сквозь чащу старых убеждений и предрассудков, росток новой идеи набирает силу и в какой-то момент, как стебель молодого бамбука, выстреливает и начинает стремительно расти. Причем даже новизна идей и мыслей, которые человек стремится почерпнуть из общения с психотерапевтом или мастером, весьма относительна. Помощь состоит не в том, чтобы дать человеку новое знание, а в том, чтобы помочь ему обнаружить то, что он давно знал. Когда именно произойдет это мгновение озарения, трудно предсказать, хотя по возможности ускорить его и подготовить клиента к восприятию и освоению нового – задача вполне выполнимая.

Однако устремленность вовне и неверие в себя мешают людям увидеть истину, которой они уже обладают. Отношение к бессознательному как к позитивной силе, доверие к этой силе,



пожалуй, главное, что объединяет современную гипнотерапию и дзэн-буддизм. Стремление все контролировать, в том числе свои бессознательные импульсы, равносильно усилиям сороконожки отследить и скоординировать движение всех своих ног. Вместо попыток следить за своим бессознательным гораздо плодотворнее довериться и позволить ему руководить нашими поступками. «Целью Эриксона было научить людей реагировать на свои импульсы в настоящем, не заботясь о том, как это происходит. Точно так же основная цель дзэн – просто жить, а не заботиться о том, как ты живешь. Иными словами, цель – это излечение от самонаблюдения»<sup>2</sup>.

В качестве иллюстрации к сказанному выше хочется предложить одну из историй о великом гипнотерапевте Милтоне Эриксоне, рассказанную его учеником Джейм Хейли:

«Я разговаривал с Эриксоном о сходстве между его работой и методами дзэн. В ответ он, как обычно, поведал мне ряд случаев из своей практики. Эти истории иллюстрировали некоторые его взгляды на попытку жить настоящим. Например, он рассказал случай с игроком в гольф. Под гипнозом этому игроку была дана инструкция жить только настоящим моментом и концентрировать все свое внимание на одном ударе. В следующий раз, когда этот человек играл в гольф, он думал только о том ударе, который наносил в данный момент. На шестнадцатой лунке он показал лучшую игру за все время его занятий гольфом, при этом не осознавая, каков его счет или сколько лунок он прошел. Он осознавал только настоящий момент, а не ситуацию в целом»<sup>3</sup>.

Можно подвести некий итог сказанному. Насколько применимы элементы дзэн-практики в современной психотерапии? Многие принципы, за исключением разве что самых специфических (например, вряд ли коллеги поймут психотерапевта, который бьет клиентов палкой), вполне уместны в психотерапии. Можно с уверенностью утверждать, что мастер дзэн, который подходит к каждому ученику как к уникальному и неповторимому, ведет себя по-разному с каждым учеником, находя для каждого только ему подходящие слова и задания, уделяет основное внимание настоящему, а не прошлому, обучая проживать полноценно каждое мгновение жизни, мог бы быть идеальным гипнотерапевтом!

<sup>2</sup> Джей Хейли. О Милтоне Эриксоне. М., 1998. С. 154.

<sup>3</sup> Там же. С. 148.

*Е.Г. Гребенщикова*

## **Трансдисциплинарные основания биоэтического знания\***

В современных гуманитарных и биомедицинских науках явно выражена тенденция к взаимодействию двух проблемных полей. Первое связано с осмыслением и активным обсуждением в мировой и отечественной биоэтике моральных проблем, порожденных интенсивным развитием биомедицинских технологий. Второе инициировано увеличением числа тематически ориентированных (транс)междисциплинарных исследований. Как первое, так и второе явным образом просматривается в формировании и развитии соответствующих социальных институтов.

В общей стилистике постнеклассической науки биоэтика изначально обозначилась как трансдисциплинарное направление исследований. Необходимость решать, подчас в буквальном смысле на грани жизни и смерти, острые нравственные дилеммы продемонстрировала недостаточность экспертного мнения специалистов-медиков, обозначив потребность в дополнении профессиональной компетенции знанием, выходящим за дисциплинарную сферу. Ситуация ограниченности опыта, знания и интуиции специалистов в рассмотрении острых нравственных проблем фиксируется как парадоксальная: проблемы, казалось бы, традиционно рассматриваемые профессионалами, требуют иных, непрофессиональных подходов. На это указывает характер проблем, которые являются скорее философско-мировоззренческими, нежели медицинскими. Таким образом, происходит формирование нового типа знания, в котором ресурс трансдисциплинарных стратегий становится осно-

---

\* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 10-03-00801а.

вой рассмотрения и решения сложных проблем. Последние, разворачиваясь в реальных жизненных ситуациях, часто затрагивают такие фундаментальные категории, как «жизнь», «здоровье», «целостность».

Становление трансдисциплинарности как новой формы интеграции знания было детерминировано в первую очередь углубляющейся специализацией и дифференциацией науки, определившими «поворот» к возможностям взаимодействия различных познавательных моделей и стратегий, совмещения и проектирования новых исследований в соотнесенности с общесоциальными нормами и гуманистическими ценностями; кроме того, бурное развитие наукоемких технологий во второй половине прошлого века породило комплексные проблемы, поиск решений которых актуализировал не только необходимость синергии дисциплинарного знания, но и обращение к сфере жизненного мира с его ценностными установками и этическими регулятивами, предписаниями здравого смысла и практической мудростью. Таким образом, трансдисциплинарность возникает как вполне закономерный этап развития знания, который дополняет междисциплинарные стратегии возможностями привлечения социальных и культурных регулятивов, ценностно-смысловых установок социальных акторов, заинтересованных в конструктивном разрешении комплексных проблем, порожденных интенсивным развитием науки и технологии во второй половине прошлого века.

В настоящее время можно говорить о нескольких подходах к пониманию феномена трансдисциплинарности, разрабатываемых в зарубежных и отечественных научных центрах. Первый из них связан с именем румынского физика Басараба Николеску – основателя Международного центра трансдисциплинарных исследований (CIRET) во Франции. Согласно Николеску, префикс «транс» указывает на переход дисциплинарных границ («сверх», «через»), целью которого является рассмотрение проблем жизненного мира. Николеску обосновывает трансдисциплинарность исходя из трех методологических постулатов: 1) существование уровней реальности; 2) логика включенного третьего; 3) сложность. Познание в контексте предлагаемого Николеску подхода предполагает транс-переход за дисциплинарные границы, в котором становится возможным связать внешний мир объекта и внутренний мир субъек-

та. При этом ученый подчеркивает, что трансдисциплинарность не противостоит дисциплинарным моделям знания, а дополняет мультидисциплинарный и междисциплинарные подходы исследованием динамики, порожденной взаимодействием нескольких уровней реальности, что предполагает принципиальную дополнительную каждой из форм знания и, соответственно, необходимость общей методологии<sup>1</sup>.

Второй крупный центр трансдисциплинарных исследований организован в 2000 г. Швейцарским академическим обществом исследований окружающей среды и экологии, Швейцарской академией наук и Швейцарской академией искусств и наук. Кристиан Пол и Гертруда Хадорн в работе «Принципы проектирования трансдисциплинарного исследования» рассматривают трансдисциплинарность как форму интеграции знания, ориентированную на проблемы жизненного мира и предполагающую открытость научной информации широкой публике.

Согласно этому подходу, необходимость в трансдисциплинарном исследовании возникает в ситуациях сложных социальнозначимых проблем, решение которых может оказывать существенное влияние на общество в целом или отдельные группы. Как утверждают авторы указанной работы, трансдисциплинарное исследование позволяет: а) понять сложность проблемы; б) принять во внимание многообразие жизненного мира и научное рассмотрение проблемы; в) соединить абстрактное и конкретное знание; г) развивать знание и деятельность, предполагающие достижение общего блага (common good). Разрабатывая методологию трансдисциплинарного исследования, К.Пол и Г.Хадорн выделяют три фазы, каждая из которых связана со спецификой проблемы и потенциалом для её решения: 1) определение и структурирование проблемы; 2) анализ проблемы; 3) реализация результатов. Процесс исследования и разграничение каждого из этапов отдельно имеет важную методологическую функцию, направленную на уточнение возможных стратегий её проработки или заключение в некоторых случаях об отсутствии необходимости в дальнейшем трансдисциплинарном исследовании выдвинутой проблемы.

Швейцарскими учеными предложены несколько принципов, направленных на разрешение трудных ситуаций, возникающих в практике. Первый принцип – уменьшение сложности, что предпо-

лагает выявление необходимого знания и определение вовлеченных людей с точки зрения решения практически-ориентированных проблем. Второй принцип – достижение эффективности через контекстуализацию. Связан с необходимостью учета в проекте тех социальных последствий, которые могут иметь место в процессе реализации, а также его адаптацией для понимания неспециалистами. Третий принцип – достижение интеграции в процессе открытых дискуссий, что «подразумевает восприятие собственной перспективы как одной среди нескольких возможных и принятие других представлений потенциально столь же уместных, как собственные»<sup>2</sup>. Четвертый принцип – развитие рефлексивности через рекурсивность. Каждое усилие в определенной фазе исследования становится «экспериментом реального мира», анализ которого может быть использован в дальнейшем, рассмотрении и структурировании проблемы, что позволяет корректировать исходные познавательные установки относительно её специфической сложности<sup>3</sup>.

Рассмотрение феномена трансдисциплинарности в отечественной науке связано с двумя основными направлениями исследований. Первое ориентировано на философское осмысление указанного феномена и предполагает переосмысление понятия знания в контексте нескольких взаимосвязанных моментов: его основания, обоснования и обоснованности. По отношению к классической парадигме философии, по мнению Л.П.Киященко, можно выделить следующие виды обоснования трансдисциплинарности, придающие ей черты постнеклассического стиля: апостериорную априорность оснований – встречу дисциплинарного знания с проблемами жизненного мира; конкретную универсальность в обосновании принимаемого решения – его практичность; трансрефлексию морального выбора как обоснованность принимаемого решения, демонстрирующего ответственную непритязательность в коммуникативном взаимодействии<sup>4</sup>. При этом автор подчеркивает, что трансдисциплинарность связана прежде всего с теми направлениями научного поиска, в которых присутствует явно выраженный «философский элемент». Так, например, инновационные возможности биомедицины, механизировав процесс умирания, принципиально изменили представление о смерти. В технологическом пространстве медицинской практики возникли вопросы, требующие философской рефлексии, казалось бы, уже исчерпанных антропологических проблем. Второй

подход развивается в «Российской школе трансдисциплинарности». В его рамках трансдисциплинарность трактуется как «способ расширения научного мировоззрения, заключающийся в рассмотрении того или иного явления не ограничиваясь рамками какой-либо одной научной дисциплины»<sup>5</sup>. В.С.Мокий определяет трансдисциплинарный подход как методологию распознавания и исследования единой упорядоченной среды<sup>6</sup>.

Определяя специфику трансдисциплинарного знания в работе «Новое производство знания», Гиббонс и соавторы называют в качестве его ключевых характеристик ориентацию на контекст приложения и интегральный характер, релевантные новому типу получения знания (Mode 2). Производство знания в «режиме 2» в отличие от дисциплинарно организованного знания (Mode 1) формируется под влиянием ряда взаимосвязанных причин: интенсивного развития информационных технологий, расширивших границы коммуникации; массивности системы высшего образования в международном масштабе; включения компонентов знания в экономические параметры производства товаров и услуг. Можно предположить, что трудности философско-методологического характера в концептуализации трансдисциплинарного знания связаны с попытками понять его, исходя из традиционной системы координат дисциплинарно организованной науки, на что указывают и авторы концепции. В частности, Гиббонс и соавторы в качестве своеобразного императива выдвигают изначальную «полезность» знания, определяющего стратегии решения проблем в согласовании подходов всех заинтересованных акторов и, таким образом, включение в процесс производства социетальных параметров. «Полезность» знания в первую очередь связана с контекстом его приложений, выступающих в качестве как предпосылки исследования, так и возможных приложений в будущем. Прямым следствием становления нового модуса знания является изменение статуса прикладного аспекта, который связан не просто с возможностью его эффективного приложения к практическим нуждам, но, как указывают М. Гиббонс и соавторы, предполагает более широкий контекст, чем только коммерческие интересы и выгоды, поскольку он включает множество интеллектуальных и социальных требований, которые расширяют фундаментальность оснований, по сравнению с прикладными исследованиями дисциплинарной науки<sup>7</sup>.

Ориентация на решение прикладных, по преимуществу практических задач, как правило, в режиме «здесь и сейчас» характеризует феномен биоэтического знания, контекст которого показывает не только какое знание актуально и значимо, но и каковы механизмы его эффективного функционирования. Другими словами, высокоспециализированное знание требует соответствующего уровня понимания и каналов воздействия.

Востребованность практически ориентированного знания маркирует еще одно важное обстоятельство – ограничение монополии науки на производство знания, а также на детерминацию процессов его применения и использования. Переструктурирование взаимоотношений науки и общества, которое в общем виде можно продемонстрировать указанием на включение в процесс его производства социальных, этико-аксиологических, гендерных, экологических и т. п. критериев, связано с расширением его рефлексивности. «При этом эксплицируется связь внутринаучных целей с внеаучными, социальными целями и ценностями»<sup>8</sup>.

Становясь рефлексивным процессом, получение знания в биоэтике приобретает рекурсивный характер и проявляется как фактор отношения к знанию как коммуникативному процессу, рассмотренному в работах современных философов-постмодернистов. Особенность биоэтических подходов в спецификации проблем, которые не могут носить абстрактный характер, а потому любая позиция и любое мнение имеет субъективно-личностные измерения. Последнее положение соотносится с «антропологическим поворотом» постнеклассической науки, утверждениями о рекурсивном характере взаимодействий субъекта коммуникаций с константами жизненного мира. Более того, ценностные установки и универсалии культуры связаны не только с личным опытом и знаниями субъекта, но и являются intersубъективными, поскольку их носитель постоянно интегрирован в континуум социальной коммуникации.

Социальная релевантность знания нового типа и увеличение числа людей, включенных в его производство, меняя способы получения знания, его использования, ведет к трансформации отношений науки и общества. Происходит своеобразная диффузия знания, а его производство становится социально распределенным, в него включаются заказчики и дилетанты. На социальные параметры знания обращают внимание авторы доклада ЮНЕСКО:

«Действительно, складывается впечатление, что мы движемся к более прозрачным нормам управления, подчиняющимся тому, что можно было бы назвать требованием доказательств со стороны общественности. Одним из примеров того, что это требование стало реальностью нашей жизни, служат национальные и международные споры по поводу человеческого эмбриона и проводимых над ним лабораторных исследований. Требование доказательств со стороны общественности означает, что при решении той или иной научной или технической проблемы аргументация всех заинтересованных сторон (государства, научного сообщества, частного сектора, гражданского общества и отдельных граждан) должна включать не только доказательства чисто научного характера, но и соображения, основанные на политических и нравственных принципах, формулируемые в рамках публичного обсуждения и общегражданской дискуссии»<sup>9</sup>.

Второе принципиальное положение, характеризующее рассматриваемый феномен, связано с интеграцией различных видов знания (научного и вненаучного) на разных этапах его производства, в том числе на заключительном. Подобная конвергенция не является междисциплинарным способом совмещения познавательных матриц, как это происходит в дисциплинарной науке. В данном случае речь идет о синтезе в исследовательском проекте необходимых ресурсов, привлечение которых детерминировано перспективами их дальнейшего приложения. Конвергенция различных порядков знания в единой исследовательской перспективе ведет к пересмотру категории ответственности в новом ключе. Ряд авторов называют последнюю одним из базовых принципов получения современного знания. Причем речь идет не только об ответственности за результаты и их последствия, а о включении факторов социальной акцептации в производство знания. Таким образом, верификация интегрального знания в новых условиях дополняется в некотором смысле нетрадиционными критериями, в том числе и этическими измерениями приемлемости знаний и решений, принимаемых на их основе.

Интегральный характер трансдисциплинарного знания во многом обусловлен составом исследовательских групп, объединенных для решения сложных, комплексных проблем. Коллективы подобного рода можно вслед за участниками Штарнбергской группы охарактеризовать как «гибридные сообщества», «...в которых уче-



ные, политики, администраторы, представители промышленности и другие заинтересованные группы непосредственно связываются, чтобы определить проблему, исследовательскую стратегию и найти решения»<sup>10</sup>. В русле той же логики движется мысль авторов «Нового производства знания», которые говорят о «гибридных форумах» – сообществах, образованных дискуссиями социальных акторов, включенных в решение проблемы<sup>11</sup>. «Дискуссии часто ведут к установлению дилемм, связанных с вопросами политики, управления и совокупности других социальных и этических проблем»<sup>12</sup>. Базовой характеристикой их организационной структуры является гетерогенность различных спецификаций коллектива, что создает предпосылки социально распределенной экспертизы.

Биоэтическая экспертиза, направленная на рассмотрение и решение антиномическо-сложных проблем в сфере оказания медико-социальной помощи, во многом выражает специфику трансдисциплинарных способов решения вопросов, которые всё больше начинают определять характер современных дискуссий во многих областях деятельности. В этической экспертизе выражено несколько важных концептуальных характеристик трансдисциплинарного дискурса, связанных с пониманием того, что 1) невозможно найти устраивающую всех моральную доктрину, 2) комплексный характер рассматриваемых проблем предполагает совмещение различных взглядов и подходов в едином проблемном поле, 3) условием совместного рассмотрения является определенный настрой – общее для всех вовлеченных сторон стремление достичь наиболее приемлемого решения. Последний аспект может вызвать противоречивые суждения об обоснованности участия общественности в решении проблем, суть которых сводится к утверждениям, что «человек с улицы» не обладает необходимой компетенцией и знаниями. Однако вопрос заключается не в попытке столкнуть разные мнения, а в том, чтобы способствовать продуктивной дискуссии, разрабатывая средства взаимодействия, в рамках которых возможен конструктивный диалог заинтересованных сторон. «...Главная миссия любого комитета, – отмечено в докладе ЮНЕСКО, – во всех случаях остается прежней: он должен играть роль форума, способствующего обмену идеями и информацией, интересующей широкую общественность, специалистов и лиц, ответственных за принятие решений как на государственном, так и на частнопред-

принимательском уровне»<sup>13</sup>. Не стоит забывать о том, что ученые, привлеченные к работе в составе комитета подобного рода, не перестают быть членами общества, представляющими и сферу «жизненного мира». Рассматривая различные аспекты проблемы жизненного мира в философии, С.Б.Кожевников отмечает: «Жизненный мир – это мир драмы человеческих аффектов и страстей, мир интенсивного проявления парадоксальности человеческой натуры; он пронизан интересами конкретных людей, которые своими словами, мотивами и поступками формируют неповторимый колорит жизненных коллизий»<sup>14</sup>. Архитектура жизненного мира образована множеством оснований, каждое из которых воспроизводит только один срез экзистенциальных реалий, что не позволяет свести его понимание к однозначным и линейным схемам. В области биоэтических дискуссий личностный характер каждой из сторон приобретает особый резонанс в силу специфики проблем, затрагивающих фундаментальные стороны бытия человека. В таком контексте особое значение имеют коммуникативные возможности трансдисциплинарного общения и формирования нового знания, которое рождается как в формальных, так и неформальных каналах коммуникации. «Жизненный мир конституируется и воспроизводится в актах социальной коммуникации, имеющих символическую природу и предполагающих наличие имплицитных соглашений и установок на осуществление продуктивного взаимодействия»<sup>15</sup>. Пространством «общения без обобщения» в биоэтике является дискурс трансдисциплинарности, в котором каждая из позиций, оставаясь в собственных дисциплинарных рамках, в то же время открыта для интеграции<sup>16</sup>. Простой апелляции к научной обоснованности в новых условиях оказывается явно недостаточно: требуется перевода научной терминологии в форму, доступную для публичного обсуждения.

Достижение интересубъективного согласия – одна из ключевых сторон анализируемого Ю.Хабермасом перформативного свойства речи<sup>17</sup>. Он обращается к коммуникативной практике, направленной на взаимопонимание – основной концепт его коммуникативной прагматики. Динамический характер речевого обмена определяет различие минимального, когда все участники понимают значение используемых выражений, и максимального смысла взаимопонимания, который философ связывает со специфическим согла-

сией между участниками – «телосом» процесса взаимопонимания. Последний конституируется предложениями речевого акта и позицией участников и зависит от установленных intersубъективных отношений между ними. Достижение консенсуса указывает на необходимость идентичности языковых значений и на предположение об автономности рационально действующих субъектов. Большое значение мыслитель придает универсалиям, определяющим инварианты речи, подчеркивая в то же время, что понимание в коммуникативном процессе обусловлено дефинициями объективного, а также жизненного мира. Хабермас обосновывает согласие на основе четырех базовых притязаний на значимость: на понятность выражения, на истинность знания, на правдивость намерения и на правильность действия как единственной альтернативы более или менее насильственному воздействию людей друг на друга<sup>18</sup>. Таким образом, цель взаимопонимания – согласие, достигаемое с учетом притязаний intersубъективной общности взаимного понимания и доверия, разделяемого знания, а также нормативного соответствия взаимодействующих сторон.

Формирующаяся в настоящее время теория и практика гуманитарной экспертизы, в которую этическая экспертиза входит как один из вариантов, также представляет собой способ трансдисциплинарного объединения экспертов для выработки взвешенной оценки воздействия разного рода новшеств – промышленных, сельскохозяйственных, социальных технологий – на состояние человеческого потенциала страны<sup>19</sup>. Причем временной горизонт этого влияния не ограничивается краткосрочными перспективами. Необходимость принимать решения в ситуации неопределенности последствий инициирует расширение аналитического горизонта экспертизы, включая в него социальные факторы, таким образом, дополняя знания и выводы экспертов-специалистов гуманитарными измерениями и мнением «рядового обывателя».

Формирование биоэтического дискурса совпадает на Западе с критикой научной рациональности и научного истеблишмента, с осознанием опасностей технократического мышления, понимаемого как «инженерия человеческих душ и тел». Поставив под сомнение этико-аксиологические основания научно-технологического развития, общественные дискуссии актуализировали вопросы дальнейших перспектив практических приложе-

ний научного знания и возможных, но не всегда прогнозируемых рисков. Базовой предпосылкой утверждаемой «стратегии предосторожности» стала установка на интеграцию различных аспектов человеческого бытия, в том числе нравственных, религиозных, эстетических и проч. в трансдисциплинарную программу глобальной биоэтики. Установка на подобный характер биоэтического дискурса связана в первую очередь с именем основателя. В.Р.Поттер – американский онколог, которому принадлежит введение в широкий научный и философский контекст понятие «биоэтика», постепенно пришел к идее глобальной теории. Его вклад в формирование метатеоретических установок биоэтики можно назвать решающим. Основываясь на представлении о синкретическом характере современного знания, Поттер первоначально обосновывает программу согласования разрозненных подходов – гуманитарного и естественнонаучного – в единую концепцию, направленную на решение основной задачи – выживание человечества. Вторым этапом стала концепция биоэтики как всеохватывающей и всеобъемлющей этики, цель которой – приемлемое выживание человечества<sup>20</sup>. Дальнейшее развитие идея глобальной биоэтики получила благодаря влиянию ряда американских исследователей, разрабатывавших идеи глубинной биоэтики. Суть её заключается в необходимости синтезировать идеи эволюционизма, религиозного экуменизма, моральной философии и практические усилия по выживанию для формирования соответствующих моделей, которые были бы совместимы с «устойчивой биосферой» в третьем тысячелетии<sup>21</sup>. В системе принципов «глубинной и глобальной биоэтики» четко выражен социальный элемент, который определяет такие приоритеты общественного развития, как здоровье, образование и трудовую деятельность.

Симптоматично, что осмысление возможностей трансдисциплинарного подхода в рассмотрении сложных современных проблем часто представлено авторами как сопоставление опыта подобных исследований в различных сферах реальной практики: образования и здравоохранения, сельского хозяйства и промышленности. В частности, С.Бенатар, отмечая трансдисциплинарный характер биоэтики, констатирует, что усилия, направленные на интеграцию знания, принесли значительные успехи как в сфере

профессионального медицинского образования, так и в области практической медицины. Это позволило не только усилить внимание к этическим проблемам, возникающим в сфере оказания медицинской помощи, но и разрушить «культуру молчания» в ней и, следовательно, улучшить взаимоотношения между врачами и пациентами. Обращение к гуманитарным наукам, отмечает автор, «внесло существенный вклад в развитие представлений о человеческой природе, в расширение “путей познания” жизни, болезней, и, в частности, улучшение навыков коммуникации внутри- и межкультурного взаимодействия»<sup>22</sup>.

Рассуждая в том же русле, С.Бенатар указывает на необходимость сбалансированного участия представителей различных сторон, вовлеченных в принятие решения. Он делает акцент на том, что совместная работа философов и политологов может вести к игнорированию теологической и социологической перспектив проблемы. Другой пример сложностей возникает в практике, когда врачи ограничиваются только клиническими проблемами<sup>23</sup>.

Осмысление перспектив развития трансдисциплинарных стратегий в решении комплексных проблем и, в частности, ресурса его дальнейших аппликаций в биоэтическом дискурсе связано с расширением интереса к трансдисциплинарным исследованиям, тенденциями интеграции научного и внеаучного знания, включением параметров проблемной ориентации и социальной релевантности в организацию исследований.

Перспективным вектором развития трансдисциплинарности, с точки зрения Б.Николеску, является исследование комплекса проблем, касающихся здоровья человека<sup>24</sup>. Множественность исторических парадигм врачевания, традиций медицинской практики и теоретических подходов к патогенезу инициирует дополнение уже устоявшегося системного уровня исследования трансдисциплинарным. Открывая новые горизонты познания человека, новейшие достижения биомедицины тем не менее мало продвинулись на пути становления интегративных моделей. Подобного рода исследования, как правило, связаны с соответствующими задачами, например, успешный опыт в Институте исследований здоровья Канады (IRSC) в Квебеке, о котором неоднократно упоминает Николеску, намечая перспективы приложения трансдисциплинарной парадигмы к исследованию проблем здоровья.

Логическим продолжением аппликации комплексной методологии в изучении человека и его здоровья должно стать, по мнению Б.Николеску, решение проблем сознания, что определено многоуровневой организацией мозга и разума. «Я лично убежден, – отмечает ученый, – сознание – последний рубеж науки и философии в XXI в., и трансдисциплинарность может внести большой вклад в продвижении наук о сознании»<sup>25</sup>.

Сопоставительный анализ биоэтики и трансдисциплинарности позволяет оценить эвристический потенциал стратегий синтеза дисциплинарного знания со сферой жизненного мира, подойти к обоснованию феномена трансдисциплинарности, раскрыть контекстную зависимость и проблемную ориентированность современного знания. Это определяет дальнейшие перспективы осмысления биоэтики как нового типа знания, соответствующего производству в «режиме 2», ориентированного на коммуникативную онтологию, позволяющую согласовать познавательные и ценностно-смысловые установки участников коммуникации. В биоэтике междисциплинарные стратегии дополняются возможностями привлечения социальных и культурных регулятивов, ценностных измерений и гуманитарной экспертизы, таким образом, обеспечивая взаимодействие эвристического потенциала науки и знания за её границами.

### Примечания

- <sup>1</sup> *Nicolescu B.* The Relationship between Complex Thinking and Transdisciplinarity. Mode of access: [http://basarab.nicolescu.perso.sfr.fr/ciret/ARTICLES/Nicolescu\\_fichiers/MSH15062009.htm#\\_ftn1](http://basarab.nicolescu.perso.sfr.fr/ciret/ARTICLES/Nicolescu_fichiers/MSH15062009.htm#_ftn1)
- <sup>2</sup> *Pohl C., Hirsch Hadorn G.* Principles for Designing Transdisciplinary Research – proposed by the Swiss Academies of Arts and Sciences. München, 2007. P. 22.
- <sup>3</sup> *Ibid.* P. 20–22.
- <sup>4</sup> *Киященко Л.П.* Постнеклассическая философия – опыт трансдисциплинарности // Постнеклассика: философия, наука, культура. М., 2009. С. 146. См. также: *Киященко Л.П., Моисеев В.В.* Философия трансдисциплинарности. М., 2009.
- <sup>5</sup> *Мокий В.С.* Основы трансдисциплинарности. Нальчик, 2009. С. 47.
- <sup>6</sup> Там же.
- <sup>7</sup> *Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M.* The new production of knowledge: The dynamics of science and research in contemporary societies. L., 2008. P. 4.
- <sup>8</sup> *Стётин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000. С. 712.

- <sup>9</sup> К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. 2005. С. 126.
- <sup>10</sup> *Вайнгарт П.* Отношения между наукой и техникой: Социологическое объяснение // *Философия науки в ФРГ*. М., 1989. С. 138.
- <sup>11</sup> *Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M.* Op. cit. P. 67.
- <sup>12</sup> Ibid.
- <sup>13</sup> К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. 2005. С. 129.
- <sup>14</sup> *Кожевников С.Б.* Эвристические горизонты концепции жизненного мира // *Вопр. философии*. 2008. № 11. С. 138.
- <sup>15</sup> Там же.
- <sup>16</sup> *Киященко Л.П.* Опыт философии трансдисциплинарности (казус «биоэтика») // *Вопр. философии*. 2005. № 8. С. 105–117.
- <sup>17</sup> *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 42.
- <sup>18</sup> Там же. С. 33.
- <sup>19</sup> *Юдин Б.Г.* От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Режим доступа: [http://www.zpu-journal.ru/gumtech/expert\\_exam/articles/2007/Yudin/index.php?phrase\\_id=403083](http://www.zpu-journal.ru/gumtech/expert_exam/articles/2007/Yudin/index.php?phrase_id=403083)
- <sup>20</sup> *Potter V.R.* Global bioethics. Bilding on the Leopold Legacy. Michigan, 1998.
- <sup>21</sup> *Potter V.R., Whitehouse P.J.* Deep and global bioethics for a livable third Millennium // *Scientist*. 1998. January 5. P. 9.
- <sup>22</sup> *Transdisciplinarity: Recreating Integrated Knowledge.* McGill-Queen's Univ. Press. 2002. P. 235.
- <sup>23</sup> Ibid.
- <sup>24</sup> *Nicolescu B.* Transdisciplinarity-past, present and future. Mode of access: <http://www.scribd.com/doc/17676820/Basarab-Nicolescu-TRANSDISCIPLINARITY-PAST-PRESENT-AND-FUTURE>
- <sup>25</sup> Ibid.

В.И. Моисеев

## Интервальный подход и гуманитарная экспертиза

В ряде своих исследований<sup>1</sup> я развивал тему биоэтической рациональности как существенно антиномической структуры, используя такие концепты? как «биоэты», «глоболоки» и «антиномы». В этой работе я хотел бы продолжить данную тему, приложив ее к проблеме социогуманитарной экспертизы биотехнологических проектов.

В общем случае в культуре могут существовать разного рода антиномические сущности, которые я буду называть «*антиномами*». Тема антиномов тесно связана с идеей *антиномий* – некоторых особых видов противоречий, которые не просто являются ошибками, но выступают парадоксальными и противоречивыми средствами представления глубоких истин. Тема антиномов давно развивалась в так называемой диалектической логике, где антиномии назывались также «диалектическими противоречиями». Здесь может быть принята следующая трактовка соотношения антиномов и антиномий. Антиномы – это противоречивые образования культуры, т. е. некоторые комплексные сущности онтологий культуры, объемлющие в себе пространства внешнего и внутреннего мира. Антиномии – это выражения антиномов в языке. В ряде своих работ<sup>2</sup> я указывал на одну важную, как представляется, проблему – установления *критерия логической демаркации*, который бы позволил отличить друг от друга противоречия-ошибки и антиномии. Только в рамках своей логической формы и формально-логические противоречия, и антиномии выглядят как противоречивые суждения «А и не А», где А – некоторое суждение, не А – его отрицание. Если мы не будем использовать



определенную формулировку критерия логической демаркации, мы не сможем отличить противоречия-ошибки от антиномий и рискуем сделать свой дискурс произвольным, не гарантированным от ошибок<sup>3</sup>. В связи с этим тема антиномов ставит проблему своего языкового выражения в форме антиномий, а последние еще ранее апеллируют к теме критерия логической демаркации. Поэтому ниже я в первую очередь уделю внимание возможной формулировке названного критерия.

Рассмотрим для примера некоторое противоречие, которое возникает в биоэтическом дискурсе в связи с его антиномическим характером. Для этого достаточно взять любую проблему биоэтики и обнаружить там две противоположные тенденции, утверждающие по некоторому предмету прямо противоположные суждения. Например, рассмотрим такую классическую проблему биоэтики, как статус человеческого эмбриона. Она связана с тем, считать ли человеческий эмбрион на ранних стадиях развития человеком или нет, что повлечет за собой соответствующее решение проблемы аборта. Если эмбрион человека можно рассматривать как человека, то аборт окажется убийством. Если же эмбрион – не человек, то аборт мог бы быть вполне допустим. Первую точку зрения защищают сторонники так называемой *консервативной* позиции, например, разного рода представители религиозных традиций. Вторая точка зрения ассоциируется с так называемым *либеральным* направлением, которое больше связано с наукой и светскими традициями культуры. Конечно, здесь следует уточнить, что даже консерваторы не утверждают, что эмбрион человека есть актуально тот же самый человек, который разовьется позднее из него. Речь идет о некотором *подобии* эмбриона полноценному человеку, которое бы позволяло перенести на эмбрион норму запрета убийства. Подобный статус эмбриона я буду для краткости в этом тексте обозначать термином «*как-человек*». Если эмбрион является как-человеком, то это означает, что аборт должен рассматриваться как убийство. И наоборот, возможность аборта будет означать, что эмбрион трактуется не как-человек.

Пусть А – суждение «эмбрион человека есть как-человек». Тогда его отрицание, не А – это суждение «неверно, что эмбрион человека есть как-человек» или «эмбрион человека не есть как-человек». Полная биоэтическая ситуация в этой сфере, представ-

ленная и либеральными, и консервативными подходами, может быть выражена как противоречие «А и не А». Суждение А отстаивают консерваторы, суждение не А – либералы.

Как уже упоминалось, в ряде своих работ я рассматривал концепцию *биоэтов* – таких антиномических сущностей, которые могут быть редуцированы к своим непротиворечивым представлениям (*редуктам*) в некоторых *интервалах* – определенных системах условий. У биоэтов есть два основных класса редуков – *биоредукуты*, которые выражают более биологическую сторону биоэта, обычно связанную с либеральными позициями в биоэтике, и *эторедукуты*, представляющие более этическую составляющую биоэта, обычно выражаемую представителями разного рода консервативных позиций в биоэтике. За редуками стоят основания их редуций – системы условий, в рамках которых биоэт может быть отождествлен со своим редуком. Такие системы условий были названы *интервалами* в связи с идеями *интервального подхода* (см. ниже). Интервалы биоредуков можно было бы называть *биоинтервалами*, интервалы эторедуков – *этоинтервалами*.

Человеческий эмбрион – один из биоэтов, который представляет собой случай биоэта-объекта (в общем случае биоэты могут быть объектами, состояниями, деяниями и т. д.). Его антиномическая природа может быть выражена в противоречии «А и не А», рассмотренном выше.

Но как определить, что противоречие «А и не А» в данном случае является не просто противоречием-ошибкой, но антиномией? Вот здесь и возникает перед нами проблема критерия логической демаркации.

Давайте посмотрим, как происходит образование редуков из биоэта, и попробуем вывести отсюда некоторые следствия для формулировки критерия логической демаркации. Поскольку мы сталкиваемся с логической проблемой в его формулировке, то нам нужны некоторые более строгие средства для решения указанной проблемы. Такими логическими средствами могут выступить конструкции построенной мной новой аксиоматической системы, которая называется *Проективно модальная онтология* (ПМО)<sup>4</sup>. Здесь используются два оператора, обозначаемые стрелочками, направленными вниз (↓) и вверх (↑). Первый оператор ↓ называется *проектором*, второй оператор ↑ *сюръектором*. Действие их выра-

жается в следующем. Предполагается, что существуют некоторые *источники свойств* и проявлений  $X$ . Такие источники могут проявлять себя в некоторых *условиях*  $C$ , выступая как свои *проявления-в-этих-условиях*, что обозначается символом  $X \downarrow C$  – « $X$ -при-условии- $C$ ». Оператор  $\downarrow$  действует здесь как оператор «взятия при условии», когда некоторое более многомерное состояние берется в рамках каких-либо ограничивающих условий и проявляет себя в них некоторым своим более ограниченным аспектом. Допустим, человек во всем богатстве своих свойств никогда не проявляет себя полностью в какой-то конкретной ситуации. В одном случае, например, на работе человек проявляет себя с одной стороны, в другой ситуации (допустим, дома) – с другой и т. д. Такие стороны источника  $X$  определяются условиями  $C$  и проектором  $\downarrow$  и могут быть записаны в виде  $X \downarrow C$ . Оператор  $\uparrow$  является обратным для  $\downarrow$ : если проектор  $\downarrow$  сопоставляет большему меньшее (источнику – его проявление), то сюръектор  $\uparrow$ , наоборот, поднимает меньшее до большего, т. е. сопоставляет аспекту  $X \downarrow C$  сам источник  $X$ . В этом восходящем движении используются некоторые *расширяющие условия*  $E$ , которые «доопределяют» аспект до его полноты. В этом случае можем записать:  $(X \downarrow C) \uparrow E = X$ . Многомерность источника  $X$  и ограниченность его аспекта  $X \downarrow C$  выражается отношением не-строгого порядка, для которого можно использовать символ обычного числового порядка «меньше или равно»  $\leq$ . Тогда можем записать:  $X \downarrow C \leq X$  – аспект  $X$  не больше  $X$ .

Такова та минимальная система смыслов, которая связана с идеями операторов  $\downarrow$  и  $\uparrow$ . Средствами этих операторов удобно выражать описанные выше отношения между биоэтами и их редуцтами.

Как уже упоминалось, основной принцип решения проблемы биоэтов связан с выделением интервалов и рассмотрением в этих интервалах редуцтов биоэта. Например, в случае рассмотренного выше примера человеческого эмбриона как биоэта выделяются два основных интервала – био- и этоинтервал. Они представлены временными периодами развития эмбриона. Биоинтервал – это тот начальный период, в течение которого эмбрион с высокой степенью достоверности можно характеризовать как преимущественно биологический объект, часть организма матери, который еще не является как-человеком. Наоборот, этоинтервал – более поздняя стадия развития, лежащая после биоинтервала, когда эмбрион уже можно

характеризовать как-человека. Главная и самая трудная проблема биоэтики в этом вопросе – определение того момента времени  $T$ , который разделяет био- и этоинтервал. Согласно комиссии по изучению репродуктивной функции человека и эмбриологии (утверждена правительством Великобритании в 1982 г.), включавшей в себя 12 экспертов во главе с философом Мери Уарнок (Warnock), момент  $T$  – это время в 2 недели, когда начинает формироваться первичная хорда и происходит имплантация эмбриона в матку. В рамках принятого в России законодательства (статья 36 «Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан», которая называется «Искусственное прерывание беременности»), как известно, таким моментом считается время в 12 недель. Нас сейчас не интересуют детали. Главное, как мы видим, состоит в том, что проблема биоэта решается в данном случае проведением той или иной демаркационной границы между био- и этоинтервалами.

Теперь попытаемся выразить данное решение средствами описанных операторов. Пусть  $\mathcal{E}$  – эмбрион человека, охватывающий весь период своего развития от зачатия до рождения. Рассмотрим эмбрион  $\mathcal{E}$  как источник свойств, который может проявлять себя разными своими аспектами в разных условиях, в частности в био- и этоинтервалах. Обозначим биоинтервал через  $b$ , этоинтервал через  $e$ . В биоинтервале эмбрион  $\mathcal{E}$  проявляет себя биоредуктом, в качестве которого выступает такое состояние эмбриона, когда его еще нельзя характеризовать как-человека. Обозначим такой биоредукт эмбриона через  $B$ . Наоборот, после момента времени  $T$ , то есть в рамках этоинтервала, эмбрион начинает проявлять себя как эторедукт, т. е. как такое состояние более сильного человеко-бытия, которое уже может быть охарактеризовано в виде как-человека. Обозначим эторедукт через  $\mathcal{E}t$ . В итоге мы имеем здесь яркий пример описанной выше схемы с источниками свойств, ограничивающими условиями и проявлениями источников в этих условиях. В этом случае мы могли бы записать следующие соотношения:

$B = \mathcal{E} \downarrow b$  – биоредукт  $B$  человеческого эмбриона  $\mathcal{E}$  есть аспект эмбриона при условии биоинтервала  $b$ ,

$\mathcal{E}t = \mathcal{E} \downarrow e$  – эторедукт  $\mathcal{E}t$  человеческого эмбриона  $\mathcal{E}$  есть аспект эмбриона при условии этоинтервала  $e$ .

Отсюда видно, что переход к редуктам биоэта есть переход от источника  $\mathcal{E}$  к его условным аспектам  $\mathcal{E} \downarrow b$  и  $\mathcal{E} \downarrow e$ .

Подобное наблюдение позволит нам более четко сформулировать критерий логической демаркации.

Пусть Ч – свойство «быть как-человеком». В этом случае противоречие «А и не А», которым мы описывали антиномию статуса человеческого эмбриона, может быть выражено в следующем виде:

(1) Ч(Э) и неЧ(Э) – «эмбрион есть как-человек и эмбрион не есть как-человек».

Таково противоречие, связанное со статусом человеческого эмбриона. Переход от биоэта к его редукам позволяет нам в данном случае наметить пути преодоления этого противоречия.

В самом деле, при более тонком анализе мы видим, что у сторонников и либеральной, и консервативной позиции есть, как говорится, своя правда. Утверждение, что эмбрион не является как-человеком, является верным не вообще для эмбриона Э, но лишь для его более ранней стадии, т. е. для биоредукта  $\mathcal{E}\downarrow b$ . Аналогично утверждение консерваторов, что эмбрион является как-человеком, оказывается верным также не для всего эмбриона-биоэта Э, но лишь для его эторедукта  $\mathcal{E}\downarrow e$ . Подставляя на место Э в противоречии (1) редука  $\mathcal{E}\downarrow e$  и  $\mathcal{E}\downarrow b$  соответственно, мы избавляемся от противоречия и приходим к непротиворечивому суждению:

(2) Ч( $\mathcal{E}\downarrow e$ ) и неЧ( $\mathcal{E}\downarrow b$ ) – «эторедукт эмбриона есть как-человек и биоредукт эмбриона не есть как-человек».

Такое суждение (2) я буду называть *разрешением* противоречия (1). Процесс перехода от противоречия (1) к непротиворечивому суждению (2) можно называть *процедурой разрешения* противоречия.

Процесс перехода от одного логического субъекта Э к его условным аспектам  $\mathcal{E}\downarrow e$  и  $\mathcal{E}\downarrow b$  в *процедуре разрешения* противоречия я буду называть *процессом дифференциации логического субъекта*.

В более общем случае противоречие вида «А и не А» может разрешаться, по-видимому, не только за счет дифференциации субъекта, но и путем *дифференциации предиката*, когда, например, суждение А имеет вид Р(Х), где Х – логический субъект, Р – предикат, и от противоречия «Р(Х) и неР(Х)» мы могли бы перейти к непротиворечивому суждению

« $P\downarrow c_1(X\downarrow C_1)$  и не $P\downarrow c_2(X\downarrow C_2)$ »,

где могут дифференцироваться и логический субъект  $X$ , и предикат  $P$ .

Наконец, в самом общем случае процедура разрешения, по видимому, имеет следующий вид:

$$(3) A \text{ и не } A \rightarrow A \downarrow C \text{ и не } A \downarrow C^*,$$

когда происходит дифференциация *суждения*  $A$  («тезиса» антиномии) в одном интервале  $C$  и *суждения* не  $A$  («антитезиса») в другом интервале  $C^*$ . Дифференциации субъекта и предиката оказываются в этой схеме частными случаями общей процедуры разрешения (3).

Теперь мы можем дать следующую формулировку критерия логической демаркации (КЛД).

(КЛД) Противоречие « $A$  и не  $A$ » является антиномией, если только оно имеет процедуру разрешения (3).

Механизм разрешения (3) можно называть *механизмом разрешения через условную дифференциацию* или *механизмом соединяюще-дифференцирующего разрешения*.

Для формально-логических противоречий (противоречий-ошибок) также может быть указана своеобразная процедура разрешения, но она отлична от процедуры (3). Противоречие-ошибка « $A$  и не  $A$ » разрешается таким образом: 1) происходит *расщепление* суждения « $A$  и не  $A$ » на тезис  $A$  и антитезис не  $A$ , т. е. идет переход к  $\{A, \text{не } A\}$ , 2) затем из двух суждений  $A$ , не  $A$  остается какое-то одно  $A^*$ , а другое *элиминируется*. Таким образом, имеем в данном случае следующий переход:

$$(4) A \text{ и не } A \rightarrow \{A, \text{не } A\} \rightarrow A^*,$$

где  $A^*$  – это либо  $A$ , либо не  $A$ .

Такой механизм разрешения можно называть *механизмом расщепляюще-элиминативного разрешения*.

Значит ли это, что, переходя к разрешению в процедуре (3), мы должны вообще отказаться от противоречия и ограничиться лишь его непротиворечивыми разрешениями? Как представляется, антиномии должны удерживаться не только как свои непротиворечивые разрешения, но и как сами противоречия. Разум имеет дело в этом случае как бы со всей смысловой парой (противоречие, его разрешение<sup>5</sup>), которая также может быть названа «антиномией». Чтобы не было путаницы, будем *1-антиномиями* называть противоречия, имеющие разрешающую процедуру (3). С другой стороны, назовем

2-антиномией всю смысловую пару (противоречие, его разрешение в процедуре (3)). В этом случае в составе 2-антиномий противоречия как 1-антиномии не отбрасываются, но продолжают существовать в рамках своего рода антиномических лакун культуры. Так обеспечивается антиномический дискурс биоэтики, так же, по-видимому, он мог бы существовать и в других антиномических социокультурных дискурсах: в философии, религии, мифологии и т. д.

Описанные структуры антиномического дискурса могут быть представлены в терминах интервального подхода, и выше уже были использованы понятия интервалов.

Интервальный подход – оригинальное направление отечественной философии, основателями которого являются два философа – Феликс Васильевич Лазарев и Михаил Михайлович Новоселов. Их первая совместная статья была написана в 1960 г. специально для журнала «Вопросы философии» и в то время, к сожалению, не была опубликована. Оба они начинали с логико-методологического представления интервального подхода, но позднее Ф.В.Лазарев эволюционировал в сторону онтологического<sup>6</sup> и антропологического<sup>7</sup> представления идей интервального подхода, в то время как М.М.Новоселов на протяжении своей творческой эволюции остался приверженцем более логического представления и развития идей интервальности<sup>8</sup>.

В общем случае интервальный подход можно понимать как методологию определения границ тех или иных понятий или состояний. В его рамках предполагается, что каждая сущность имеет свой интервал бытия или определения, только в рамках которого эта сущность такова. Например, каждая абстракция обладает своим интервалом абстракции – такой системой условий, только в рамках которых данная абстракция имеет смысл, является адекватной для выражения природы объекта, а за пределами своего интервала абстракция оказывается неадекватной.

Идеи интервального подхода также удобно выражать средствами ПМО<sup>9</sup>. В этом случае имеется некоторый реальный объект  $O$  как источник свойств и его абстракция  $Ab$  как аспект данного объекта со своим интервалом  $I$ . Используя проектор  $\downarrow$ , мы могли бы предполагать, что абстракция выступает аспектом объекта в рамках своего интервала:

$$Ab = O \downarrow I.$$



Таким образом, абстракция представляется в данном случае как *условное бытие* объекта в данном интервале. Вот почему она адекватна объекту в рамках своего интервала и теряет адекватность за его пределами.

Таким образом, идеи интервального подхода тесно связаны с конструкциями антиномов, их редуктов и интервалов. С точки зрения интервального подхода, в антиномических дискурсах, например, в биоэтическом, стоит задача определения интервалов разного рода редуктов антиномов, критериев демаркации, очерчивающих границы интервалов, и т. д.

Наконец, как представляется, описанная выше методология разрешения антиномий и редукции антиномов могла бы стать важной методологической составляющей системы социогуманитарной экспертизы. В общем случае гуманитарная экспертиза могла бы пониматься как достаточно сложная система оценки и прогнозирования различных гуманитарных рисков высокотехнологических проектов. Здесь неизбежно столкновение подходов и альтернатив, которые могут быть представлены как тезисы и антитезисы разного рода 1-антиномий. Если позиция каждой группы интересов будет иметь определенное обоснование, то, следовательно, мы уже имеем дело не с формально-логическим противоречием, где должна остаться только одна альтернатива в процедуре разрешения (4), но здесь налицо 1-антиномия и весь описанный выше механизм ее разрешения (3). Более того, можно предполагать, что с каждой 1-антиномией связан и свой антином, для которого ее разрешение, согласно механизму (3), будет согласовано с процедурой образования редуктов антинома в разного рода интервалах. В этом случае важнейшим условием профессионального проведения гуманитарной экспертизы окажется знание и освоение экспертами указанной методологии интервального подхода, разрешения антиномий и редукции антиномов. Это позволит с самого начала направить экспертные и внешние<sup>10</sup> дискуссии в более конструктивное русло соединяюще-дифференцирующего, а не расщепляюще-элиминативного разрешения тезисов и антитезисов антиномий. Главной и наиболее сложной задачей в этом случае – после первоначального проявления всех полярных сил экспертного дискурса – окажется методология определения границ редуктивных интервалов антино-



мов, если к тому же иметь в виду, что эти границы подвижны и могут зависеть от разного рода определяющих факторов в различных ситуациях.

Для создания теоретической основы социогуманитарной экспертизы нам кажется важным также использование некоторых достаточно глобальных «карт реальности», в рамках которых можно было бы более или менее адекватно выражать комплексную природу человека, общества и культуры. Дело в том, что социогуманитарная экспертиза высокотехнологических проектов (нано-, био-, инфопроектов и т. д.) неизбежно вынуждена будет отталкиваться от некоторого представления о норме человека, общества и культуры. В самом деле, оценка рисков разного рода проектов выражает идею возможных патологий человеческой природы, общества и культуры. Но идея патологии не имеет смысла без идеи нормы, поскольку первая есть отклонение от второй. В этом случае важной предпосылкой проведения любой гуманитарной экспертизы окажется то или иное представление о *гуманитарной норме*. Если такого рода представления не эксплицировать, экспертиза грозит превратиться в нерационализируемую бессознательную деятельность, в основе которой в конечном итоге лежат некие неявные постулаты. Хорошо, если такие постулаты выражают нечто подлинное, но в общем случае экспертиза проектов должна будет органично сочетаться с самооценкой, в частности, с экспертизой своих представлений о гуманитарной норме. С этой точки зрения институт гуманитарной экспертизы крайне нуждается в комплексных моделях человека, общества и культуры, которые бы позволяли проводить методологию *открытой рациональности* более, в которой открыты друг на друга уровни теоретического и эмпирического знания, существует открытость уже существующего знания на будущее инвариантное знание<sup>11</sup>, научный дискурс открыт на другие сферы жизненного мира и т. д.

С точки зрения подобной открытой и достаточно многомерной рациональности, способной формулировать принципы гуманитарной нормы, нам кажется перспективным так называемый «*интегральный подход*» (*integral approach*) американского философа и психолога Кеннета Уилбера (Kennet Wilber). Ниже я вкратце сформулирую основные положения этого подхода и постараюсь показать возможные стратегии формулировки гуманитарной нормы в его рамках.

В интегральном подходе Уилбера развиваются идеи синтеза, утверждается философия холизма, подчеркивается антиномизм высших аспектов бытия и учитываются разного рода возможные и существующие патологии развития. Бытие рассматривается Уилбером как живой, творчески развивающийся Космос, состоящий из мириад отдельных целостностей – *холонов*, которые все вместе образуют сложнейшую мировую иерархию (*холархию*). Каждый из них объединяет в себе свои элементы, холоны нижележащего уровня, и входит как часть в состав более высоких холонов. Например, атомы входят в молекулы, молекулы в клетки, клетки – в ткани и т. д. Все холоны имеют внешнюю и внутреннюю сторону (внутренний мир) и находятся в развитии. Развивается и внутренний мир холонов, поднимаясь до уровня сознания человека и выше, и внешние тела холонов, становясь все более сложными и развитыми.

Особенное внимание в своей философии Уилбер уделяет природе и эволюции человека как одного из холонов космической холархии. Холон человека он называет также *самостью* (self). Далее я более подробно остановлюсь на принципах интегрального подхода в связи с организацией и эволюцией человеческой самости.

В общем случае Уилбер выделяет шесть основных измерений развития самости. Это:

вертикальные уровни развития,  
горизонтальные секторы,  
потоки (линии) развития самости,  
состояния,  
типы самости,  
тьень.

Ниже я вкратце коснусь каждого из этих измерений.

Во-первых, человеческая самость развивается, поднимаясь по все более высоким (вертикальным) *уровням* развития. Все их можно разделить на несколько классов. Это в первую очередь доперсональные, персональные и трансперсональные уровни. На *доперсональных* уровнях еще нет выделения человеческой индивидуальности из объемлющих ее целых – социума и природы. Здесь человек как бы растворен в своих целых и еще не обрел самостоятельности. На *персональных* уровнях происходит выделение человека, возникновение его как индивидуального существа и последую-

ющее расширение его сознания, когда он начинает отождествлять себя с сознанием все больших групп – семьи, нации, народа, человечества в целом. На последних стадиях персональных уровней возникает менее экстенсивное развитие, когда человек, отождествив себя с общечеловеческими ценностями, движется от более жестких к более гибким образам целого. Но на всех персональных уровнях человек продолжает жить в мире, который строится его пятью органами чувств и изменяется активностью его индивидуального тела. На *трансперсональных* уровнях человек открывает новые области реальности, лежащие за границами пяти органов чувств, достигая здесь все более интегрального опыта, вплоть до высших состояний сознания, описываемых во всех великих духовных традициях.

Если человек достигает некоторого уровня в своем развитии, то он затем продолжает устойчиво оставаться на нем. Более высокий уровень в идеале включает в себя предыдущий, добавляя к нему нечто новое, но в реальном развитии могут возникать разные патологии, когда, например, гармоничного включения предыдущего в последующее не происходит и возникает более фрагментарное состояние. В конечном итоге уровень характеризуется числом перспектив, которые человек в состоянии принимать на себя, рассматривая то или иное событие с разных сторон. Чем выше уровень, тем большее число перспектив человеческая самость способна удерживать при комплексном рассмотрении каждого события. Например, на ранних стадиях развития ребенок знает только свое «я» и не способен встать на точку зрения другого – у него мало перспектив. С возникновением группоцентрического сознания появляется способность встать на точку зрения другого человека, и число перспектив рассмотрения событий возрастает, поэтому этот уровень оказывается более развитым, более интегральным.

Во-вторых, человеческая самость выражает себя в *горизонтальных секторах*. Уилбер выделяет 4 сектора, образуемых перемножением свойств «внутреннее – внешнее» и «индивидуальное – коллективное». В итоге возникают следующие горизонтальные секторы:

*Верхний левый* – сектор индивидуального внутреннего развития. Он символизируется местоимением первого лица единственного числа «я». Это сфера внутреннего мира индивидуального человека.

*Верхний правый* сектор – область индивидуальной внешности, под чем Уилбер имеет в виду человеческое тело, его структуру и функции в своем материальном выражении. Этот сектор символизируется указательным местоимением единственного числа «это».

*Нижний левый* сектор – сфера коллективного внутреннего мира, которая символизируется местоимением первого лица множественного числа «мы». Это область коллективного внутреннего мира, сфера культуры.

*Нижний правый* сектор – область коллективной внешности, под чем Уилбер понимает систему отношений человеческих тел в социальных процессах (социум). Этот сектор символизируется указательным местоимением множественного числа «эти» (см. рис. 1).

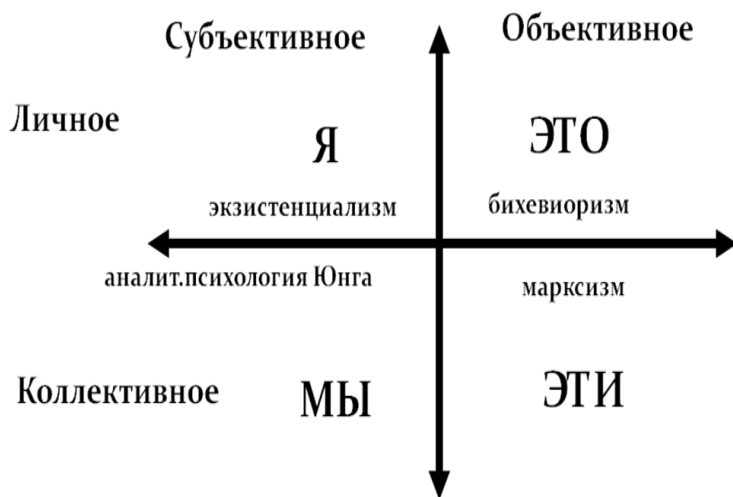


Рис. 1

Все области нашей жизни попадают в тот или иной сектор или несколько секторов. Например, разные философские системы в большей мере тяготеют к тому или иному сектору (см. рис.1). Искусство в большей степени предполагает индивидуальное творчество, что соответствует верхнему левому сектору. Наука строится в гораздо более объективированной манере, рассматривая мир как

систему безличных сущностей. Это соответствует правым секторам. Мораль предполагает коллективный внутренний мир, сферу «мы», т. е. левый нижний сектор и т. д.

Третье измерение человека – это разного рода *линии* или *потоки* развития. Они как бы дополняют идею секторов, вводя другие сферы человеческого бытия, способные развиваться по вертикальным уровням. Это, например, область интеллекта, эмоций, межличностных отношений, сексуальности и т. д. Человек может развиваться по многим линиям, занимая более высокие позиции по одним и более низкие по другим, в целом выражая пеструю картину своего развития.

Четвертый фактор интегрального подхода – так называемые *состояния*. Это любые преходящие состояния человеческой самости, которые приходят, некоторое время существуют и затем уходят. Таковы, например, состояния сна, разного рода пиковые переживания, когда на некоторое время человек прикасается к более высоким уровням развития, которых он еще устойчиво не достиг, и т. д.

Пятое измерение развития – это *типы*. Человек может быть разным, в зависимости не только от уровней развития, секторов, линий или состояний, но он еще может быть мужчиной или женщиной, холериком или сангвиником, экстравертом или интравертом и т. д. Такое различие определяется типом человека, и существует множество разных типологий, в каждой из которых он может занимать определенную позицию.

Наконец, важную роль играют также отношения личности со своей *тенью*. Тень (*shadow*) понимается здесь в согласии с психоаналитической традицией, где означает все отрицательные качества и образы личности, вытесненные в бессознательное. Процесс вытеснения протекает в направлении все большего обезличивания этих сфер личностного опыта – в движении от «я» к «ты» и «оно». Западные традиции психологии подчеркивают важность работы с тенью по ее реинтеграции в состав полного бытия личности, что должно совершаться в обратной последовательности – от лица «оно» через «ты» к «я», например, через осознание вытесненных комплексов в методе психоанализа.

Переменная градация всех шести измерений, мы получаем огромное многообразие – своего рода *пространство развития человеческой самости*. Далее я буду называть это многообразие

*интегральным профилем.* По каждому из шести измерений человек может двигаться относительно независимо, комбинируя их между собой. Например, в каждом горизонтальном секторе человек может находиться на разных вертикальных уровнях развития и т. д.

В идеале человек тем более развит, чем более высоких уровней он достигает, чем в большем числе горизонтальных секторов протекает его жизнь, чем по большему числу потоков и все более он развит, чем более высокие пиковые переживания он имеет и чем более ему удастся интегрировать в себе различные типологические характеристики и свои теневые стороны.

Описанную модель и методологию интегрального развития Уилбер называет *моделью AQAL* – All Quadrants, All Levels (Все сектора, все уровни).

Шестимерная модель развития человеческой самости позволяет для каждого направления или теории сразу же определить ее координаты в указанной системе и увидеть ее сильные и слабые стороны. Приведем здесь некоторые примеры.

Современная наука, как уже отмечалось, развивает определения только правых секторов, отвергая существование внутреннего мира человека и других живых существ. В этом ее слабость, и можно предполагать, что наука будущего должна будет распространить свои определения и на левые сектора, т. е. на области индивидуального и коллективного внутреннего мира человека. Сегодня этот процесс уже активно протекает в разного рода гуманитарных науках.

Многие беды современного мира, например, тоталитарные режимы XX в., **терроризм, национализм** и т. д., **связаны с преобладанием** у людей группочентрического сознания, когда они отождествляют себя с сознанием одной группы (нации, класса, религиозной конфессии) и всех остальных считают потенциальными врагами. Такое сознание поляризовано на «мы» и «они» и всегда готово найти врага и бороться с ним, полагая в уничтожении врага главный путь к разрешению всех проблем. Следовательно, крайне важным является массовый процесс развития сознания людей по вертикальным уровням, чтобы они поднимались от группочентрического к мироцентрическому сознанию, где происходит отождествление человека со всем человечеством.

Как и представители постмодернизма, Уилбер принимает деление мировой истории на эпохи досовременности (от древности до эпохи Возрождения), современности (от Возрождения до второй мировой войны) и постсовременности (от второй мировой войны до сегодняшнего дня). На протяжении всех эпох идет постепенный рост *массового* сознания людей от доперсонального к группоцентрическому персональному (античность и Средние века) и далее к мироцентрическому персональному в эпоху современности. Здесь большую роль сыграла наука и научное мировоззрение, которое сегодня является общепризнанным. Эпоха постсовременности ставит новую цель массового продвижения сознания в области высших регистров персонального сознания и его соприкосновения с трансперсональным опытом.

Если говорить о философском сознании, то оно всегда опережало по уровню развития уровень массового сознания. Античность и Средние века выражали во многом трансперсональное состояние сознания в лице наиболее крупных философских систем того времени (Платона, Аристотеля, неоплатонизма). Но в это время философское сознание не было в достаточной мере дифференцировано по горизонтальным секторам. В эпоху Возрождения или путем отделения друг от друга искусства, науки и морали возникает секторальная специализация, но она сопровождается снижением развития сознания по вертикальным уровням в эпоху современности (модернизма). Задача постсовременности состоит в том, чтобы вернуть философскому сознанию трансперсональные уровни развития, сочетая их с достигнутой дифференциацией по горизонтальным секторам и другим измерениям развития человеческой самости. Как полагает Уилбер, постмодернисты пытались в некоторой мере выполнить эту задачу, используя идеи деконструкции и децентрации, подчеркивая множественность разных перспектив в оценке событий, важность метода интерпретации внутреннего мира субъекта, но они в свою очередь скатились к абсолютизации знаковых систем, лишенных автора и пользователя (так называемая «смерть автора» текста в постмодернизме). Уилбер видит свою задачу в создании более адекватной духу постсовременности философской системы, в качестве которой и должен выступить его интегральный подход.

Таковы вкратце основные идеи интегрального подхода. Как представляется, этот проект имеет большой потенциал развития и может предоставить глобальные «когнитивные карты» для выражения феномена человека, общества и культуры. С этой точки зрения интересно было бы поразмышлять, как можно подойти к формулировке темы гуманитарной нормы, используя описанные выше основные измерения интегральной антропологии.

В ряде своих выступлений Уилбер отмечает, что не следует понимать идеал человека в рамках интегрального подхода слишком упрощенно, как «все уровни, все секторы» и т. д. На место интегрального бытия для обычного человека в первую очередь в качестве условия его адекватности должна выйти *интегральная осведомленность*, которая означает по крайней мере *представление* человеком своего состояния в рамках всех шести измерений. Нереально ставить перед собой в качестве ближайшей задачи достижение полной интегральности. Занимая некоторое ограниченное место в интегральном профиле, человек по крайней мере должен осознавать свои сильные и слабые стороны, чтобы уметь использовать свои преимущества и минимизировать потери от своей ограниченности. Это и есть норма интегральной осведомленности. Следует заметить, что такая норма применима для личности, находящейся на вертикальных уровнях так называемого *второго порядка* (second tier). Это уровни развития, начиная с мирозцентрического персонального сознания, где впервые возникает понимание множества уровней и интервальной оправданности каждого из них. Нижележащие называются *уровнями первого порядка*, и они характеризуются полным отрицанием позиций других уровней, отличных от их собственной.

Как теперь могла бы выглядеть методология гуманитарной нормы, если учитывать ограничение интегральной осведомленности? Попробуем сформулировать здесь некоторые принципы.

(*Принцип интегральной осведомленности.*) Будучи всегда более или менее ограниченным в измерениях интегрального профиля, субъект должен стремиться к интегральной осведомленности, если только он принадлежит уровню второго порядка.

(*Принцип первого порядка.*) Для субъектов, находящихся на уровнях первого порядка, должны создаваться условия их развития до уровней второго порядка и ограничения их деструктивной деятельности, ведущей к уничтожению измерений интегрального профиля, отличных от их собственных.



(*Принцип индивидуальности.*) Для субъекта, принадлежащего уровню второго порядка, может определяться индивидуальный ритм роста, собственная система «интегральных модулей», развивая которые, можно быстрее и эффективнее повышать свою интегральность.

(*Принцип запрета.*) Должна запрещаться и ограничиваться деструктивные действия, ведущие к разрушению интегральности.

(*Принцип побуждения.*) Должны стимулироваться и развиваться активность, ведущая к повышению интегральности.

(*Принцип метаоткрытости.*) Интегральная модель сама должна оставаться открытой для развития и стимулироваться к повышению своей интегральности.

(*Принцип свободы.*) Субъект имеет право на индивидуальный путь развития, если это не ведет к разрушению его собственной или иной интегральности.

(*Принцип минимума.*) Правовые системы должны быть ограничены минимумом общественной интегральности, выражающимся в запрете на совершение деструктивных действий, ведущих к разрушению интегральности.

(*Принцип неминимальности.*) Более высокие интегральные требования, выходящие за принцип минимума, должны принадлежать моральной, но не правовой компетенции.

(*Принцип антиномичности.*) Возможны периоды разрушения интегральности, которые для данного субъекта являются условиями более отдаленной положительной оценки лучшего интегрального опыта и последующего возврата к интегральному росту.

(*Принцип корегуляции.*) Среди людей нет и не может быть абсолютной инстанции интегральности, и регуляция роста интегральности может осуществляться человеком и обществом только в корегуляции с надчеловеческой системой регуляции мировой интегральности; предполагается, что сама жизнь есть наиболее глобальная система регуляции и усиления интегральности субъекта.

(*Принцип интервальности.*) Однозначные решения проблем интегральности возможны только в рамках некоторых ограниченных контекстов (интервалов).

С точки зрения подобных принципов, как представляется, могли бы выстраиваться представления о гуманитарной норме. Главным концептом в этом случае оказывается концепт «интегрально-

сти». Его более научным структурным выражением является идея *обобщенной инвариантности*<sup>12</sup> – инвариантности той или иной сущности в переходах между различными *обобщенными системами отсчета*. Например, отмеченная выше способность видеть различные перспективы того или иного события выражает подобную обобщенную инвариантность.

Интересно, что разного рода высокотехнологические проекты также могли бы получать оценку с точки зрения картирования в рамках интегрального профиля и соответствия принципам гуманитарной нормы. Подобная оценка могла бы составить методологическую основу института гуманитарной экспертизы.

### Примечания

- <sup>1</sup> Моисеев В.И. Биоэтика – наука о биоэтах // Трудный пациент: журнал для врачей. 2007. № 1. Т. 5. С. 55–58; Моисеев В.И. Философия науки. Философские проблемы биологии и медицины: учебное пособие для вузов. М., 2008; Moiseyev Vyacheslav. Bioethics as the Science about Bioets // Book of Abstracts. European Association of Centres of Medical Ethics (EACME). 21st Annual Conference: «Bioethics in the Real World». 13–15 Sept. 2007. Institute of Biomedical Ethics, University of Zurich, Zollikerstrasse 115, Zurich, Switzerland. P. 57; Moiseyev Vyacheslav. Euthanasia as bioet: basic principles // Book of Abstracts. European Association of Centres of Medical Ethics (EACME). 22nd Annual Conference: «Multiculturalism, Religions, and Bioethics». Venice (Italy). 10–11 Sept. 2009. University of Venice. Fondazione Lanza. P. 59.
- <sup>2</sup> См.: Моисеев В.И. Логика всеединства. М., 2002. С. 262–276; Moiseyev V. About Properties of L-Inconsistent Theories. SORITES. Issue № 17. October 2006. P. 7–16. <http://www.sorites.org>.
- <sup>3</sup> Нечто подобное произошло, по-видимому, с антиномическим дискурсом марксистской диалектики в советское время. Не хотелось бы, чтобы в антиномических проявлениях биоэтического дискурса возродилось бы нечто подобное.
- <sup>4</sup> См.: Moiseyev V. Projectively Modal Ontology // Logical Studies. № 9. 2002 (<http://logic.ru/en/node/372>); Моисеев В.И. Проективно-модальная онтология и некоторые ее приложения // Логические исследования. Вып. 11. М., 2004. С. 215–227; Wiaczeslaw I. Moisiejew. Ontologia Stanisława Leśniewskiego i Logika Wszechejedności // Kwartalnik Filozoficzny. T. XXXII. Zeszyt 1. Przeł. Paweł Rojek. Polska Akademia Umiejętności, Uniwersytet Jagielloński. Kraków, 2004. P. 101–126; Moiseyev V. Projective Modality in the History of Philosophy. 51 Konferencja Historii Logiki, Uniwersytet Jagielloński, Kraków, 26–27 października 2005. Program i streszczenia referatów. P. 6.
- <sup>5</sup> Здесь имеется в виду разрешение как результат процедуры (3).
- <sup>6</sup> Кураев В.И., Лазарев Ф.В. Точность, истина и рост знания. М., 1988.

- <sup>7</sup> *Лазарев Ф.В., Литтл Брюс А.* Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию. Симферополь, 2001.
- <sup>8</sup> *Новосёлов М.М.* Абстракция в лабиринтах познания. Логический анализ. М., 2005.
- <sup>9</sup> *Моисеев В.И.* Проективно Модальная Онтология и интервальный подход // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та. Т. 19 [58]. № 2. Философия. Социология. Симферополь, 2006. С. 169–179.
- <sup>10</sup> Под «внешней дискуссией» здесь имеется в виду обсуждение экспертами и «внешними» субъектами, т. е. не входящими в состав экспертной группы гуманитарной экспертизы.
- <sup>11</sup> Более инвариантное состояние может здесь пониматься примерно в том же смысле, какой вкладывает Лакатос в понятие «прогрессивного сдвига» научно-исследовательской программы – возможность объяснения имеющихся фактов и предсказания новых со стороны «прогрессивной» программы. Последняя в этом случае оказывается в большей мере инвариантной на множестве объясняемых и предсказываемых фактов.
- <sup>12</sup> *Моисеев В.И.* Этнос науки как символ новой объективности // Философия науки. Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. М., 2005. С. 121–136.

*И.И. Ашмарин, Г.Б. Степанова*

### **Нанотехнологии в оценках студентов-биологов и студентов-физиков**

Настоящая статья посвящена результатам эмпирического исследования, проведенного авторами среди студентов биологического факультета МГУ и Московского инженерно-физического института (МИФИ) с целью изучения их представлений и оценок относительно сути и целей нанотехнологий и возможных последствий применения нанопродукции, а также сравнения этих представлений у будущих биологов и будущих физиков. Но прежде, чем приступить к изложению и обсуждению результатов исследования, порассуждаем о самих нанотехнологиях.

Нанотехнологии предполагают создание изображений объектов, измерения различных величин, манипулирование группами атомов и молекул, а также отдельными атомами и производство материалов в масштабе от одного до 100 нанометров. Один нанометр (1 нм) – единица измерения длины, равная одной миллиардной доли метра. Для наглядности представления этого масштаба скажем, что, например, толщина листка писчей бумаги – сто тысяч нанометров. Но, чтобы понять научный и прикладной смысл нанотехнологий, лучше сразу дистанцироваться от излишне популярной наглядности и привести «смыслонесущие» величины, например: условный диаметр атома водорода – 0,05 нм, золота – 0,3 нм, толщина нити ДНК – 2 нм и т. д. То есть масштаб нанотехнологических операций – это масштаб атомно-молекулярного мира, раньше его называли микромиром, а теперь вполне можно назвать *наномиром*.

Рождение понятия *нанотехнология*, а главное, его концепции можно связать с 1959 г., когда лауреат Нобелевской премии Р.Фейнман выступил с лекцией «Там внизу много места» в Ка-

лифорнийском технологическом институте на ежегодной встрече Американского физического общества. Он высказал предположение, что возможно механически перемещать одиночные атомы при помощи манипулятора соответствующего размера; по крайней мере, такой процесс не противоречил бы известным на сегодняшний день физическим законам. В этой же лекции Р.Фейнман описал предполагаемый им манипулятор.

Веховыми в развитии этой концепции можно считать два события. Первое – создание сканирующего туннельного микроскопа и сканирующего атомно-силового микроскопа (Нобелевская премия по физике 1992 года), позволившего не только получать изображения отдельных атомов в кристалле, но и перемещать или переставлять их в нужном порядке. И второе – открытие не существовавшей ранее в природе пространственной (молекулярной) формы существования углерода – фуллеренов (Нобелевская премия по физике 1996 года), что дало возможность создавать трехмерные структуры. Нанотехнологии в совокупности с био- и информационными технологиями вполне можно считать базой научно-технической революции XXI в., потому что в ходе ее происходит смена привычного «сценария» развития прикладных наук: к движению «сверху вниз» – в сторону миниатюризации создаваемых объектов – присовокупилось движение «снизу» – с уровня атомов и молекул, из которых, как из кубиков, «собираются» нужные материалы и системы с заданными свойствами.

По ходу этого повествования нелишне будет заметить, что природа «освоила» нанотехнологии задолго до появления человека. Приведем почти забавный пример. Все знают, что мухи легко могут ползать по вертикальной стене и по потолку, все знают, но не все удивляются, и уж мало кто знает, как им это удается. А дело в том, что малообразованные мухи используют одну из природных нанотехнологий. Их лапки покрыты очень тонкими волосками, которые соприкасаются с поверхностью на расстоянии в несколько нанометров. При этом образуется известная в физике связь Ван-дер-Ваальса – сила межмолекулярного взаимодействия, которая сама по себе слаба, но удерживает муху благодаря ее малому весу, с одной стороны, и громадному количеству точек сцепления – с другой.

Пример, конечно, забавный, но смысл в нем вполне серьезный. Мухе про силы Ван-дер-Ваальса знать не надо, эту нанотехнологию она освоила в процессе своей эволюции. У насекомых, не умевших ползать по любой поверхности, было ограниченное жизненное пространство или, точнее, жизненная поверхность, у них было меньше возможностей передвижения и т. д., и они были отбракованы в ходе естественного отбора. Но человек не только осваивает природные технологии, но сам их создает и сам осваивает им же созданное. И тут мы вступаем в новую плоскость рассуждений.

В отличие от научных революций прошлого нанотехнологическая революция развивается на основе взаимного обогащения различных технологий из различных областей науки, что вызывает к жизни множество новых открытий и концепций, – это первое отличие. А второе – то, что темпы ускорения соответствующих перемен таковы, что люди не успевают осознавать их релевантность, их последствия и свою к ним причастность. Поэтому реакция различных сообществ на технологические новшества порождает, вообще говоря, новые конфликты. Когда страны и народы сталкиваются с влиянием новых технологий на их образ жизни и культуру, это неизбежно ведет к появлению целого ряда проблем: экономических, правовых, социальных, гуманитарных, этических. Что касается экономических и частично правовых проблем, то они, как правило, актуализируются сразу, непосредственно влияя на эффективность технологий, в данном случае нанотехнологий, и оптимальность требуемых затрат и усилий. Проблемы эти проявляются в реальном масштабе времени, в том же масштабе решаются и поэтому необратимых последствий они, в основном, не создают.

Но совсем иначе дело обстоит с социальными, гуманитарными и этическими проблемами. «Инкубационный период» у них может оказаться несоизмеримо дольше, а вероятность возникновения тяжелых последствий внедрения нанотехнологий, равно как и уровень их необратимости – существенно выше. Причем здесь человечество и человек попадают в зону действия факторов риска, именно риска, а не опасностей. Опасности, в отличие от факторов риска, видны сразу или довольно скоро обнаруживаются – как раз с опасностями в основном и сопряжены экономические и право-

вые проблемы. А факторы риска сразу не обнаруживаются, и часто их очень трудно предвидеть – это потенциальные опасности с плохо предсказуемыми последствиями.

Нанотехнологии – классический пример мощного генератора таких факторов риска. Их происхождение коренится в общем источнике потенциальных выгод и опасностей нанотехнологий: наноматериалы имеют совершенно не такие химические, физические и биологические свойства, как обычные материалы. Это обусловлено, в частности, чрезвычайно большим отношением площади их поверхности к объему. Отсюда – высокая реакционная способность наноструктур, способность их аккумуляции в окружающей среде и пищевых продуктах, возможности глубокого проникновения в печень, мозг, легкие и другие органы человека. Показаны факты связывания и переноса наночастицами некоторых особо опасных загрязняющих примесей. Обнаружены совершенно необычные явления: например, золото, которое с древнейших времен ценилось за свою химическую инертность, становится высоко реактивным, когда готовится в виде наночастиц. И таких примеров уже сейчас можно привести довольно много, а сколько их появится через пять, десять, пятьдесят лет, никто не может предсказать. Сюда можно добавить и психологические проблемы внедрения нанопродукции в повседневную жизнь человека. Такого рода проблемы гораздо реже затрагиваются в научной литературе, тем не менее они достаточно серьезны и актуальны именно в контексте анализа факторов риска при внедрении нанотехнологий. Здесь, помимо традиционно напряженных отношений *производитель-потребитель*, могут возникнуть специфические особенности. Принципиально новые свойства нановеществ, не существовавших ранее в природе, могут вызвать априорное отторжение нанопродукции у населения именно в силу ее «неприродного» происхождения. А стараниями вездесущих некомпетентных журналистов это может спровоцировать такой социальный протест, какой самым радикальным деятелям общества «Гринпис» и не снился. Кроме того, как мы уже говорили, масштаб нанотехнологических операций – это масштаб атомно-молекулярного мира, в котором действуют законы квантовой механики. При этом ее базовые принципы, такие, как дуальность природы элементарных частиц (их одновременно волновые и корпускулярные свойства), принцип неопределенности Гейзен-

берга, вероятностный характер волновой функции, управляющей всем квантовым миром, могут быть вняты только профессиональным физикам. Реакция же рядового обывателя на такую «зыбкость» этого мира совершенно непредсказуема, как непредсказуема его реакция на все, что известно науке, но неизвестно ему<sup>1</sup>.

\* \* \*

Рассматривая продукцию нанотехнологий, важно отметить их значимость и инновационность. Большинство сегодняшних разработок направлены на улучшение уровня жизни человека, усовершенствование существующего оборудования, развитие медицины и т. д. Существует несколько основных направлений, по которым развиваются нанотехнологии, и типологий этих направлений. Например, европейская патентная база включает следующие разделы:

Нанобиотехнологии

Нанотехнологии для передачи и хранения информации

Нанотехнологии для науки о веществе и поверхности

Нанотехнологии для измерения свойств вещества

Нанооптика

Наномагнетики

Каждому из разделов однозначно поставлены в соответствие подразделы из различных сфер знаний (физика, биология, химия и т. д.) и отраслевых направлений (материалы, ткани, технологии и т. д.)<sup>2</sup>.

Работы, проведенные в Институте статистических исследований и экономики знаний (ВШЭ), позволили сделать вывод о том, что в рамках направления «Индустрия наносистем и материалов» в нашей стране возможна организация крупных инвестиционных проектов, сосредоточенных в следующих областях:

«1. *Медицина*. Эта область включает технологии для создания биомедицинских материалов и доставки лекарственных средств; наноконтейнерные технологии векторной доставки лекарств; наноструктурированные материалы и покрытия для создания имплантатов; биосовместимые материалы, имитирующие ткани живых организмов; наноматериалы для технологий экстренной остановки кровотечений и др.



2. *Материалы.* К этой области относятся полимерные материалы с повышенной механической прочностью и химической стойкостью; полимерные антифрикционные, тепло- и огнестойкие материалы; коррозионностойкие материалы и покрытия для экстремальных условий эксплуатации; упрочняющие инструментальные покрытия для машиностроения; тонкие пленки функциональных материалов; полифункциональные алмазоподобные пленки и др.

3. *Энергетика.* В эту область входят материалы для традиционных и альтернативных источников энергии, в т.ч. для солнечных батарей; портативные топливные элементы; электрохимические и термоэлектрические источники тока; суперконденсаторы; компактные генераторы водорода; конверсия природного и попутного нефтяного газа вблизи мест добычи и др.»<sup>3</sup>.

Еще одним направлением во всех странах можно считать *разработки в области обороны*. В частности, речь идет о разработке нового типа взрывчатки, средств для быстрого заживления ран, биохимических датчиков и т. д. По понятным причинам большинство наноразработок в области обороны засекречены. Также важно обозначить развитие наноэлектроники. Например, достаточно перспективным считается применение нанопроводов (nanowires), наномасштабных нитей из различных материалов. Данная технология может помочь в создании энергонезависимой магнитной памяти следующего поколения. Если говорить о более простом применении нанотехнологии, то это модификация домашней техники – «умный дом» с бесчисленным числом нанодатчиков, холодильники, созданные из нанокомпозитных материалов и т. д.<sup>4</sup>.

Такой широкий спектр применения нанотехнологий определяет и довольно значительный спектр факторов риска, о которых мы уже говорили выше. В первую очередь это риски для здоровья, безопасности и окружающей среды. Понимание рисков для здоровья и окружающей среды, связанных с наноматериалами и, в частности, с наночастицами, является ключевым фактором для их безопасного применения в стандартных процессах производства. Мировое научное сообщество уже вполне осознало, что риски от использования наночастиц при воздействии на организм человека существуют. Так, например, еще в 2004 г. Королевское общество и Королевская инженерная академия опубликовали по просьбе правительства Великобритании обзор возможностей и неопреде-

ленностей применения нанотехнологий. С тех пор по заказу государственных ведомств, отраслевых ассоциаций, страховых организаций было проведено более 50 национальных и международных исследований по этой проблеме, результаты которых можно резюмировать следующим образом:

существуют потенциальные риски для здоровья и окружающей среды при производстве и использовании наночастиц;

существует недостаток знаний о том, что из себя представляют эти риски и как им противодействовать;

по мере разработки и внедрения нанопродукции потенциал воздействия на людей и окружающую среду будет увеличиваться;

требуется дополнительная информация о токсичности воздействия и факторах риска.

Всем заинтересованным сторонам (разработчикам, производителям и т. п.) необходимо уже сейчас озаботиться этими проблемами факторов риска и приступить к их решению<sup>5</sup>.

Как мы уже отмечали выше, наночастицы представляют собой в том числе новую структурную форму вещества того же химического состава, и эксперты сходятся в том, что совершенно необходимо исследовать потенциальные токсические и другие неблагоприятные риски, связанные с этим новым состоянием, – риски, которые невозможно надежно оценить, исходя из свойств массивных материалов. Наибольшие опасения по поводу безопасности нанотехнологий вызывают исследования в области медицины – той области, где наночастицы целенаправленно воздействуют на человеческий организм. Попадая в организм, наночастицы способны повреждать клеточные мембраны, нарушать функции биомолекул, в том числе молекул генетического аппарата клетки и клеточных органелл (митохондрий), приводя к нарушению регуляторных процессов и гибели клетки.

Главным фактором риска применения медицинских нанотехнологий является недостаток информации о взаимодействии конкретных наночастиц с человеческим организмом. В работе<sup>6</sup> ставится еще одна проблема, возникающая на пути развития нанотехнологий. По мнению экспертов Европейского союза, это существующий разрыв между науками о живом и науками о материалах. Этот разрыв обусловлен целым рядом причин, среди которых называются следующие: использование различного понятийного

аппарата специалистами, работающими в этих областях; различие в культуре мышления представителей наук о живом и наук о материалах; различные объекты исследований (внимание ученых сосредоточено на различных свойствах, присущих разным объектам, в исследованиях используется разная методология; науки о жизни и науки о материалах отделены друг от друга в различных программных документах, за которые отвечают и которые реализуют различные организации. За рубежом предпринимаются реальные попытки закрыть некоторые существенные пробелы в области исследований безопасности нанотехнологий, как, например, новый крупный проект комплексной оценки рисков, связанных с использованием искусственных наночастиц *ENPRA (Engineered NanoParticle Risk Assessment)*, в рамках которого учёным предстоит, в частности, выявить физико-химические характеристики искусственных наночастиц, ответственные за их токсичность, и разработать методики предсказания потенциальной токсичности наночастиц; исследовать механизмы взаимодействия наночастиц и живых организмов на клеточном и молекулярном уровне<sup>7</sup>.

\* \* \*

Из всего сказанного ясно, что внедрение нанотехнологий в повседневную жизнь человека и человечества порождает непредсказуемую массу проблем, появление и решение которых в значительной степени зависит от разработчиков нанотехнологий и производителей нанопродукции. Причем зависит это не только от их профессиональной подготовленности, но и от ценностных ориентаций, нравственных императивов, общей культуры. Именно этим обусловлен выбор темы, обозначенной в названии данной статьи. Будущие биологи и физики – это в большинстве своем те, кто будет определять основные направления развития нанотехнологической революции в самое ближайшее время.

В 2007 г. на заседании правительства, посвященном развитию нанотехнологий, Михаил Фрадков, бывший тогда премьером, произнес замечательную фразу: «Половина из присутствующих не знает, что такое нанотехнологии, но знает, что без этого жить нельзя». Одной из задач нашего исследования было определение именно

доли «присутствующих», осведомленных в области нанотехнологий, и уровня их осведомленности. Для этого было проведено социологическое обследование студентов первого курса биологического факультета МГУ и Московского инженерно-физического института (МИФИ) с целью изучения их представлений и оценок относительно сути и целей нанотехнологий и возможных последствий их применения, а также сравнения этих представлений у будущих биологов и физиков. Выбор студенческой аудитории был обусловлен тем очевидным фактом, что для разработок и внедрения нанотехнологий, как в любой инновационной области, нужны молодые люди, обладающие прочным и широким запасом знаний, творческим потенциалом, гибкой и активной реакцией на различные инновации. Именно таких специалистов готовит МГУ и МИФИ. Отметим, что все респонденты – первокурсники. Конечно, опрос первокурсников не может дать представление об уровне их профессиональной подготовки: на первом курсе он еще неощутим. Но, во-первых, и без нашего обследования известно, что в МГУ и в МИФИ этот уровень весьма высок, а во-вторых, для нас интерес представляли не только профессионально ориентированные, но и «общемолодежные» представления о нанотехнологиях. Конечно, сразу может возникнуть вопрос, зачем тогда для обследования понадобились именно биологи и физики. Тут заметим, что хотя профессиональная дифференциация у первокурсников действительно еще не может отчетливо проявиться, тем не менее некая внутренняя профориентация у них уже есть. Она может формироваться уже в старших классах средней школы и особенно в период подготовки к поступлению в высшую школу.

Для обследования была разработана анкета, включающая в себя 16 вопросов (14 закрытых и 2 открытых), которые можно распределить по трем направлениям: 1) общие представления студентов о сути нанотехнологий, 2) их осведомленность касательно факторов риска для человека при внедрении последних, 3) их отношение к этим факторам и к самим нанотехнологиям (включая нанопroduкцию). Всего в обследовании приняло участие 204 респондента. На приведенных ниже диаграммах отражено процентное распределение ответов респондентов на закрытые вопросы.

Из диаграммы 1 видно, что и биологи, и физики в целом, по их собственным оценкам, неплохо представляют себе, что такое нанотехнологии. И даже вполне заметная доля расплывчатых

представлений может говорить о более критическом отношении к своим познаниям у студентов, чем у «человека с улицы». Разница между ответами биологов и физиков объясняется скорее не профессиональными различиями, а более прикладным характером образования, получаемого в МИФИ, по сравнению с МГУ. У всех респондентов обнаружена вполне сносная осведомленность относительно квантово-механических свойств вещества в мире наноразмерного масштаба (диагр. 2). Обескураживает, правда, бóльшая осведомленность в этом физическом вопросе у биологов, чем у физиков. Одно из весьма вероятных объяснений мы услышали в самом МИФИ: это последствия нового стандарта приемных экзаменов – единого госэкзамена («Напринимали Бог знает кого»).

Диаграмма. 1. Представляете ли Вы, что такое нанотехнологии?

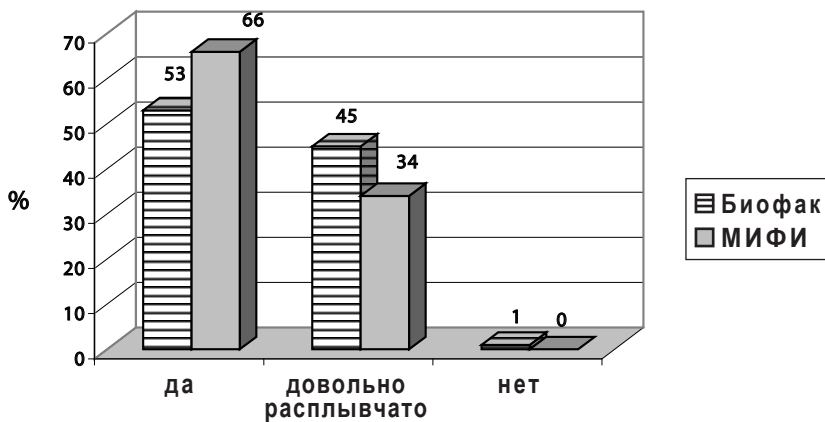
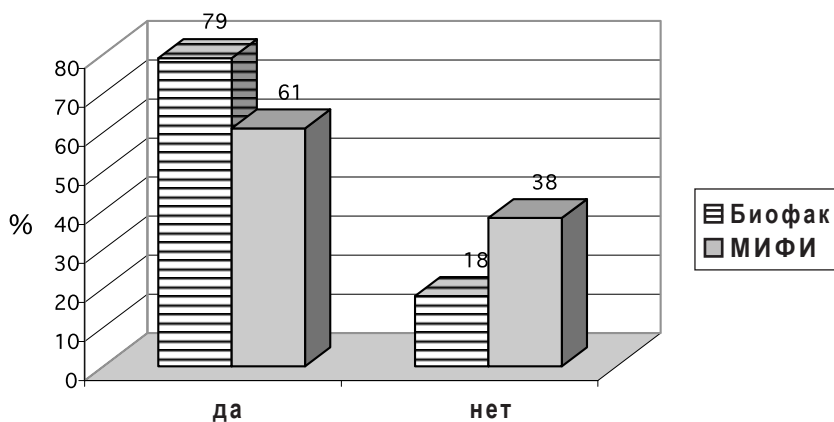


Диаграмма 2. Знаете ли Вы, что в микромире, куда проникли нанотехнологии, проявляются иные – квантовые – законы и свойства вещества, нежели в макромире, в котором живет человек?



Предельно отчетливы ответы всех респондентов относительно воздействия «неприродных» наноструктур на человека и природу (диагр. 3) и возможности действия нанопродуктов на генетический и психический компонент человека (диагр. 4). Они не сомневаются в реальности этого воздействия.

Диаграмма 3. Будут ли на, Ваш взгляд, воздействовать на природу и человека созданные с помощью нанотехнологий молекулярные структуры, ранее не существовавшие в природе?

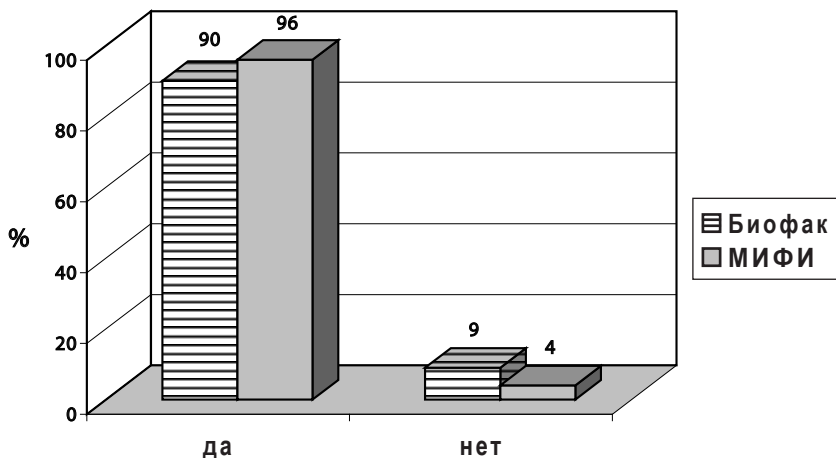
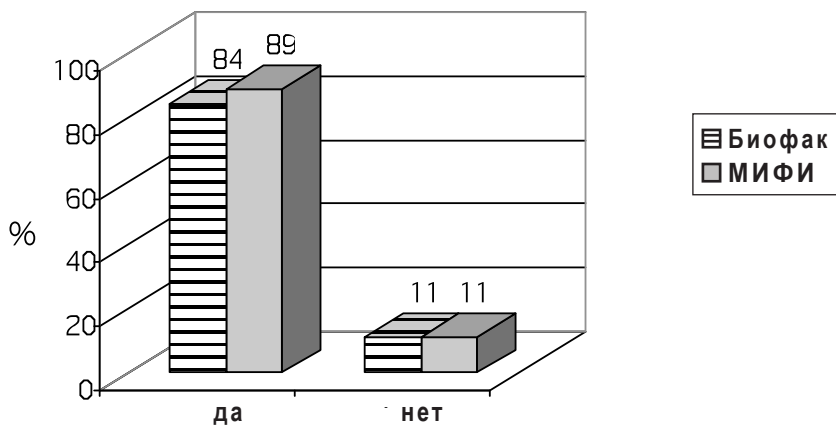


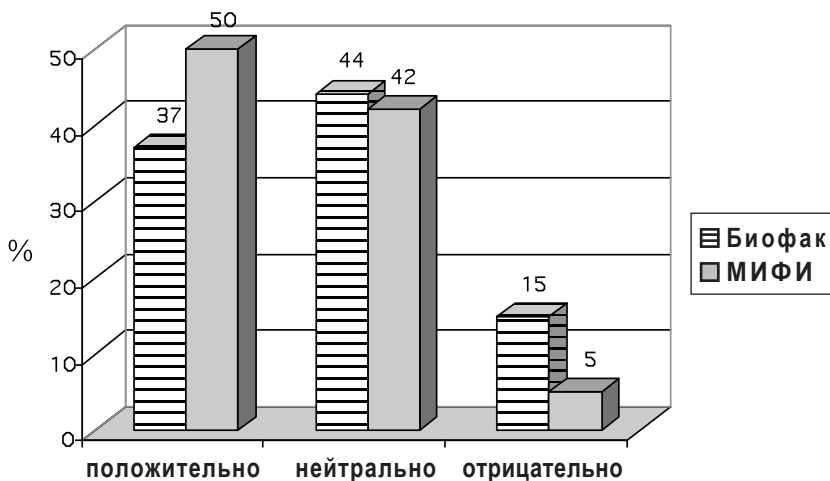
Диаграмма 4. Могут ли, на Ваш взгляд, какие-либо нанотехнологии воздействовать на генетическую и психическую природу человека?



Подводя итог этого блока вопросов, отметим, что опрошенные студенты (и биологи, и физики) имеют вполне удовлетворительные представления о нанотехнологиях и достаточно единодушны в своих ответах.

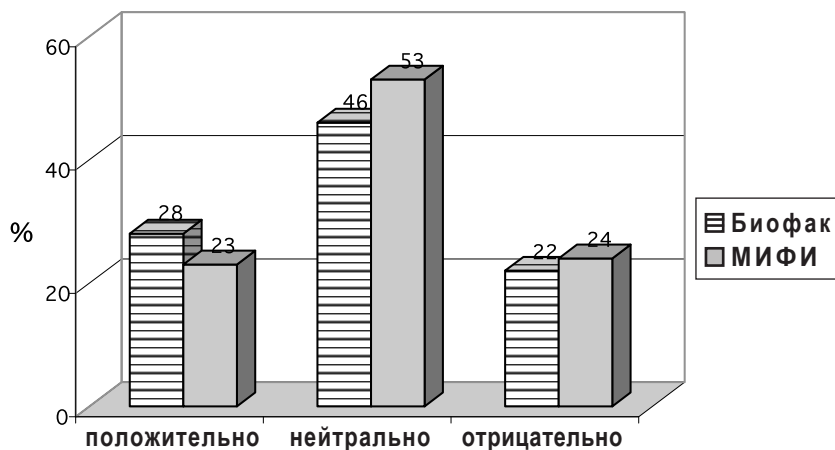
В следующем блоке вопросов выяснялись оценки студентами уровня возможного воздействия нанопродукции на их здоровье с точки зрения потребителя (диагр. 5) и разработчика (диагр. 6):

*Диаграмма 5. Как Вы оцениваете возможное воздействие продукции нанотехнологии на Ваше здоровье с точки зрения ее потребителя?*





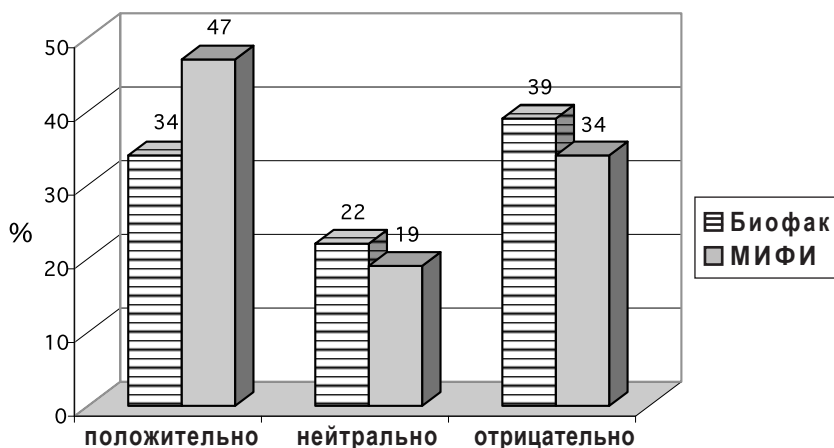
*Диаграмма 6. Как Вы оцениваете возможное воздействие продукции нанотехнологии на Ваше здоровье с точки зрения разработчика одной из таких технологий?*



На диаграммах видно, что обе группы респондентов вполне твердо осознают, что разработчик нанотехнологии рискует своим здоровьем больше, чем потребитель ее продукции; заметим, что тщательность выбора респондентами ответов на вопросы анкеты обеспечивалась тем, что студенты оценивали возможное воздействие на **свое** здоровье. Здесь, пожалуй, можно отметить трезвость их оценок – действительно, образно говоря, испытатель самолетов рискует больше, чем пассажир авиарейса. Не вызывает удивления и то, что почти половина опрошенных нейтрально оценивает воздействие нанотехнологий на здоровье человека. Скорее всего, такие ответы сформированы естественной беззаботностью молодёжи (ну и хорошо – в молодости надо быть молодым).

Значительно больший разброс мнений проявился в отношении студентов к возможности применения нанотехнологий для биологического конструирования человека (диагр. 7):

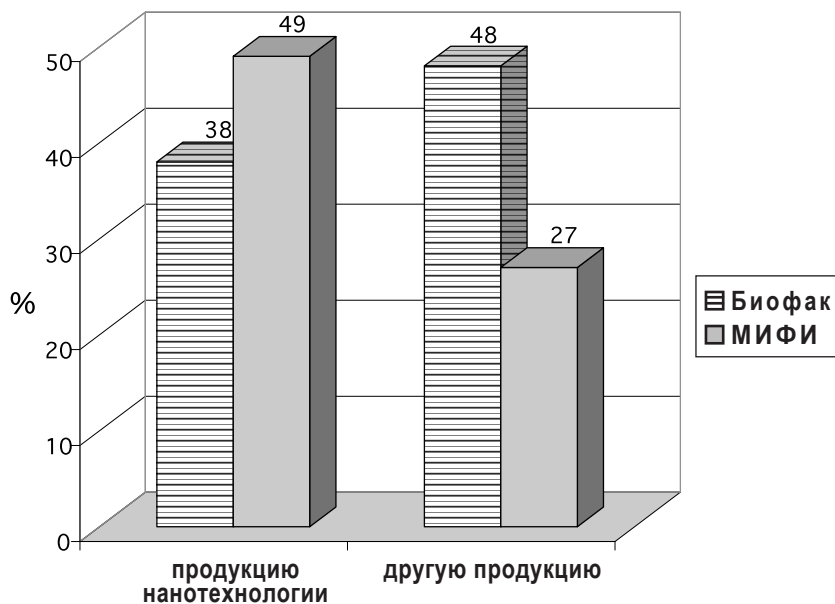
*Диаграмма. 7. Сейчас обсуждается возможность применения нанотехнологий для биологического конструирования человека, который обладал бы определенными заранее заданными свойствами или новыми функциями, способностями и характеристиками. Как Вы относитесь к такому конструированию?*



Такую разногласию, по-видимому, можно объяснить тем, что само биоконструирование человека (не говоря уж о применении нанотехнологий для этих целей) – тема сравнительно молодая, и социум еще не успел отреагировать на нее. Поэтому и в мировом сообществе отношение к биоконструированию человека тоже достаточно сумбурное.

Резюмируя ответы на этот блок вопросов, можно и здесь отметить, что студенты обеих профессий имеют представления о нанотехнологиях, по крайней мере, они адекватно оценивают возможные последствия внедрения нанопродукции. Но на этот раз проявились заметные отличия в ответах биологов и физиков. Особенно это проявилось в оценках воздействия нанопродукции на здоровье ее потребителя (диагр. 5) и в отношении к наноконструированию человека (диагр. 7). Биологи более критично оценивают эти факторы риска, а физики в этих оценках более беспечны. Существенно большую по сравнению с физиками осторожность проявили биологи и при выборе симметрично предложенных образцов нано- и традиционной продукции (диагр. 8):

*Диаграмма 8. Если бы Вам как потребителю предложили использовать для одной и той же цели продукцию нанотехнологии и другую продукцию той же эффективности, что бы Вы выбрали?*



Во всех трех приведенных выше примерах биологи проявляют некую тщательность в своем отношении к нанотехнологиям. На наш взгляд, здесь можно предложить два объяснения. Первое: биологи изначально ориентированы на работу с живой материей и поэтому более взвешенно оценивают какое бы то ни было воздействие на нее. И второе: большая этическая компетентность биологов – в их учебной программе есть такая дисциплина, как «биоэтика», в то время как учебные планы физиков ее «физического» аналога не содержат.

Контент-анализ ответов студентов на открытые вопросы анкеты об областях применения нанотехнологий показал, что в представлениях респондентов этот спектр достаточно широк. На первом месте оказались области применения, связанные со здоровьем человека, его сохранением, улучшением и т. п. Это меди-

цина, фармацевтика, косметология и т. п., которые назвали 66 % биологов и 59 % физиков. На втором месте по количеству ответов оказалось промышленное производство, включая технику, в том числе бытовую, новые материалы, вещества и продукты, легкую промышленность и машиностроение. 37 % студентов биофака и 35 % студентов МИФИ связали эти области промышленности с нанотехнологиями. Будущая профессия и специфика образования оказали влияние на формирование представлений студентов о возможностях их применения. Так, их использование в биологии, биотехнологиях, биофизике, биохимии, геномной инженерии оказалось на третьем месте у студентов-биологов (30 %), в то время как у студентов-физиков эту позицию занимают информационные, компьютерные технологии, электроника и робототехника (28 %). Студенты-физики также осознают важность использования нанотехнологий в биотехнологических разработках (11 % ответов), а студенты биологи – в электронике и т. п. (21 %). Обе группы респондентов указали на значимость разработки нанотехнологий для развития науки, в том числе физики, химии. 28 % биологов и 12 % физиков отразили это мнение в своих ответах. Было названо также военное применение (в том числе шпионаж), энергетика, космос, улучшение человека и качества его жизни. Довольно большой процент студентов, как биологов, так и физиков (11 % и 16 % соответственно) признают, не конкретизируя области, перспективу довольно широкого применения нанотехнологий. По одному человеку в каждой группе считают, что применения у этих технологий нет. 3–4 % не знают, где бы они могли использоваться.

Анализ ответов студентов на вопрос, *каковы факторы риска при внедрении нанотехнологий*, показал довольно высокий уровень информированности и критического осмысления возможных последствий широкого использования нанотехнологий. В обеих группах респонденты выделили следующие основные типы факторов риска:

- 1) новизна, неосвоенность, неизученность, а следовательно, непредсказуемость, сложность прогноза и контроля воздействий, сбои и побочные эффекты;

- 2) вредные воздействия на здоровье и развитие человека;

- 3) разного рода биологические (в том числе генетические, физиологические и пр.) изменения организма человека;

4) психологические и социальные последствия (личностные, когнитивные изменения, смена ценностей, дискриминация при использовании как для отдельных людей, так и для стран, неготовность общества, безответственность при использовании, преследование корыстных интересов и т. п.);

5) новое оружие;

6) экологические последствия.

Были названы также эксперименты и испытания на людях, создание полностью совершенного человека, власть машин, тотальный контроль за всеми, гонка технологий. 11% обследованных в обеих группах считают, что никакими негативными последствиями внедрение нанотехнологий не грозит. Биологи часто добавляют: при гуманном, разумном подходе. Сравнительный анализ показал, что для студентов-биологов на первом месте стоят факторы неосвоенности, т. е. непредсказуемости последствий (28 % ответов), а для студентов-физиков это биологические изменения организма (17 %), вредные воздействия на здоровье (17 %) и неосвоенность (16 %). Психологические и социальные факторы риска более значимы для биологов (20 %) и в меньшей степени для физиков (11 %). Десятая часть обследованных в обеих группах, не конкретизируя, признает высокий уровень факторов риска, вред человеку, разные негативные воздействия, опасность изменений. Около 4 % студентов не имеет представлений о факторах риска нанотехнологий. Осознавая разного рода негативные последствия, 30 % биологов и 38 % физиков тем не менее готовы использовать нанотехнологии для любой цели, в особенности для укрепления здоровья (34 % и 41 % соответственно) и серьезного лечения (45 % и 35 %).

\* \* \*

Подведем некоторые итоги.

Студенты показали вполне удовлетворительную степень информированности о физических и биологических основах нанотехнологий, сферах их практического применения, возможности воздействия «рукоговорной» нанопродукции на здоровье ее создателей и потребителей.

Обследованные студенты, как биологи, так и физики, имеют адекватные представления об областях применения нанотехнологий, которые в большой мере соответствуют тем областям, которые рассматриваются в современной научной литературе по этой проблеме. Студенты выделяют медицину, фармацевтику, промышленное производство, создание новых материалов, биотехнологии, электронику, информационные технологии и т. п. Они также указали на значимость нанотехнологий для развития науки.

В своих ответах студенты показали высокий уровень осознания и критического осмысления последствий широкого использования нанотехнологий. Они выделяют такие группы факторов риска, как неизученность, а следовательно, сложность прогнозов и контроля; вредные воздействия на здоровье человека и окружающую среду; разного рода биологические изменения организма; психологические и социальные последствия; разработка нового оружия.

Биологи более взвешенно, чем физики, оценивают воздействие продукции нанотехнологий на человека. По нашему мнению, это обусловлено двумя обстоятельствами. Первое – студенты-биологи в силу особенностей своей будущей профессии изначально ориентированы на работу с живой материей, и второе – в их учебной программе, в отличие от физиков, есть такая дисциплина, как биэтика, что способствует развитию этической компетентности.

## Примечания

- <sup>1</sup> Курьезный пример: в 1910 г. было очередное сближение кометы Галлея с Землей. Вероятность столкновения кометы с Землей практически равна нулю, но по многим странам в мае 1910 г. прокатилась волна страха, раскрученная прессой и усиленная слухами об отравлении земной атмосферы опасными для здоровья людей ядовитыми кометными газами. В результате на фоне этой шумихи один американский предприниматель организовал широкую продажу «пилюль от кометы Галлея» – лекарства, которые якобы снимало нежелательные последствия воздействия кометы на человеческий организм. Пилюли пользовались бешеной популярностью. («Вокруг света», авг. 1990 г.)
- <sup>2</sup> Обоснование классификации отраслей наук в области нанотехнологий. [orpano.ru/file/obosn%20klassif%20onrasleq%20nauk.doc](http://orpano.ru/file/obosn%20klassif%20onrasleq%20nauk.doc)
- <sup>3</sup> Соколов А.В., Шашнов С.А., Карасев О.И., Рудь В.А. Долгосрочный прогноз развития российской наноиндустрии с использованием метода Дельфи. [http://nanorf.ru/science.aspx?cat\\_id=718&d\\_no=1600&print=1&back\\_url=%2Fscience.aspx%3Fcat\\_id%3D718%26d\\_no%3D1600](http://nanorf.ru/science.aspx?cat_id=718&d_no=1600&print=1&back_url=%2Fscience.aspx%3Fcat_id%3D718%26d_no%3D1600)

- <sup>4</sup> *Яковлев А.Р.* Плюсы и минусы нанотехнологичных товаров.[www.volsu.ru/s\\_conf/10/cdoc50.doc](http://www.volsu.ru/s_conf/10/cdoc50.doc)
- <sup>5</sup> EMERGNANO: A review of completed and near completed environment, health and safety research on nanomaterials and nanotechnology, [http://www.safenano.org/Uploads/EMERGNANO\\_CB0409\\_Full.pdf](http://www.safenano.org/Uploads/EMERGNANO_CB0409_Full.pdf)
- <sup>6</sup> Нанобиотехнологии за рубежом: взгляд экспертов, [http://nanorf.ru/science.aspx?cat\\_id=718&d\\_no=771](http://nanorf.ru/science.aspx?cat_id=718&d_no=771)
- <sup>7</sup> *Данилов А.* Дуализм наночастиц.<http://www.nanonewsnet.ru/articles/2009/dualizm-nanochastits>

# ПРОБЛЕМЫ ВИРТУАЛИСТИКИ

*Г.П. Юрьев*

## **Теоретическое обоснование НЛП и этической шизофрении в парадигме III сигнальной системы**

### **Введение**

Нейролингвистическое программирование (НЛП) – это противоречивый феномен религии, политики, бизнеса, культуры, искусства, рекламы, психологии, психотерапии и ряда других сфер социальных и профессиональных коммуникаций людей в бурлении современной жизни. Его авторы и многие их последователи по всему миру считали и считают НЛП эффективным методом воздействия на человека для достижения быстрых и терапевтических изменений, другие – для прогнозируемого управления потоками желаний социальных групп. Третьи считают НЛП методикой безнравственного рекламного манипулирования сознанием человека, меняющей его личностные мотивации по алгоритму зомбирования. Классически мыслящие учёные отказывают техникам НЛП в праве обретения ими формального статуса «метод» из-за отсутствия научной теории, основанной на результатах верифицируемых исследований.

Автор статьи прошёл традиционный путь от первоначального удивления и восхищения возможностями НЛП в терапевтической практике до метафоры детского вопроса: что же такое внутри часов тикает и двигает их стрелки? Применительно к психотерапии этот вопрос был переформулирован в два задания самому себе.

Что же это такое есть в механизме НЛП, что позволяет передвигать стрелки человеческого бытия по-иному, чем индивид привык делать?

Почему посевы зёрен НЛП в страждущую почву одних людей дают благодатные всходы полезных свойств и качеств, а у других всё остается, как было, и по-прежнему продолжают цвести только характеры их собственных сорняков и ошибок?



Возникло предположение, что есть такая специальная система коммуникаций, которая позволяет напрямую осуществлять иррациональные контакты, вызывать как бы алогичные действия и при этом производить изменения, адекватные желаниям. Осталось эту потаённую систему выявить, исследовать и задокументировать, но как? Было понятно, что разобрать человека наподобие часов, чтобы исследовать их механизм, невозможно, следовательно, нужен инструмент, делающий объект исследования как бы прозрачным, по примеру рентгеновских лучей. Психологические тесты-опросники для этих целей не подходят, потому что их результаты неубедительны, поскольку они измеряют только стандартизированные социальные маски личности. Проективные вербальные и рисуночные методики вроде бы хороши из-за непонятности своих заданий, но отсутствие даже мнимой «научной» достоверности результатов тестов-опросников переводит их значимость в разряд герменевтических толкований личного опыта аналитика.

Не буду описывать историю множественных попыток подобрать научные ключи к таинственной системе коммуникаций, а сразу перейду к конечному результату своих исследований. Это третья – биоэтическая сигнальная система<sup>1</sup> (БЭСС)<sup>2</sup>, имеющая свой язык и множество ключей доступа и, соответственно, достоверных верификаций. Наиболее простым и убедительным инструментом исследования III сигнальной системы (III СС) оказалась интуитивно-этическая пиктологическая<sup>3</sup> диагностика: цветография<sup>4</sup> и эгоскопия<sup>5</sup>.

Далее постараюсь кратко описать основные компоненты биоэтической III сигнальной системы, её нормальные и нарушенные функции, её языки, способы их распознавания и научного объяснения.

### **Третья сигнальная система биоэтических коммуникаций**

Понятие о первой и второй сигнальных системах были введены И.П.Павловым для обозначения двух качественно различных уровней эволюционного развития высшей нервной деятельности.

I сигнальная система (I СС) – это система непосредственного восприятия разнородной информации органами чувств, это сфера биологии (в частности, физиологии и психофизиологии); число критериев ограничено, с результатами исследований II и III СС стыковка гипотетическая.

II сигнальная система – это понятийная система абстрагирования и вербально-графических коммуникаций, сфера психологии и смежных с ней наук о человеке; число критериев практически необъятно, с результатами исследований I и III СС стыковка также гипотетическая.

III сигнальная система – это система виртуального<sup>6</sup> управления I и II сигнальными системами, сфера морали и биоэтики, политики, гуманитарных наук, искусства, религии, оккультизма, социальных манипуляций, менеджмента высокого (харизматического) уровня и других аспектов жизни общества. С позиций классической науки число и тезаурус эмпирических критериев III СС остаётся спорным. В обыденной жизни III СС проявляет себя в диалектах устойчивого надындивидуального языка пословиц, поговорок, метафор, символических языков культуры.

Несмотря на принципиальное различие сигнальных процессов в I и II сигнальных системах, в норме всегда имеется взаимодействие и взаимоСОдействие (термин П.К.Анохина) этих сигнальных систем на уровне биоэтической сигнальной системы. При своём взаимодействии разные функциональные системы могут иметь разные цели достижений, а при взаимоСОдействии у них имеется общая цель. Новое понятие «биоэтическая сигнальная система – БЭСС» более приемлемо для включения в научный лексикон, потому что термин «III сигнальная система» уже используется во многих эзотерических и трансцендентальных учениях и практиках без научного обоснования.

Априори, исходя из эмпирического житейского опыта нескольких миллиардов людей на планете Земля, можно утверждать, что нормально функционирующая III сигнальная система играет роль естественного, имеющего природное основание биосоциоэтического регулятива – он проявляет себя вовне и внутри индивида как интуитивно принятое решение своей рациональной деятельности. Единица измерения БЭСС – биоэтический диполь, или биоэнт<sup>8</sup>. Инструмент измерения биоэтов – техноэнт<sup>9</sup>. Смысло-физиологический биоэнт выявляется при синхронном измерении техноэтом объективных параметров I и II сигнальных систем испытуемого как его интуитивно-рациональный ответ на любые тестовые стимулы любой социально-ролевой и этической деятельности (см. рис. 1).

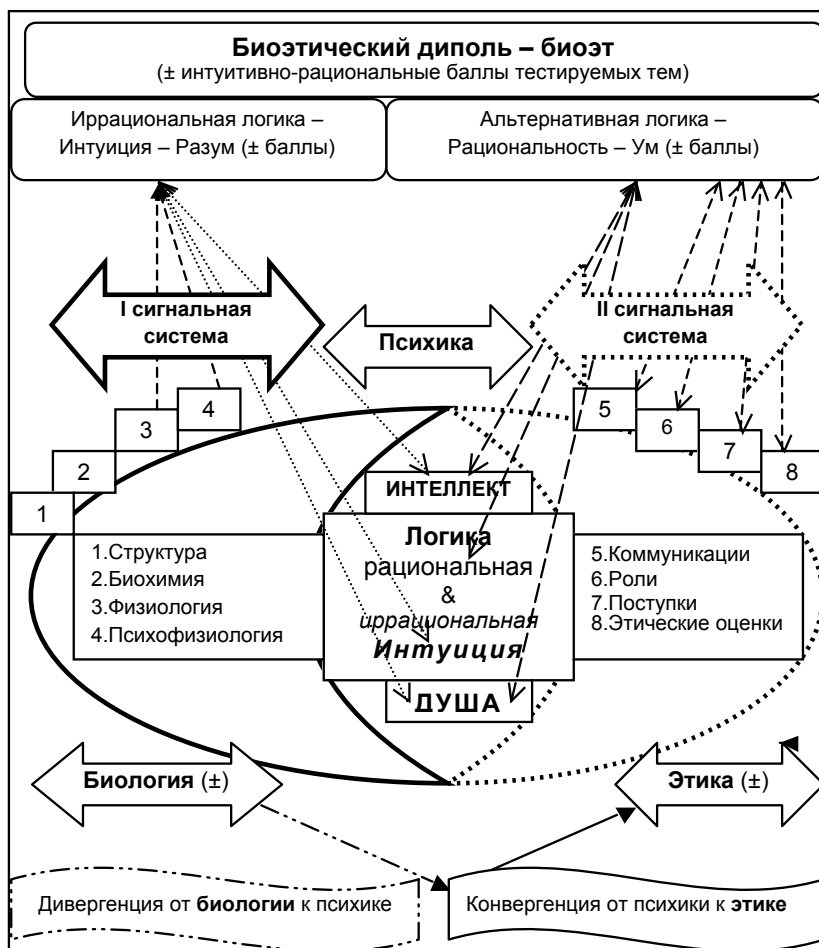


Рис. 1. Схема «Биоэтический диполь – биоэт»<sup>7</sup>. Локусы измерения параметров биоэтических диполей с помощью техноэтов: пиктологических методов «Цветография» и «Эгоскопия».

Новизна: 1) психика в центре неразрывного биоэтического конструкта; 2) единицы измерения биоэта и его субэлементов – относительные баллы.

Биоэтическая сигнальная система – это сфера практической биоэтики. С психофизиологией, этикой, наукой и религией результаты измерений БЭСС стыкуются по фактически выявленному взаимодействию и взаимоСОдействию, величине и статистической достоверности внутренне-внешних связей конкретных биоэтических диполей.

Исторически и научно сложилось так, что терминология и нормативность сигнальных систем разная, например, для I СС это возбуждение-торможение, сокращение-расслабление, всасывание-выделение и другие биофизические биполярные термины. Во II СС измеряются психофизиологические, психологические, профессиональные и личностные свойства и качества, структуры и функции – их общий тезаурус практически необъятен. Нормативность I и II сигнальных систем основана на изолированной групповой статистике.

Биоэтическая сигнальная система также имеет свои параметры: измеряются биполярные ролевые и оценочные биоэтические диполи – биоэты как виртуальные мини-субъектные агенты, по принципу их синхронного соответствия внешним пиктопсихофизиологическим экспликациям. Двойная нормативность БЭСС основана: а) на индивидуальной междипольной эгостатистике, результирующей синхронно полученные параметры I и II СС и б) на изолированной групповой статистике индивидуальных биоэтических диполей. Модуль регистрации БЭСС формируется из индивидуальных синхронно измеренных параметров I и II СС в процессе выполнения любых тестовых заданий применительно к любым оценочным критериям человека в контактной социальной группе.

Оцениваются модели «статусов» ролевых поведенческих субличностей и «функционалов» – «кентаврических» сущностей (биоэтов) приятных (+) и неприятных (-) эмоциональных состояний и моральных суждений. При оценке используется критерий статистической достоверности. Интуитивно недостоверные пиктологические модели включаются в категорию виртуальных (виртуал, виртуальный позитив / негатив), а интуитивно достоверные входят в группу самодостаточных (субличность, биоэт, достоверный позитив / негатив).

Введение указанных критериев позволяет добавить в научно-практический оборот согласованные и обоснованные моновалентные оценки биоэтических регулятивов привычной жизнедеятельности любого человека в структуре практической биоэтики, использующей новые методы диагностики, обучения и коррекции.

### **Нормальные и нарушенные функции III сигнальной системы**

Основная структурно-функциональная единица практической биоэтики – биоэт. Это конкретное «кентаврическое» состояние индивида, порождённое активностью какой-либо специализированной ролевой субстанции совокупно с физиологическим обеспечением её состояния.

Практическая биоэтика следует классической традиции понимания объективной реальности в аспекте внутреннего единства всех форм её саморазвития. Согласно этому правилу, субстанция<sup>10</sup> неизменна в отличие от перманентно меняющихся свойств и состояний: она есть то, что существует в самой себе и благодаря самой себе, а не в другом и не благодаря другому. Именно поэтому единица ролевой субстанции номинирована как биоэт, в котором социально-ролевая стандартизация неразрывно связана с этической оценкой конкретных результатов профессиональной деятельности и поведенческих поступков человека, с соответствующим психофизиологическим состоянием его телесности. Термин «биоэт» сущностно сопоставим с эмпирико-теоретическим понятием «субличность» (Р.Ассаджиоли), используемым в практической работе методом психосинтеза, но отличается от него наличием объективно измеренных параметров. В настоящее время общебиологический термин «биоэт» доступен объективной дифференциации в силу уникальной личностной принадлежности при инструментальной пиктологической диагностике ролевых моделей «я–структур» и «я–состояний».

Термины «биоэтический позитив», равно как и «биоэтический негатив», относятся к биоэтическим сущностям человека – биоэтам. Каждый из них объединяет рациональный «этический позитив/негатив» с интуитивным «соматическим позитивом/негативом» в прямой и/или перекрёстной зависимости в относительно самостоятельные биоэтические (смысло-физиологические,

интуитивно-рациональные) диполи. В тестовых заключениях биоэтические диполи обладают исключительно индивидуальными статусами «собственного позитива» и «собственного негатива» по ведущей принадлежности к интуитивной (физиологической, соматической) составляющей диполя соответственно.

Этим свойством уникальности интуитивно обусловленные самооценки значительно отличаются от терминов «морального позитива» и «морального негатива» как доминирующих социально-этических понятий в контактных социальных группах; в инструментальных рамках практической биоэтики указанные категории морали не рассматриваются.

Возможные сочетания смысловой (рационально-этической) и физиологической (интуитивно-этической) компонент в биоэтических диполях можно схематически представить как «биоэтические пазлы» (см. рис. 2), каждый из них имеет два информационных входа (впадины) и выхода (выступы)<sup>11</sup>.

Структура биоэтических диполов соответствует хорошо известным характеристикам человека в схеме «что такое хорошо и что такое плохо». Известно, что психических критериев много, поэтому так огромен язык, пытающийся охватить и описать их безразмерность и бесконечность. Число этических критериев существенно уменьшается, их основной оценочный принцип можно свести к измеряемой оппозиции «правильно / неправильно». Такое сужение через укрупнение соответствует общей философской категории «конвергенции» от психического к этическому. С помощью объективных эгоскопических и цветографических результатов в парадигме практической биоэтики жизни мы, во-первых, соединяем биологическое с этическим в неразрывной связке конкретных смыслов и психофизиологии уникальной жизненной траектории. Во-вторых, мы можем обоснованно и понятно объяснить человеку суть его интуитивно-рациональных моделей для целенаправленной биоэтической коррекции, если таковая станет необходимой из-за существенной структурно-функциональной перепутанности конкретных биоэтов индивида. Обоснованно считается, что в категориях этики: добра и зла, долга, чести, совести, справедливости, счастья, любви, дружбы, толерантности и других абстрактных с точки зрения классической науки понятий – в значительно большей степени, чем в категориях других дисциплин, выражена эмо-

циональная сторона межличностных общественных отношений. Эту эмоциональную компоненту этических понятий можно измерять и сравнивать с помощью эгоскопии и цветографии.

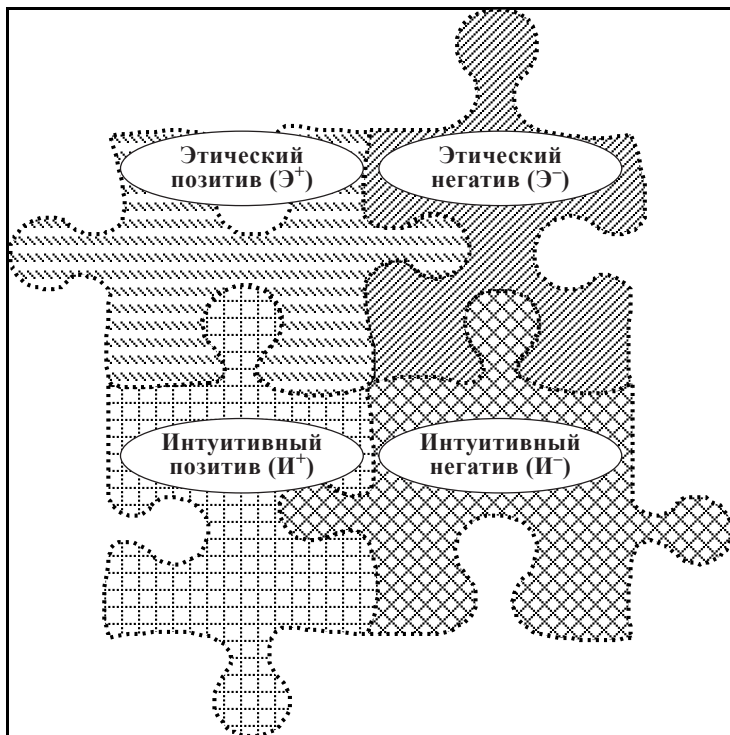


Рис. 2. Схема «Биоэтические пазлы человека». Сочетания полярных компонент биоэтических диполей, диагностируемых с помощью мультидисциплинарной технологии «Цветография» и «Эгоскопия». Каждый пазл имеет два информационных входа (впадины) и выхода (выступы). Новизна: биоэтические паттерны интуитивных и этических компонент в диполях могут быть выявлены в 2-х «прямых» (нормальных): 1)  $I^+/E^+$ ; 2)  $I^-/E^-$  – и 2-х «перекрёстных» (мутированных) вариантах: 3)  $I^+/E^-$ ; 4)  $I^-/E^+$ .

Считается, что этика дает ответ на вопрос, как должно правильно жить. Она является нормативной наукой и учением о нравственности, системой правил контроля и коррекции поведения людей, а также способом оценки человеческих поступков, их одобрения или осуждения, т. е. социальным регулятором поведения и отношений между людьми.

Биоэтическая норма предполагает, что позитивные и негативные полюсы этико-соматических диполей разводят их по разные стороны перпендикулярных логических осей. Всё довольно просто: если я делаю благое дело и получаю от этого удовольствие, то это «хорошо», что принципиально отличается от ситуации, противоположной по этическому смыслу: я выполняю злонамеренное действие и при этом испытываю неприятные эмоциональные ощущения, что «плохо». Это нормальная логика нравственного человека, существенно отличающаяся от логики «испорченных» биоэтических пазлов: делаю как бы хорошее дело, но при этом испытываю неудовольствие, а когда делаю пакости, то чувствую себя превосходно – это как извлечение извращённого наслаждения из чего-то непристойного. На рис. 2 приведена схема обоих вариантов биоэтических диполей.

Введя правила нормативности в биоэтическое измерение человека, исходящее из его природной соразмерности, мы можем обоснованно говорить о новом типе изменчивости его социальных популяций, тесно связанных с биоэтическими мутациями<sup>12</sup> на уровне III (биоэтической) сигнальной системы. Из биологии известно, что мутация – это стойкое (то есть такое, которое может быть унаследовано потомками данной клетки или организма) изменение генотипа, происходящее под влиянием внешней или внутренней среды. Мутация в физиологии – это возрастное изменение голоса человека. Мутация в биоэтике – это стойкое и социально наследуемое искажение природной красоты и целесообразности человека и его социального окружения.

С точки зрения эволюции мутации обеспечивают достаточное генетическое многообразие, чтобы позволить видам приспособиться к условиям окружающей среды путем естественного отбора. Биоэтические мутации, наоборот, нарушают естественный отбор и природное равновесие, ведут к социальным и природно-техногенным катастрофам. Однако потаённая опасность биоэтических мутаций



имеет и свою полярную полезность: она стимулирует социум к созданию техноэтов для их адекватной диагностики и эффективных средств противодействия их влиянию на эволюционный процесс.

### **Этическая шизофрения как универсальное нарушение функций III СС по типу «биоэтических мутаций»**

Известно большинство функций I сигнальной системы и способы помощи при их нарушениях и болезнях зрения, слуха, вкуса и т. д. Также известны способы помощи при недостатках II сигнальной системы – это теоретическое и практическое обучение в разных сферах профессиональной деятельности.

Нарушения III (биоэтической) сигнальной системы – это, по мнению автора статьи, аутизм, характерологические особенности, пессимизм, синдром жизненного истощения, поведенческие расстройства, «дурные» привычки, разнообразные зависимости, сексуальные поведенческие мутации, этико-соматические (психосоматические) расстройства, хронические боли и ... длинный перечень разнообразных страданий человека в традиционном обрамлении функциональных дисгармоний. Большинство из указанных диагностических терминов укладывается в модель «этической шизофрении»<sup>13</sup>.

Рассмотрим это подробнее. При обсуждении сферы действия III сигнальной системы уместно вспомнить Милтона Эриксона, выдающиеся достижения и метод которого по своей значимости сопоставимы с работами Зигмунда Фрейда. В настоящее время у «классических» медицинских специалистов существует весьма критичное отношение к эриксоновскому гипнозу и его модификациям в парадигме нейролингвистического программирования (НЛП) из-за отсутствия внятной теории метода и статистической предсказуемости результатов. Действительно, с позиций классической науки эти терапевтические техники можно отнести к сфере искусства с возможностью манипулирования результатами достижений и неудач.

С позиций практической биоэтики то, что делал М.Эриксон – работа с метафорами и ассоциациями клиентов, и то, что он оставил после себя (эриксоновский гипноз), относится к компетенции постнеклассической науки. Он, равно как и его соратники и ученики, работали и работают на уровне III СС. Но они об этом не знают, и у них нет адекватного измерительного инструмента – это

первый минус; из него следует второй минус: при отсутствии инструмента и убедительной теории, основанной на инструментально полученных результатах, становится неэффективной работа с теми клиентами, у которых количество мутированных биоэтов превышает допустимую норму. По этой же причине многие хорошие методы традиционной медицины, например, рефлексотерапия, мануальная терапия, остеопатия и т. д. дискредитируются теми «трудными» клиентами, у которых всё в голове и в теле перепутано и которые страдают, по меткому утверждению Будды Шакьямуни, от глупости и невежества.

Эти люди страдают не от «правильных» болезней, а от нераспознанной интуитивно-рациональной безысходности этической шизофрении. Такие люди изначально нуждаются в биоэтической диагностике, чтобы увидеть себя в виртуальном зеркале реальной правды как бы из зазеркалья.

Г.Бейтсон, высоко ценивший деятельность М.Эриксона, теоретически описал «психологическую шизофрению» как результат «двойного посыла» взаимоисключающих трансляций от ведущего к ведомому в близкородственных коммуникациях. Но у Бейтсона также не было инструмента адекватного измерения внутренних структур личности, порождающих такие коммуникации. С помощью цветографии и эгоскопии эти объективные недостатки устранимы, а эриксоновский гипноз и НЛП могут обрести «второе дыхание». Биоэтический подход к поведению человека совместно с пиктологической диагностикой в качестве измерительного инструмента позволяют верифицировать модель этической шизофрении как универсальное нарушение функций III СС по типу «биоэтических ошибок и мутаций».

Для понимания исключительной важности нарушений III СС следует исходить из двух её основных функций: 1) сделать так, чтобы индивид выжил в сложных условиях бытия и 2) прийти к самоидентификации на пути освоения жизненных реалий. Эти исключительно важные задачи управления решаются в парадигме «потаённой лжи» как основной системообразующей функции биоэтической (III) сигнальной системы.

Новизна теоретического и практического подхода состоит в том, что общепринятая трактовка понятия «ложь – сознательное искажение известной субъекту истины; один из трех типов иска-

жения информации (ложь, обман, неправда)» приобретает статус всего лишь частной и конкретной моральной оценки каких-либо действий. На самом же деле «ложь» есть основное имманентное свойство живых систем, обусловленное их многофункциональностью. Очевидно, что все функции индивида одновременно и на равных – кроме состояния после наступления смерти – не могут выступать на «сцене жизни», они должны «договариваться» и «врать» друг другу о своих актуальных мотивациях к действию или бездействию. Именно в этой многоролевой полифункциональной лжи и заключается основная правда жизни.

Трилемматическая<sup>14</sup> схема этих сигнальных структур такова:

Интуитивная правда и ложь – I CC / III CC \ II CC – Рациональная правда и ложь

Рассмотрим эволюцию трёх сигнальных систем в возрастной схеме «дебил» – «шизофрен» – «рационал». Ребёнок ещё в чреве матери, а родители уже волнуются: каким он будет? Оставим вне обсуждения проблему врождённых или генетических уродств и болезней. Родился нормальный ребёнок, у него всё есть, как и должно быть. Обратимся к рациональному мышлению – II сигнальной системе. С этой точки зрения новорождённый – полный «дебил»: он ничего не умеет и не знает, требует постоянного ухода, у него полностью отсутствует критика своего поведения. Он весь во власти I сигнальной системы. Это нормально.

Ребёнок растёт, развивается и, самое главное, обучается говорить. Он уже не дебил, который не способен к обучению. Следующий этап развития нормальной психики и II сигнальной системы – статус «шизофрен». Растущий малыш не умеет «красиво» врать. В этом качестве он – типичный шизофреник, который убеждён в истинности того, что он говорит и делает, а также негодует или замыкается даже во вред себе, если ему не верят. В этом он похож на молодых животных, которые ещё не обучены скрывать свои намерения и эмоции. У них так же, как и у ребёнка, III сигнальная система пребывает в стадии социального обучения и взросления.

При типичном развитии ребёнка осуществляется обучение его ролевому поведению с постепенным формированием трилеммы «объяснительная ложь»: одновременно и по-настоящему ( $\pm$ ), и по-нарошку ( $\pm$ ). Родители легко распознают наивную ложь ребёнка,

а он им подыгрывает. Инфант взрослеет, научается в одних случаях врать, а в других – говорить правду, учится исправлять свои биоэтические ошибки. Он уже не «шизофрен», а «рационал», который умеет справляться с двойными взаимоисключающими посланиями окружающего мира в свою пользу. Этим он отличается от психопата, действующего во вред себе.

Считаю целесообразным пояснить суть исследуемых понятий в парадигме актуального для многих россиян примера винопития с позиций рациональности – шизофреничности. Пьяница живёт преимущественно в хорошем настроении, и через алкоголь он добивается лучшего расположения духа. Это социально поощряемая в России форма рационального поведения. Алкоголик же живёт в негативном виртуале, страдает, т. е. испытывает душевный и телесный дискомфорт, а вином он временно устраняет страдание. Разница между пьяницей и алкоголиком заключается в том, что первый может управлять своим виртуальным эгоистом, приспособливать его к обстоятельствам окружающей жизни. Пьяница способен самостоятельно регулировать общение с Бахусом, в отличие от алкоголика, который ни при каких обстоятельствах меньше пить не будет.

Жизненное поведение алкоголика соответствует поведению шизофрена с незрелой (нарушенной) III СС, неспособного критически управлять своими субличностью. Если рациональную проблему пьянства можно исправить социально, то шизофреническая вынужденность алкоголизма требует серьёзных медицинских усилий на фоне социально-психологической коррекции.

Если в семье существует категорический запрет на объяснительную ложь, то биоэтическая сигнальная система ребёнка фрагментарно мутирует в целях приспособления для социального выживания, и он либо заболевает психически или телесно, либо соприкасается с той сферой, где ложь не просто разрешается, но и активно приветствуется. Это мир алкоголя и наркотиков. Незрелая личность через новый иррациональный опыт обретает способность лгать, лгать изошрённо и с вдохновением. Сообщаю это вам из печального опыта общения с алкоголиками и наркоманами: если из наивной лжи ребёнка делается трагедия, то калечится развитие его III сигнальной системы и нарушается естественный переход из шизофрена в интуитивно-рационального (трилемматического) человека. В этом

же варианте иррациональное страдание ума-разума одевается в социально приемлемые формы соматических нарушений. Но ортодоксальное лечение таких расстройств бесполезно, потому что оно изначально не этиологично<sup>15</sup>, а точнее не этико-логично.

### **НЛП: благо для нормальных биоэтов и зло для биоэтических мутантов**

Техники нейролингвистического программирования основаны на процессе первоначальной подстройки аналитика к клиенту и друг к другу для последующих модификаций. После добавления диагностической опции НЛП, конечно же, приобретает статус технологии со всеми её атрибутами. Фактически НЛП – это естественный процесс настройки биоэтических сигнальных систем индивидов для обмена актуальной информацией.

Но! Если общее число мутированных биоэтов у коммуникантов превышает критическую массу – это требует специального исследования – или биоэты аналитика и реципиента принципиально настроены по-разному, то желаемого терапевтического эффекта не будет. Или он будет с «точностью до наоборот». С этих позиций НЛП несёт зло для носителей большого числа биоэтических мутаций.

И наоборот, если у человека в процессе его развития по каким-то причинам произошло виртуальное тиражирование нераспознанной ошибки и образовалось минимальное число биоэтических мутаций, которые существенно мешают проявлениям его природной добродетели и красоты поступков, то НЛП для него явное благо.

Но! И это ещё раз подчёркиваю: прогноз эффективности НЛП можно сделать только после объективной диагностики с помощью имеющихся в наличии методов цветографии и эгоскопии.

И далее, пожалуй, самое главное: результаты пиктологической диагностики нужно обязательно обсуждать с клиентом в теоретическом ключе практической биоэтики. Человек должен сам об этом услышать и воочию убедиться в том, что у него действительно есть не только нормальные, но и мутированные биоэты, есть ошибки и есть умыслы. Они как интуитивно-рациональные рассогласования собственного этического позитива и/или негатива явно мешают индивиду, и только тогда у него может появиться осознанная мотивация к нейролингвистической коррекции, когда он увидит своих внутренних «врагов».

Эгоскопия и цветография – это мультидисциплинарные технологии объективной пиктологической диагностики интуитивно-рациональных паттернов личности на ассоциативном уровне биоэтической сигнальной системы.

В процессе пиктологической диагностики синхронно измеряется скорость и величина реакции модальностей биоэтической сигнальной системы относительно индивидуальной значимости тестируемых тем.

Предназначение пиктологической технологии:

основное – дифференциальная диагностика относительной величины и этической полярности нормальных и перепутанных (мутированных) биоэтических структур и состояний «собственного позитива» и «собственного негатива» индивида и группы индивидов;

дополнительное – дифференциальная диагностика истинных и ложных (ошибочно перепутанных и/или умышленно искажённых) интуитивно-рациональных отношений человека (контактной социальной группы) к любым аспектам своей и чужой жизнедеятельности в парадигме гуманитарных рисков.

Научные дисциплины и сферы практической деятельности, в которых можно использовать мультидисциплинарную технологию «Пиктологическая диагностика + НЛП», весьма разнообразны.

1. Социология и политика.
2. Гуманитарная экспертиза информированного согласия.
3. Практическая биоэтика.
4. Лингвистика – смысло-физиологическое измерение речевых актов, в частности их пиктологутивной силы.
5. Культура – объективное определение толерантности к другим культурам.
6. Обучение – объективное определение сродства к будущей профессии.
7. Граница философии и естественных наук в индивидуальном измерении.
8. Психофизиология.
9. Объективный контроль эффективности лекарственных средств, реабилитационных мероприятий.
10. Медицина – биоэтическое здоровье, страдания и психосоматические болезни.
11. Диагностика неосознаваемых доболезненных состояний, синдрома жизненного истощения, этической шизофрении.
12. Выявление неосознаваемых проблем профессиональной, социальной и личной жизни.
13. Кадровый и профессиональный отбор претендентов на эксклюзивные виды профессий: операторы в энергетике, атомной и нефтегазовой сфере, диспетчеры на транспорте, лётный состав, сотрудники силовых структур, руко-

водители различного уровня. 14. Выявление степени корпоративной лояльности. 15. Выявление скрываемых патологических пристрастий и зависимостей (наркомания, алкоголизм и т. п.) или предрасположенности к ним. 16. Безопасность, связанная с человеческим фактором. 17. Юриспруденция, правоохранительная и судебно-правовая деятельность. 18. Спорт высших достижений. 19. Психология – инструмент объективной диагностики внутренних структур и состояний человека в контекстах практически любой теоретической парадигмы. 20. Педагогика – инструмент объективной психологической диагностики неосознаваемых причин плохого освоения учеником школьной программы, проблемного поведения школьника, а также его интуитивно-рациональных предпочтений при выборе сферы будущей профессиональной деятельности. 21. Бизнес – деятельность в самых различных отраслях производства и оказания услуг.

Другие сферы и ряд других направлений: инструментальные возможности психологической диагностики позволяют использовать её в качестве инструмента измерения личностного потенциала человека во многих других областях человеческой жизнедеятельности, а эффективные техники НЛП – как биоэтическое благо конструктивных изменений.

### Заключение

Удивительный язык метафор, иносказаний, юмора, пословиц, культурных ритуалов и прочей бытовой символики через биоэтические сигнальные системы напрямую и эффективно соединяет телесность и этику совершенно разнородных людей в самоорганизующийся коммуникативный социум. При этом, как и должно быть в любой живой системе, неизбежны биоэтические ошибки и мутации. Они вносят дезорганизацию и формируют гуманитарные риски.

Технические приёмы НЛП эффективно работают языком III сигнальной системы на высшем уровне человеческого бытия – на уровне виртуального, т. е. интуитивно порождённого индивидуального «Бога», и именно поэтому иногда вызывают непонимание у тех представителей *homo sapiens*, которые по разным причинам не доверяют алгоритмам собственной иррациональной логики. Виртуальный «Бог» – это метафорическая «центральная мудрость лжи» на-

шего «ума-разума». Она потаённо ведёт нас по всем дорогам жизни. Интуитивный разум воспринимает, чувствует, обдумывает, анализирует и советует, как правильно поступить. Но хитрость, глупость и гордыня рационального ума не верят разуму. И тогда мудрость как бы включает вынужденную паузу. В это время ум творит свой рациональный артефакт, что приводит к общей ошибке III сигнальной системы «ума-разума». Как капля за каплей порождают лужу, так ошибка за ошибкой порождают поступки и характер, который порождает неправильную судьбу. И наоборот: ум и разум «дружат» и помогают друг другу и вместе порождают счастливую судьбу.

Судьба индивида – это не чей-то злой или добрый рок, а всего лишь свой порождённый виртуальный «ребёнок». Когда человек получает возможность соприкоснуться с творчеством своего «ума-разума» и увидеть, где он производит правильные действия, а где неправильные артефакты, только тогда появляется у него шанс изменить свою судьбу в лучших традициях гуманистических достижений цивилизации.

Объективная пиктологическая диагностика с помощью цветографии и эгоскопии помогает верифицировать ошибки и умысел, нормальные и мутированные биоэты индивидов, что в свою очередь позволяет перевести техники НЛП на уровень самостоятельного метода практической биоэтики. Вместе с диагностикой НЛП приобретает собственное теоретическое развитие, основанное на специальных методах исследований вкпе со стандартизированными техниками модификаций интуитивно-рациональных структур.

Введение в практику НЛП синхронного измерения модальностей III сигнальной системы позволяет вывести эффективный метод коммуникативной биоэтической терапии на новый уровень развития.

### Примечания

- <sup>1</sup> Термин происходит от лат. *signum* – знак и греч. *systema* – целое, соединение; англ. – *signal system*.
- <sup>2</sup> Биоэтическая сигнальная система (БЭСС) – термин Г.П.Юрьева, 2009 г.
- <sup>3</sup> Пиктологическая диагностика (от лат. *pictus* – «рисовать» + греч. *λόγος* – «речь», «рассуждение», «мысль») – распознавание смысла информации по специальным алгоритмам оценки психофизиологических коррелятов биоэтических моделей испытуемого, которые он использовал в рисуночных ответах на задания теста – термин Г.П.Юрьева, 2010 г.



- 4 Заявка на изобретение «Способ диагностики психофизического состояния индивида» № 2009123124 от 18.06.2009 г.
- 5 Патенты № 2319444, 2289311, 2283670; патенты на полезную модель № 61111, 77149; свидетельство на товарный знак «Эгоскоп» № 314666.
- 6 Следует пояснить, что управленческая виртуалистика является предметом теоретических и практических исследований в парадигме естественной виртуалистики, основанной Н.А.Носовым. Виртуальность имманентно присуща человеку, и с этих мировоззренческих позиций техническая виртуалистика есть реальное порождение природной. Этот подход продолжает разрабатываться соратниками и последователями Носова, в том числе в Институте философии РАН.
- 7 Автор схемы «Биоэтический диполь – биоэт» – Г.П.Юрьев, 2009 г.
- 8 Термин «биоэт» в научно-практический обиход ввёл В.И.Моисеев, см. статью «Биоэтика – наука о биоэтах» в журнале «Трудный пациент» № 1–2007. Цит. по: [http://www.t-patient.ru/archive/tp1-2007/tp1-2007\\_248.html](http://www.t-patient.ru/archive/tp1-2007/tp1-2007_248.html)
- 9 Термин «техноэт» в научно-практический обиход ввёл Г.П.Юрьев (2009) для обозначения физических инструментов, имеющих прямое отношение к этической деятельности людей. Понятие «техноэт» развивает и наполняет гуманитарным содержанием идею «постава» (*Хайдеггер М.* Вопрос о технике // *Время и бытие.* М., 1993). Хайдеггер достаточно убедительно показал в своих работах, что человек берёт из природы наличествующий в ней материал, чтобы поставить новый полезный продукт с заданными свойствами. «Постав» (*Gestell*) – это **скрытая сила, порождающая сущность и феномен** современной техники. Но это, по Хайдеггеру, не просто сущность техники, а некое таинственное начало, порождающее её. С позиций виртуалистического понимания бытия автор статьи считает, что «постав» – это творящая часть *virtus(a)* техники так же, как самообраз – это творящая часть *virtus(a)* человека. Следовательно, и биоэты, и техноэты относятся к порождениям самообразов. В техноэте естественная виртуалистика биоэта с помощью «постава» совершает «кентаврическую» метаморфозу на новый техноэтический уровень.
- 10 Субстанция: лат. *substantia* – сущность; то, что лежит в основе. С теоретических позиций Г.П.Юрьева первичной порождающей субстанцией является многофункциональная «память» в двух основных переходящих друг в друга формах «плотности» и «пустоты» в череде и совокупности «пространств» и «времён». Функции памяти порождают из плотности тела, из пустоты – смыслы.
- 11 Автор схемы «Биоэтические пазлы человека» – Г.П.Юрьев, 2009 г.
- 12 Автор термина «Биоэтические мутации» – Г.П.Юрьев, 2009 г.
- 13 Автор термина «Этическая шизофрения» – Г.П.Юрьев, 2009 г.
- 14 *Юрьев Г.П.* Трилемматические миры // *Филос. науки.* 2007. № 8.
- 15 Этиология (от греч. *aitia* – причина и *logos* – учение; англ. **ethiology**) – изучение причинности, особенно болезней, социальных патологий и т. д.

*М.А. Пронин*

## **Водка-менеджмент, или Антропология русского застолья**

Уж если говорить начистоту, предлагаемая статья не является ни эпатажем, ни шуткой. Разговор пройдет вполне серьезный с вполне прагматичными целями.

Руководители умеют пить. Российские – в особенности. Конечно, здоровье руководителю помогает. Среди руководителей люди со слабым здоровьем, как и со слабым типом нервной системы, не встречаются.

Психофизиологическая врожденная наделенность руководителей силой, конечно, в их умении пить важна. Вполне уместно знание ими правил поведения и приличия за столом. Но в целом все это мало помогает искусству питья.

Главное, что выделяет руководителей среди других, – это их способность интуитивно улавливать динамику событий за столом и пользоваться неписаными правилами застольной жизни. Обывательские знания, умения и навыки в застольном мире не те оси координат, что придают остойчивость руководителю в этом пространстве. При раскрытии метафизики российского алкогольного стола можно будет увидеть, что почти все современные теоретические модели управления, как западные, так и отечественные, в системном плане характеризуются меньшим разнообразием, чем пространственные конфигурации российского задушевного застольного разговора. Общеизвестно, что неписанные правила открываются отнюдь не всегда и не каждому. Причем чаще всего в изустной коммуникации. Иными словами, они относятся к сокровенному знанию.

Во время короткого «откровения» приоткроется дверь в интимный мир развертывания коллективной телесности, сознания и личности в духовном пространстве застольной встречи. В мир превращений и движений времени за российским столом, что не менее занимательно и уж совсем не очевидно. Вообще, настоящая «пьянка» определяется совсем не дозой выпитого. Раскрытие ее антропологической анатомии направлено на углубление понимания интимных, скрытых пружин, дающих дополнительную мощь российским управленцам. Западные коллеги, возможно, поймут, что русскую водку они по настоящему еще не пили. Думается, что многим российским руководителям станет стыдно, что «слона-то» за столом они никогда и не видели. Иными словами, если говорить прагматичным управленческим языком, речь пойдет о философии управления, ее парадигматике: где стоять, о чем думать, куда идти и что делать. Или не делать.

Тема статьи жизненная. Любой руководитель знает, что его человеческий посыл должен быть сильнее, шире и глубже профессионального: именно это привлекает к нему людей, время, пространство и блага. А посему статья поможет руководителям в проработке философии своей жизни: в умении видеть, находить и выстраивать правду и красоту человеческих отношений.

Кроме того, любой долгожитель вписан в ландшафт жизни. Поэтому настоящая работа направлена на укрепление виртуса профессионального и личного долголетия российских руководителей.

Ну, и наконец, еще одно предупреждение. Жанр статьи – рассказ от первого лица.

Существует много категорий людей, как мы понимаем классификации таковых. Но есть проповедники, а есть исповедники, страдальцы...

Ян Вениаминович Чеснов – мой старший коллега и во многих жизненных вопросах авторитет – как-то сказал:

– Ты, Михаил, исповедальный человек вообще-то.

– А что это такое?..

– Ты, – говорит, – рассказываешь только про то, что сам пережил. А очень много тех и всяких, которые начитаются книжек, а потом это все пересказывают.

Так вот, я буду рассказывать про то, что сам пережил, осознал и понял. Поэтому, уж извините, не смогу обойтись без зарисовок с натуры.

### Как у вас там сеют брюкву – с кожурою али без?

– Тимофеич! Дома? – донеслось с улицы.

Я приехал к отцу в деревню как раз к полудню, и мы сели на веранде обедать.

- Дома, заходи, Николай Юрьевич! – отозвался отец.

В дверь заглянул местный житель:

– Тимофеич, выйди на минутку!

– Ко мне, видишь, сын только что приехал, обедаем – зайди к вечеру. Не обижайся.

– Да ко мне тоже сын приехал! Мне тоже к обеду, выйди – надолго не задержу!

– Что, так срочно?

...

– Ну, Тимофеич, – выйди! Я тебя прошу.

...

Отец с раздражением встал из-за стола, мать стала звать гостя отобедать. Тот отказался. Отец вышел.

Мамуля принялась меня с дочерью потчевать. «Отец как всегда пропал – сели обедать, а его нет!» – злилась мать.

Наконец отец вернулся. Сел за стол.

– Опять все остыло! – вырвалось у мамы. – Толь, чего Николай заходил? Чего так срочно? И ты зачем пошел!?

– Да сын к нему тоже приехал! Я ему картошки дал.

– А!.. Чего, подождать не мог?

– Да тоже обедать собираются! Понять можно. Ну, ладно, Миш, как дела?

Пошел застольный семейный разговор: сын, внучка приехали погостить. Какие новости, как мы доехали, как они в деревне летом живут и пр.?

По ходу разговора я озадачился вопросом:

– Пап, а что у Николая картошки нет?

– Нет.

– Как нет? Середина лета, и уже нет? Закончилась?

– Да у него и в начале лета не было.

– Не понимаю? Что, он картошку не садит?

- Садит.
- ...? Чем твоя картошка отличается?.. Сорт другой?
- Такой же.
- И он к тебе за картошкой пришел?
- Сам видишь. Пришел.

...

- Не понимаю, пап.
- Ты – сын – спрашиваешь, что я делаю? А ты вообще-то видишь, что я делаю? Вон выйди посмотри на огород!.. Выйди, выйди!
- Да пусть сидит ест! Миш, не ходи, – вмешалась мать.
- Не мешай. Пойдем вместе посмотрим. А ты пока нам как раз второе подашь.

Мы вышли в сад. За ним начинался огород.

Июль, «макушка» лета, и начало августа в средней полосе России – особое время. Прогретая земля. Знойное солнце. Воздух горячий-горячий – прямо обволакивает. Желтеющая на солнце трава и благодатная тень с ку-сочком прохлады. Цветы. Сады с первыми яблоками. Малина уже прошла. Земляника и черника в самом ходу. Смородина подходит. Лепота.

- Ну что, видишь? Вот это что?
- Чистая поляна, – отвечаю.
- А это?
- Да хлеб посеян. То, что не овес – точно. А так – не отличи издалека.
- Пшеница. Что скажешь теперь?
- Зачем тебе пшеница?
- Миш, мне она не нужна. Я ее перепахиваю, а потом на этом месте картошку сажаю.

А поляна – это пары. Перепахиваю и озимые засеваю. И место посадки картошки тоже меняю... Тебе картошка понравилась?

- Даже без масла ел.
- Вот, вот!
- И что, никто кроме тебя так картошку не сажает в деревне?
- Конечно! Дураков нет – сколько раз надо заплатить трактористу? А за зерно? Золотой выходит.
- А с плохой что делаешь? – брякнул я.
- Плохой нет. А из прошлогдней, что на посадку не пошла и не дое-ли до молодой... – самогон мне из нее гонят!

...

- На четвертый год?

...

- Да.

- ...
- Как коньяк получается?
  - Не коньяк, но не хуже.
  - Так Николай за этой картошкой приходил?
  - За ней, за ней!

Вообще Николай – местный «кулак» и при советской власти, и при нынешней. Потомственный.

В деревне все знают всех. Отец, хоть и ездит в деревню уже более сорока лет, считается «дачником». Правда, как говорят некоторые «ключевые» жители, он единственный из дачников, которого они уважают.

Первый двухэтажный дом, что построен в деревне, – у отца. Деревянный брус, двадцатка.

Николай, что заходил, поставил себе двухэтажный кирпичный... гараж.

– Николай, а зачем тебе гараж со вторым этажом? – спрашиваю я у него.

– Да летом иногда хожу на втором этаже спать – если поздно приезжаю, – отвечает он.

– Слушай, у тебя дом, у жены у отца дом, один он в нем живет, мать твоя одна в доме живет, и все дома огород к огороду. Зачем в гараже спать? Молчит.

Другая задача: все должны видеть, что он – хозяин не хуже москвичей: у него тоже есть два этажа!

Деревня российская развивается через подражание, через «обезьянничанье» в хорошем смысле этого слова. Построит кто-нибудь летнюю кухню – постепенно все начинают кухнями обзаводиться. Поставит кто-то баню во дворе – все друг за другом ставят.

В советское время в Белоруссии так деревни обновляли: ставили новые дома на въезде и на выезде из деревни. Постепенно вся деревня начинала строиться. «Строится» – это слово такое, означающее то, что имярек строит себе новое жилье.

Самое страшное в деревне быть первым и последним. Первым – жена одернет: «Сиди, дурачина, простофиля, куда лезешь!» Последним – опять же жена: «Чего сидишь, у всех уже есть, и нам бы давно пора!..»

Скажете: на то она и деревня! Ну-ну. И я так думал, пока в Философском поезде по стране не проехал<sup>1</sup>.

Как-то меня пригласили выступить в МГТУ имени Н.Э.Баумана. Тема конференции была «Инновации...». Много я там слушал про нанокибернетику, наноэлектронику, нанотехнологии... Интересно. Но как-то не очень весело все проходило...

Послушал, посмотрел я на все это и говорю: «Коллеги, я мало чего буду говорить про нанотехнологии, но проблемы развития инновационной сферы России стары как наш национальный мир. Если Вы начнете правильно что-либо делать, по-настоящему, то окажется, что ваш продукт либо никому не нужен, либо никто вам за него не сможет заплатить справедливую цену». И рассказал им историю с картошкой и самогоном... Народ, что называется, проняло... Через пару дней мне позвонил один из молодых организаторов конференции и поделился своим решением, что больше заниматься инновациями он не будет. История с самогоном уж больно отрезвляюще подействовала.

### Откуда приходит гость?

Гость и хозяин – фигуры сакральные в пространстве жизни.

Вообще в русских деревнях, когда люди приходят сами, когда их не звали, они в дом не заходят, а топчутся где-то на улице. Не принято заходить. Даже если тебя пригласят, то все равно человек старается не заходить. Тем более, если предложат пройти в горницу. В чистую половину ты его даже за руку не затащишь, потому что это не положено – ты же не в гости пришел...

Приезжаю к своему двоюродному брату на его свадьбу в дом к его будущей жене. Семья грузинская, старинная, интеллигентная. Из поколения в поколение они в Питере живут не один десяток лет, с конца XVIII в. Мама будущей жены говорит: «Михаил, оставайтесь у нас ночевать. Никуда не ездите, оставайтесь». Я соглашаюсь. Она меня кладет в кабинет к своему отцу. Папы ее уже давно нет в живых. Я понимаю, глядя на этот кабинет, что он нежилой какой-то, хотя там стоит диван, покрытый старинным грузинским ковром, валик под голову. Ночую. И на следующий день свадьба.

<sup>1</sup> Пронин М.А. Дары востока – аршин российский // Филос. науки. 2009. № 7. С. 169–186.

Вечером уже молодая жена говорит:

– Миша, вы знаете, я так на вас смотрю, что-то вы маме очень понравились.

– Да? С чего вы взяли?

– В комнате у бабушки после его смерти никто никогда ни разу не ночевал. Вы там первый легли. Мама в его комнату никого никогда не пускала.

После свадьбы я уехал, на второй день не остался ночевать. Как-то, честно говоря, и не захотелось после такого откровения. Но где-то дней через пять – шесть я вновь приезжаю в семью двоюродного брата, и меня оставляют ночевать. Но в этот раз меня уже не кладут в кабинет. Я благополучно сплю в общей комнате на диване, а в том кабинете живут молодые, там уже другая жизнь кипит. Уже другая судьба. Другая семья, другое пространство. Вообще все другое.

Поделился этой историей с Я.В.Чесновым, на что он дал мне разъяснение. Настоящего гостя кладут на место покойного, если человека принимают как гостя. Гость, согласно народным поверьям, приносит хозяину блага. Шесть оставляет хозяину, а одно забирает с собой...

Получается так, что можно зайти к кому-то в дом, но так и не стать гостем.

И вообще приход гостя является сакральным событием в жизни семьи. После этого начинается какое-то новое время.

Более того, по рассказу все того же Я.В.Чеснова, в Сибири человек обязан зайти в первый на его пути дом, чтобы попроситься на ночлег. Ни в коем случае не выбирать – это неэтично! Он должен зайти «куда-нибудь» в связи с значимой ролью гостя (ведь он несет благо!).

Поэтому многие из нас в гостях бывали не раз, но гостями так никогда и не были...

История эта имела и застольное продолжение. Но я уже имел необходимую теоретическую подготовку.

Как-то уехал я в командировку в далекий регион. В конце работы в этом далеком регионе нас пригласили в баню. Я через какое-то время понял, что в последовавшем застолье принимает участие мэр города...



В конце-концов доходит очередь и до дорогих гостей – с ответным словом. Не только мы там были, а целая «группа товарищей».

Потихоньку «очередь» движется в мою сторону. Я про себя прикидываю, что можно, нужно, должно и что хочется сказать...

Предоставляют слово мне. Встаю. Но меня вдруг опережает один из сидящих во главе стола.

– А ты кто такой? – спрашивает он на ты, причем не очень-то ласково.

– Я?..

– Да, ты!!

– Я, – отвечаю, – гость. А гость, согласно народным поверьям, приходит из царства мертвых!..

Выдерживаю паузу.

Коллега, что привезла меня в регион, медленно начинает вжиматься в стол. Тишина наступила буквально гробовая.

– Гость и хозяин – фигуры сакральные в пространстве жизни, – продолжил я. – И гость приносит с собой семь благ. Шесть оставляет хозяину. Одно забирает с собой...

Спросивший было попытался как-то среагировать на мой ответ. Но мэр его остановил движением руки: «Пусть говорит!»

Пришлось мне шесть благ «доставать на ходу» и говорить о том, какое я «увожу» с собой.

Потом оказалось, что я так ответил представителю региона в Совете Федерации... Сенатору.

Чтобы выпить за сказанное – поднялись все. И сенатор тоже. Но в глаза он мне больше не смотрел.

### **Откуда такая тема – про водку?**

Тема «Водка-Менеджмент» мне показалась несколько лет назад достаточно интересной. Обычно я чем-то занимаюсь, когда самому интересно – это раз. А второе – то, что мне интересно, иногда преподношу в виде подарка.

Впервые тему эту я преподнес несколько лет назад как подарок своим зарубежным коллегам.

В 2006 гю в Москве проходила XIV Международная конференция «Open Space On Open Space» – «Открытое Пространство об Открытом Пространстве». К нам собрались более 60-и специалистов со всего мира по работе с большими группами людей.

Вы, наверное, не знаете, что это такое? Одна из технологий, с которыми они работают, – «Открытое Пространство». И таких практиков мы здесь в Москве и принимали. Раз в год они собираются в одной из стран по всему миру и обсуждают то, что их реально волнует. Среди наших гостей были профессионалы, которые проводили конференцию численностью в 2300 участников. Вообще к нам приехали из Австралии, из США, из Канады, из Норвегии, Финляндии, Германии, России, Украины, Турции, Непала, Китая, Тайваня.

Представитель Непала жил у меня дома. Звали его Нетра. Фамилия Кепфле. Естественно, я его принимал, как родного. И как над родным немного подшучивал, подтрунивал. Старался чем-то удивить.

– А какая у Вас соль в Непале? – спрашиваю.

– Обычная, белая.

А я в ответ говорю:

– У нас в России – черная.

Кто видел черную соль в России? Есть люди, которые видели. То есть я уже не вру во всяком случае. Доставал черную соль с полки. Это национальный наш продукт. Обычное дело на русском севере, в костромской губернии... Те, кто черную соль никогда не видел, уже не могут считаться россиянами, потому что у них где-то корень оборван. Шучу конечно. Но угощал непальца черной солью.

Потом задал ему вопрос:

– Скажи, пожалуйста, у Вас в Непале мед есть?

Он говорит:

– Да, конечно.

Скажи, пожалуйста, а огурцы у Вас растут? – продолжаю интересоваться.

– Растут.

– А ты знаешь, как русские едят мед? С огурцами!

– Мы никогда не пробовали.

– Давай сейчас попробуем. Поели мед со свежими огурцами.

Садимся пить чай.

Скажи, пожалуйста, у Вас сахар какой?

Гость уже чувствует подвох и говорит:

– Есть коричневый, тростниковый, а есть белый, рафинированный.

Я говорю:

– У нас есть еще зеленый, только он очень-очень сладкий. В свое время у нас сахар выпускали повышенной «сладкости». Он раз в 5 или в 10 слаще обычного. И чтобы его отличить, не перепутать с обычным, его окрашивали, уж я не знаю чем, то ли чаем, то ли еще чем-то. В общем, он зеленого цвета. Накормил я его этим зеленым сахаром.

Он говорит:

– Да, действительно, очень сладкий.

Но он все равно меня «срезал». Оказывается, у его отца, живущего в сельской местности, кроме поля, есть еще и лес. И в этом лесу водятся носороги.

Я, конечно, знал, что кроме африканских носорогов есть носороги и азиатские. Но про азиатских я как-то призабыл.

Когда человек, отвечая на вопрос: «А у нас в квартире – газ. А у вас?», – говорит, что «у моего папы на участке в лесу носороги живут», конечно, это становится немножко обидно. Но тем не менее понимаю, что это была «мсть» за черную соль, мед с огурцами и зеленый сахар. Три дня гость искал адекватный непальский ответ на русские разносолы...

И вот тогда, желая взять реванш, я угостил всех участников конференции российским самогоном, провел мастер-класс на тему «Водка-менеджмент» и рассказал о метафизике русского застолья.

Последствия «переживаю» до сих пор. Когда иностранные коллеги меня характеризуют как партнера, то обязательно скажут про «лунный свет» (так на английском называется самогон) и про то, что меня надо при встрече «раскрутить» на рассказ про водку...

### **Какой первый тост?**

В деревнях, если вы пришли незванным, то всего лишь в одном случае вы можете сразу же пройти в дом, причем без спросу, подойти к столу и сесть. В том случае, когда идут поминки. Считается, что тебя «пригласил» покойный и ты можешь зайти, ни у кого не спрашиваясь, пройти. Понятно, что вытереть ноги, снять шапку, зайти, сесть за стол и начать делать то, что ты должен делать. Во всех остальных случаях поход в гости – это всегда (опять же без приглашения) поход к человеку, который для тебя достаточно родной. А в чем родня? Родня, конечно, в какой-то общей телесности

прежде всего. И поэтому метафизика российского застолья всегда начинается с того, что мы видим друг друга. И первый тост какой у нас обычно?

- За встречу!
- За знакомство!
- Здорово, что собрались!

А если мы с утра уже, что называется, нагляделись друг на друга на работе, а вечер хотим продолжить за столом? Все равно: «Ну... – за нас!» – первый тост. Так ведь?

Тогда первый тост, собственно говоря, это тост за общую телесность, за нас с Вами. Первый шаг в организации совместного пространства застолья – это «создание» совместной общей телесности.

Что такое общая телесность?

Телесность – как раз тот самый «слон», которого, как правило, люди за столом и не примечают.

Но продолжим. И если мы подходим к кому-то, когда мероприятие, или на современном языке «коктейль пати», уже идет и маленькая группа товарищей стоит, то встреча начинается с того, что тебя видят и тебе наливают. Есть у тебя рюмка или фужер и есть ли что-то в них или нет – все равно: тебя увидели и тебе добавили общинного, общего, включив полноправным (полновооруженным) участником разговора.

Если поговорить про то, что «тебя увидели», разобрать подробнее феномен «узрения» (творение мира рассматривать не будем, как и обращение Авраама к Богу: «Хиннани! – Узри меня!»), то на некоторых языках – кросс-культурные отличия и параллели – кто-то говорит при встрече «добрый день», кто-то желает здоровья «здравствуйте», а у кого-то на языке приветствие означает «я тебя вижу». Буквально. В частности на некоторых кавказских языках или на зулусском («сан бананью») в Южной Африке.

У некоторых народов когда мужчина видит женщину и когда говорит: «Я тебя вижу» («Сара бара бзиу узбойт!» – на абхазском языке, пример Я.В Чеснова), это тоже означает простую вещь: это объяснение в любви.

Я тоже вспоминаю, как-то ехал на работу, был тогда еще совсем молодым. Еду в троллейбусе, весна, смотрю: девушка какая-то едет. Вместе в одном и том же учреждении работаем. И тут я ее увидел и думаю: «О какая!» А так три года ездим, друг на друга смотрим, но не замечаем, а тут я вдруг увидел ее...

Поэтому первый шаг, конечно, это «я тебя вижу» и формирование общей телесности. Поэтому в гости мы можем поехать опять же только к тому, кто представляет какую-то нашу общую, совместную телесность. Или чем-то дополняет нашу телесность до целостности.

Как такое «дополнение» происходит? Вот коротенькая новелла из жизни.

### **Почем сейчас верблюды в Заире?**

Рассказывал уже не раз, что меня поражают или, скорее, завораживают люди, которые «вписаны» в пространство жизни.

Представьте: май-июнь, солнышко, московский троллейбус, Бульварное кольцо. Он грохочет, трясется, медленно ползет. Еду я и Чеснов Ян Вениаминович... У нас взаимообмен идет с ним очень интересный. Вообще он человек недюжинного опыта, и, на мой взгляд, один из крупнейших современных антропологов-практиков. И Андреев Игорь Леонидович – африканист.

Андреев знает языки шимпанзе, горилл. Он член нескольких королевских родов африканских племен. Его приняли. Он – принц.

Значит, как-то едут виртуалист, африканист и антрополог в жарком и пыльном солнечном московском троллейбусе. Представляете, остановка – грохот заканчивается, объявление, двери открываются, тишина... Пронзительная.

Андреев собирается выходить, прощается... Вдруг Чеснов его окликает: «Слушай, Игорь (они ровесники), скажи, пожалуйста, а почем сейчас верблюды в Заире?»

Тот останавливается в дверях. Оборачивается. Долго секунды ошарашенно смотрит на Яна.

Представляете: московский троллейбус, и на весь троллейбус: «Почем верблюды в Заире?» Такая тишина!

Мгновение и в глазах его появляется хитринка:

– Ты знаешь, Ян, наверное, баксов по 50.

– Возьму, – говорит, – по 50.

И вроде как разговор закончен... Надо выходить! Но троллейбус стоит. Водитель не спешит закрывать дверь, он все слышит и понимает: люди о важном говорят.

– Но видишь в чем дело, Ян, – Андреев веселым голосом охватывает тишину троллейбуса, – ты только учти, если тебе там поджениться надо, то тебе нужен белый верблюд. Белого дешевле, чем за 150, ты не купишь.

– Сто пятьдесят?

– Не меньше!

– Ага...

– И потом, ты человек солидный, тебе надо минимум два. Ты же хорошую жену будешь брать?!.

– ...

Как вам картина?

Сидят наши российские женщины, мужчины в троллейбусе, захваченные жизненным разговором: два зрелых колоритных бородастых джентльмена обсуждают, почему верблюды в Заире, и как там недешево поджениться, и почему такая маята с белым верблюдом...

Вот так дополняют нас гости и, невольно подслушанные разговоры и события в жизни до целостности.

Андреев махнул рукой, вышел. Водитель закрыл дверь. Троллейбус задрезбужал, загрохотал. Пассажиры уже не смогли вернуться к своим книжкам, газетам и мыслям. Они исподволь смотрели на нас с Яном. Я это видел. И чувствовал, как на меня падают теплые лучи первого летнего солнца и свет славы, что исходил от Чеснова. Окружающие его увидели.

Есть такая фраза: человек на виду у всех. Вот за столом – все на виду.

### **Чем пьянка отличается от застолья?**

Если послушать женщин, жалующихся на мужчин, которые «злоупотребляют», то, как правило, они восклицают: «Опять эти бесконечные пьянки!»

Чем отличается застолье и встреча за столом от пьянки, если говорить про метафизику водки? Тем, что у пьянки нет конца. Правда, вы можете заметить, что у любого запоя есть окончание. Да, это так, если разбирать клинику алкоголизма, но эта тема совершенно другая. У запоя есть конец, но физиологический – когда организм уже не справляется.

Так вот. У всего есть начало, середина и конец. Но, с другой стороны, мы должны понимать, что есть какая-то остановка в пути. Тот же Чеснов Ян Вениаминович, про которого я уже говорил, рассказывал: «Как-то иду я по одному абхазскому селу на Кавказе. Из дома выходит мужчина, останавливается и рукой перегораживает мне дорогу. Говорит: “Зайди, чтобы я человеком стал... Гостем будешь”. Я прохожу к нему во двор и по местному обычаю становлюсь гостем на три дня. Есть начало, есть конец. Меня принимают. Есть отдельный гостевой дом. Помещение, где я живу. Опять же все это сопровождается определенным ритуалом. Но тем не менее все равно есть начало и конец.

...Один гость задержался в чеченской семье несколько дней. Когда уходил, жена сказала мужу: “Какая у гостя спина красивая!”».

Если говорить про застолье, если говорить про метафизическое пространство, что возникает за столом, как бы мы его ни называли: духовным, психологическим, антропологическим, субъектным, этническим – у каждого есть то название, которое человек считает для себя приемлемым, в данном пространстве свои законы и время.

Мы уже коснулись пространства телесности, а сейчас мы обратим внимание на пространство сознания.

В нем либо человек остается, и тогда у него есть понимание, когда этот процесс должен закончиться, либо у него сознание отключается, и он попадает уже в пространство запоя или «пьянки».

Более того, если говорить про время в пространстве застолья и встречи, человеческой встречи, такой встречи, когда мы можем увидеть друг друга и понять, с кем мы имеем дело, то для этого за столом должно развернуться множество миров, прежде всего личностных.

Таким образом, третье измерение застолья – пространство личностей, которые здесь и сейчас начинают проявляться, разворачиваться.

Пространство личности – это социальный театр, который все наверняка не раз видели. Социальные (ролевые) типажы участников достаточно понятны. Всплывают какие-то личные обиды. Типичны роли старого холостяка или старой девы, «Дон Жуана», массовика-затейника... Об этом много написано в литературе, как

художественной, так и научной (социологической, психологической). Хорошие портреты социально-личностных развертываний за столом можете легко найти в Интернете, они неплохо представлены: вся эта драматургия описана достаточно живо.

Но есть и веяния сегодняшнего дня.

Во многих фирмах сейчас можно найти «печень организации». Приватизационные процессы зачастую просто проходили «на печени». Когда руководитель должен был решить для себя, продавать ему свое предприятие или не продавать, с ним надо было просто долго сидеть и пить, и в конце концов он на это решался.

Через эту самую «печень», компания и получала основную собственность. И, конечно, эта «печень» коллективом фирмы ценится очень высоко, потому что никому не хочется быть этой самой «печенью».

Но вернемся к продолжительности застолья: все «роли» должны быть сыграны. Зачастую это императив, который невозможно обойти: не всегда застольные личности находятся в «сознании» – рефлексируют себя.

При всей очевидности, не социальный театр определяет продолжительность застолья. Как правило, люди знают, когда все должно закончиться. Более того, у всех, кто приходит за этот стол, есть собственный примерный план пребывания за ним. Тем не менее за столом измеряют время не тем, сколько просидели, а тем, сколько осталось.

Да, есть столы состязательные у некоторых народов Кавказа. Кто встал по необходимости, вернуться обратно за стол не может уже. Поэтому сидят до последнего. Но это все особые случаи.

Все, кто отдает себе отчет, кто является вменяемым человеком, тот понимает, когда и почему он должен прийти и когда он вынужден уйти.

Опять же есть правила хорошего или плохого тона: не пришел – обидел.

Если надо уйти раньше, то уходят до пика празднования. Но это мы говорим про праздник.



### Какое время за столом?

Но любой стол отчасти праздник – праздность. За столом рабочее, бытовое время останавливается. Человек вырывается из циклического годового, ежедневного времени.

Пора сказать, что есть циклическое время, есть сакральное время, есть линейное время, есть скальное (пещерное) время. Их много, этих времен.

Но вернемся к циклическому.

Циклическое – это то самое время, которое в хороводах описывается: как пахали, сеяли, боронили, жали... Это время оборота материальных ресурсов, денег, если говорить про менеджмент. Собственно, это то самое время, которое связано с оборачиваемостью денежных средств. То есть, сколько этих «оборотов урожая» можно собрать в течение года. И тогда застолье и праздник позволяют из этого циклического времени «высочить». Как минимум.

Циклическое ближе всего к обыденному времени, функциональному, жизненному. Поэтому, с одной стороны, время за столом конечно (финально), иначе это пьянка, запой. А с другой стороны, оно совершенно четко ограничено тем жанром, который мы собираемся за этим столом вместе пережить или организовать. То есть это либо 3 дня (во время «поминок по живому»), либо 2–3 часа.

Если говорить про общую практику, мы знаем, что если мы пришли в гости, но нам необходимо раньше уйти, то до ухода нам надо что-то успеть сделать за столом. Итак, за столом какое-то другое время. Какое? Кроме того, что время останавливается, оно линейно и оно течет. Но течет в обратную сторону: не сколько просидели, а сколько осталось...

То есть оно идет в обратную сторону. Наверняка кто-нибудь из читателей служил в армии срочную службу. В армии что происходит? В армии время сначала идет так: сколько прослужил, 1-й год, 2-й, а как только дошел до «дембеля», последние полгода – считают сколько осталось месяцев, а со ста дней – сколько дней. То есть время начинает течь совершенно по-другому. За столом, с одной стороны, время остановилось, с другой стороны, оно переворачивается.

Еще есть, конечно, в армии время «от забора и до обеда». Но это другая история.

Как и сакральное время и пространство, но мы его разбирать тоже не будем.

### **А какой календарь за столом?**

Интересно отметить, как себя ведет календарь.

Оказывается, что носителем календаря за столом становятся конкретные люди.

Все собрались, есть повод, что-то отмечают, начинают вспоминать: «А вы думаете, это просто Петрович? Нет. Петрович был тогда, когда...».

И оказывается, что каждый человек олицетворяет какое-то время или какое-то событие в этом витальном или организационном пространстве. И есть люди, которые понимают и «читают» других людей и видят этот календарь. И есть те, кто ничего не знает. И, не зная, они никогда не смогут понять ни того, почему данный человек находится в данной организации, ни того, почему он никуда из нее «не денется».

«Печень организации», конечно, понятно, что делает. Печенью никто не хочет быть, это и бросается в глаза, и читается сразу. Точно так же, как другие органы руководителя тоже бросаются в глаза. Иногда при первом же взгляде на организацию понятно, чем «болеет» руководитель. А глядя на руководителя, можно сказать, чем «болеет» его организация. Организационную диагностику можно провести через личность руководителя.

Получается «очеловеченный», персонифицированный календарь. Носителем такого календаря являются конкретные люди.

И тот, кто ведет застолье, начинает извлекать этих «духов» времени, носителей общей телесности и сознания, из небытия. Соответственно, есть те люди, которые это могут сделать, и это в их статусе, и те, которые этого не знают, не видят и не могут.

### **Как предложить выпить?**

Итак. Сначала разворачивается общая телесность, она формируется. Второе – разворачивается общее пространство. В этом пространстве начинает появляться какое-то понимание, что все здесь

и что сейчас за столом празднуется. В этом же пространстве начинают появляться личности, которые понимают, куда они пришли и что они здесь делают. И разговор опять же вокруг бутылки.

Вообще интересно смотреть, как людей приглашают в застольное пространство.

Я как-то был в Белоруссии на охоте. Белорусское утро, 4 утра, зима, зимняя охота на копытных, печка белорусская, высокая сковородка, топленое сало, жареные шкварки, стопка блинов (уже хозяйка сделала на кислом молоке). Сидит хозяин, дед.

В руках у него «хоум мэйд» – четверть с самогоном.

Самогон он сам гонит. Наливает стакан. Стакан, можно сказать, «цыганский». В нем обычно семечки продавали на рынке в советское время. И думаешь: «Где ж ты, бабка, такой стакан взяла?». Непонятно, то ли стопка, то ли 200-граммовый. Ни разу я в магазине не видел. Я даже бабок донимал. Говорю: «Бабуль, где такой стакан можно купить? Продай». Она мне: «Нет». Я ей: «10 рублей дам». Она в ответ зло: «Низачто. У меня такой один. Он заговоренный, этот стакан».

Наливает дед охотничкам по стаканам, и в это время заходит сосед, и соседа приглашают сесть за стол. Он отказывается: «Нет, я уже завтракал». Тогда ему говорят: «Николай, уважься...». Он отвечает: «Не-е, я уже уважився».

«Уважься» – очень хорошее слово. Мне оно очень понравилось. Я нигде такого не слышал: человек заходит, на столе стоит и ему говорят: «Уважься!»

Это тебе не просто спросить, предложить: «Хочешь? – Выпей!» Или: «Налить?» Не говоря уже про хрестоматийно-советское: «Третий будешь?»

### **Что общего у застолья с Open Space?**

Я уже рассказывал выше, что в 2006 году делал небольшой семинар во время международной конференции «Открытое Пространство» (Open Space).

Так как «Открытое Пространство» – это тоже развертывание событий во внутреннем пространстве большой группы людей, когда должна появиться общая телесность, общее понимание (кол-

лективное сознание), когда каждый начинает реализовываться, как какая-то личность еще недореализованная (обучающаяся, принимающая) или сверхреализованная (обучающая, дающая). Вообще, вдруг открывают какие-то специфические, отличные от обыденных возможности, где начинают происходить события, совершенно невозможные в обычной жизни.

Если сказать несколько слов про «класс» людей, которые приезжали, то Брайан Бэйбридж – это старейший оупенпейсер Австралии, священник. Из Канады приезжали шаманы. Из Норвегии – «городские» шаманы. Из Германии – психологи, управленцы и официальные экзорцисты. Практически все участники конференции отдают себе отчет, что они работают во внутреннем пространстве других людей.

Это были люди, работающие во многих ипостасях, поэтому, когда я начал рассказывать про водку и про то, как у нас, у русских, эта телесность, сознание, личность и воля развертываются за столом, то им было очень интересно.

Нужно, конечно, здесь обмолвиться еще об одном, уж если про сакральность все-таки что-то добавить.

Есть концепции творения мира. Разные. Но есть парные, альтернативные.

В частности, по одной концепции Бог «излился», а по другой концепции он «сжался». Собственно, в управлении тоже есть 2 фазы, когда руководитель, лидер, создатель миров (начальник, к слову, от слова начало, извините за тавтологию), как режиссер, «заражает» собой пространство. То есть он изливается. И потом, в какой-то момент он вынужден, если он хочет уйти из бизнеса, чтобы бизнес начал «течь своей собственной жизнью», должен сжаться, освободить это пространство для других.

Если проводить параллель с застольем, то за столом тоже есть фазы «вдоха» и «выдоха». Что читается проще всего и сразу? Если мы готовимся к празднику, то это, конечно, вдох. Идет вдох: пригласить, все купить, приготовить, прибратся, накрыть...

Все готово. Ждем. Выдох.

Сбор гостей, рассаживаются, все вместе помогают друг другу: наливают, передают, угощают... Общее пространство – вдох.

Затем первый тост, первая рюмка, вторая – тишина и звон ножей и вилок по тарелкам. Выдох.

Опять же те, кто должен выступить, выступают. Общее внимание – вдох. Выпили, местный разговор – выдох...

Потом, конечно, за столом что начинает происходить? Появляются какие-то отдельные малые группы, такая грануляция по интересам, начинает решаться целая куча проблем, обсуждаются идеи и т. д. и т. п. – выдох.

Увидели, как пространство дышит?

### **Как правильно ездить на фестиваль?**

Как то, что мы заметили, обозначили, назвали, связано с менеджментом, с управлением? Как оно может быть с ним увязано?

Что такое врачевать? Врачевать – это врать, заговаривать. У меня был один коллега, который говорил так: «Теперь все то, что мы наработали, нам нужно научно оболгать». Как-то объяснить. Если говорить про искусство политики, про которое любил рассуждать Черчилль, то это искусство предсказания того, что должно случиться. А если предсказанное не состоялось, тогда искусство политика состоит в умении объяснить, почему это не произошло. При всей, на первый взгляд, несерьезности моего пассажира, но и то лишь на первый, можно сравнить обывательское, культурологическое, психологическое, социологическое и предлагаемое описания.

О чем всегда модно говорить в менеджменте? Очень модно и сейчас, и вчера говорить про две вещи, традиционно пользующиеся спросом: это командообразование и лидерство. Про последнее много сказано, и, как сами «импортные» консультанты шутят, за последние 60 лет наговорили столько, что можно сделать всего лишь один вывод, что ничего толком по этому поводу так до сих пор и не сказали. Лидер, как пишут учебники, отличается от менеджера тем, что он должен «светить» вперед, каким-то фонариком освещая дорогу, мотивировать, звать людей куда-то. Я, конечно, может быть, чрезмерно утрирую, но тем не менее тема лидерства сводится к этому.

С точки зрения виртуалистики ([www.virtualistika.ru](http://www.virtualistika.ru)), а именно ее концепт виртуального человека мы используем (реальности сознания, телесности, личности, воли, внутреннего человека), лидерство состоит в том, чтобы во всем этом хаосе, который возни-

кает за столом, когда у кого-то телесность общая сформировалась, кто-то еще в нее «не включился», у четвертого сознание плывет... из пятого субличность алкоголика «высочила»... – «достраивать» всех до целостности и формировать общее, разделяемое всеми будуще. И отнюдь не на уровне ролей: инициатор, адвокат дьявола (критик), доводчик и т. д. или компетенций. Поэтому много разного про лидерство говорят, но, как правило, потаенного не замечают. Водки мало пили.

Как-то одна собственница международных фестивалей мне сказала:

– Михаил Анатольевич, я послушала вас и теперь в командировки езжу только поездом.

– Почему?

– Раньше на самолет – и улетаала... Приезжаю и понимаю, что что-то не то. А что – никак не улавливала. А потом уезжаю с фестиваля – улетаю, прилетаю в Москву, и вновь что-то не так. А потом, послушав вас, сообразила, что, в общем-то, получается так, что я туда прилетела телом, а сознанием, личностью я еще в Москве. То есть я не на фестивале, а я еще на работе. А потом я «такая фестивальная» прилетаю в Москву и начинаю решать массу проблем. Но дела-то – не праздник! А теперь я «заряжаю телефон деньгами», чтобы по ходу, пока я еду в поезде, все дорешать-доделать по телефону. И постепенно приезжаю через 1,5 дня на фестиваль. У меня тело, мозги, душа выходят на платформу одновременно. Я приехала на фестиваль.

Смысл лидерства состоит в том, чтобы понимать, что телесность – отдельно, сознание – отдельно, личность – отдельно, а сакральное пространство, которое является поводом нашей встречи, это вообще, собственно говоря, четвертое.

Если руководитель во всех этих пространствах разбирается, он является лидером. Если он понимает что-то в личностях или в целях встречи, в целеполагании, а все остальное для него непонятно, то это, соответственно, просто менеджер по «чему-то», где «что-то» – объект управления, т. е. менеджер по управлению финансами, сбытом, производству... Всех собрать, всем рассказать, всех пьяных развезти, всех трезвых заставить пить – это просто менеджмент.

Лидерство как раз состоит в том, чтобы все пространства телесности, сознания, личности и поля внутреннего человека различать. Если человек этого не различает, то на русском языке его

называют «чудаком». К сожалению, в современном менеджменте (в его мейнстриме) об этом ничего нет. Ни в отечественном, ни в зарубежном. Функциональная ипостась, так же как и компетентностная, не исчерпывает всего человека и всего его бытия.

### **Вместо заключения**

Командообразование и лидерство за столом, таким образом, состоит в осознанности и произвольности в управлении общими пространствами (мирами) телесности, сознания, личности, воли и внутреннего человека.

Если мы говорим про управление, это не значит, что это менеджмент, не значит, что мы можем преодолеть какой-то хаос жизни, потому что на то оно и застолье, чтобы были какие-то чудеса, чтобы случилось то, что не запрограммировано. В том числе и неожиданные гости, неожиданные тосты и выступления. Удивительные события и откровения. Надо быть готовым к сюрпризам: гость приходит из царства мертвых, приносит с собой 7 благ, 6 оставляет хозяину, одно забирает с собой...

## **Мимесис или метателесность?**

### **1. Числовая символика и брачные отношения**

Происхождение числового счёта не решаемо ни на каком уровне пережитков. Оно так тесно касается абстрактных вещей и в то же время конкретных и так упрятано в представлениях о Вселенной, что искать его надо не то что в архаике, но в очень интимных и плохо исследованных сторонах натурфилософии, антропологии и биоэтики.

В предшествующей публикации «Ночная игра со ставкой на женщину»<sup>1</sup> на своём материале, в основном на кавказском, мы обратились к гипотезе Вяч. Вс. Иванова о том, что на Ближнем Востоке и в Западной Европе счёт на пальцах мог быть регрессией от более абстрактных счётных систем древности. Наш кавказский материал с очень древним, возможно, даже палеолитическим мифом говорит в пользу исходности счёта по пальцам. Речь идёт о языке жестов, когда богиня охоты обещает охотнику добытых зверей в обмен на сексуальные услуги. Она начинает с демонстрации охотнику десяти пальцев. Он качанием головы выражает своё несогласие. Тогда богиня загибает один палец. Мужчина снова отказывается. И так нужно дойти до того момента, когда богиня покажет только один палец. Это значит, что срок их сожительства будет равен одному году.

В пользу палеолитических истоков загибания пальцев можно привести их отпечатки в пещерах Верхних Пиренеев. Они, скорее всего, принадлежали девушкам, проходившим поло-возрастную инициацию<sup>2</sup>. В Африке еще недавно у женщины с каждым новым рождением отсекали фалангу с мизинца и так далее. Смысл палеолитического обряда состоял, очевидно, в том, что созревшая



женщина начинала ритуально от себя отделять первого своего потомка (следы в сказке «Мальчик-с-пальчик»). А вот в хоро-воде в честь убитого медведя у одного сибирского народа люди соединяют свои руки именно мизинцами. Явно, что демонстрируется минимум индивидуального тела в пользу максимума родового. Поэтому и сам «медвежий праздник» несет на себе черты грандиозной Вселенной, которая задействована в интересах совсем маленького человека, сведенного до размеров мизинца. Эта огромная Вселенная, как будет показано ниже, имеет световой характер, и поэтому она видит маленького человека: луч ее видения – это удача человека.

Мотив охотничьего мифа в виде сожителства богини охоты с охотником, кажется, не характерен для сибирского материала (мы можем сослаться разве только на очень редкие сюжеты, когда богиня одаривает дичью охотника в обмен на его любовь).

Зато на сибирском материале мы на сей раз находим дополнительные данные о регрессии от больших чисел к меньшим.

В своей статье Вяч. Вс. Иванов<sup>3</sup> обратил внимание на психические механизмы архаического мышления, которому было свойственно опасаться больших чисел. По моему мнению, в этом механизме нуждалось культурное ограничение брачных партнеров и построение сплоченной семьи. В конце концов этот же процесс сказался в торжестве женского вычитания. В книге Иванова «Нечёт и чёт» можно найти красноречивые примеры «вычитательного способа обозначения». Примеры относятся к бантоидным пастухам Африки, австралийским охотникам-собирателям, к древнейшим земледельцам Египта, которые считали от десяти к единице<sup>4</sup>.

В подобных системах я вижу интенцию нисхождения от космического уровня к сексуально-брачной подоснове. Поэтому на лицо десакрализация счета, сведение его к нуминозно значимому.

## 2. Числовая символика и космогенез

Теперь нам нужно рассмотреть системы космического счёта у автохтонных народов Сибири. У них числа, возникшие в глубочайшей древности, всегда наполнены важнейшими жизненными смыслами, которые неравномерно распределены в числовом ряду.

Наибольшее число *девятку* (десять минус один) мы находим в фольклоре саха (якутов). У саха небесный девятирогий олень несёт на своих рогах солнце. Отметим, что римская девятка, где единица стоит слева от десятки, является последней из так называемого субтрактивного написания чисел<sup>5</sup>. Несомненно, что миф саха связан с мифом о китайском убийце солнц по имени И. Девятка знаменует неустойчивость космоса.

*Восьмилучевые* орнаменты, обозначающие небесные светила, распространены в вышивке разных народов, особенно Волго-Уральской зоны. Это симметрия орнаментальная и соответственно вторичная по отношению к концептуальному числоположению. К тому же она играет роль оберега, сходную с грузинским *нацили* (об этом ниже).

Зато отметим огромную значимость *семёрки* в мифологии финно-угорских народов. Так, у хантов и манси ритуальная медвежья охота должна была устраиваться не реже, чем раз в семь лет и проходить семь лет подряд<sup>6</sup>. У некоторых народов Сибири считается, что медведь имеет семь слоёв плоти. У селькупов человек имеет семь парциальных душ. У них же небо семичастно. У ненцев священная берёза имеет семь корней. У кетов великий шаман проходит семь этапов становления. Об огромной семантической значимости *семёрки* говорит марийская мифология. Эта значимость связана с медведем. Орнамент вышивки, который называется «медвежьим» (его «ушки», «позвонок» и «след»), каждая вышивальщица у марийцев может за всю свою жизнь поместить только на семи своих изделиях. Кстати, марийские лапти плетутся из семи лык.

Устойчивость числа семь для финно-угорской мифологии поразительна. Так, венгры, почти растратившие в Европе свою исходную сибирскую мифологию, ещё не так давно считали, что на семи ветвях Мирового древа развешено по Богородице<sup>7</sup>. Значимость семерки пронизывает атрибутику сибирского шаманизма (7 копыльев шаманских нарт и т. п.) и происхождением, возможно, обязана влиянию южных древних цивилизаций.

*Шестёрку* мы находим снова в Западной Сибири – у манси и хантов. У последних бог создал шестиногого космического лося, явно неудачное творение. Младший сын бога погнался за ним и отрубил две ноги. У манси за шестиногим лосем гнался герой Мось-Хум. Примечательно, что младший сын бога шкуру лося прикре-

пил к небу и предрёк, что «при появлении белых кукол, чёрных кукол (то есть людей) эта шкура будет обозначать зарю»<sup>8</sup>. В литературе отмечено бытование у хантов до XX в. шестигранных брусков-календарей с насечками дней месяца на ребрах<sup>9</sup>.

Внимание! Снятие шкуры со зверя оказывается освобождением света. То же будет происходить и с медвежьей шкурой.

Следующее число по убыванию – *пятёрка*. Это число ночей ритуального праздника у манси в честь добычи медведя-самца. В случае добычи медведицы праздник длится четыре ночи<sup>10</sup>.

Относительно *тройки* здесь в первую очередь надо сказать о трёхчастном делении Вселенной, свойственном, пожалуй, большинству народов мира, хотя селькупская Вселенная состоит из семи слоёв. У древних египтян, сильно зависевших от водной стихии, вода изображалась тремя волнистыми линиями. Саха (якутская) мифология говорит о трёх космических лосях, которые гонятся друг за другом. Женщина-якутка рождает на корточках, держась обязательно за три кольшка, вбитых в землю. В Китае иероглиф «дерево» состоит именно из 3 элементов. Это идет от идеи Мирового древа, вершина которого расположена в небе, корни под землей, а ствол в здешнем мире. Новорожденный, таким образом, приобщается к этой вертикальной оси.

У манси, когда они несут с охоты убитого медведя, об этом общаются в селение тремя выстрелами. Если лось, то одним.

Число два очень прагматично. У эвенов зажигают перед летним солнцестоянием два костра, которые обходят люди и олени для обретения новой жизненной силы от солнца. Один костёр – старое солнце, другой – новое. Праздник длится с 21-го по 24-ое июня. Люди и скот очищаются огнём и пахучими растениями (рододендроном и багульником)<sup>11</sup>.

Но *двойка* – уже последний предел, который поддерживает равноправный союз мужчины и женщины. Так, бродячие бушмены зажигают на стоянке два костра: для мужчины и женщины. Само по себе число считается женским.

Большая часть мужского населения человечества, кажется, совсем сдалась, сведя огонь к *единице* и передав его хранение в руки женщины. Огонь как единица с мужской коннотацией остался в мифах (у русских, например, о летающих к вдовушкам огненных змеях).

Что же в итоге у нас получилось? Целокупному мирозданию свойственно наибольшее число из возможной десятки – это *девятка*. В упомянутых обрядах и в быту по мере соприкосновения с чисто человеческими делами постепенно это число уменьшается и в конце концов доходит до единицы.

Подтверждается наш вывод, «что женщина, призывающая мужчину для брачного союза, обозначает его символически единицей»<sup>12</sup>. Кто он такой? Апокалиптический избранник среди многих? Или единственный и неповторимый? Это неясно. Но дело в том, что женщина в этой генеративной нумерологии саму себя сводит к нулю. Стратегия её поведения – маркировать мужчину, всячески его обозначить, получить необходимые блага культуры, но самой остаться неузнанной, загадочной, укрытой даже в звериную шкуру, этим зверем, вроде медведя, ритуально представляемую.

### 3. Специализация среды с помощью шкуры зверя

Термином «специализация» Анри Бергсон назвал опространствование времени и помехой для чистой длительности. Наше антропологическое понимание шире этого. Оно относится прежде всего к образному освоению нехозяйственного времени. И весь интерес здесь как раз в структурировании времени и в фрагментарности пространства. Эти процедуры онтологизируют среду таежных охотников. Но логических операций оказалось явно недостаточно, чтобы освоить среду, где водятся опасные звери. На примере с медведем видно, как общества сублимируют страх в мистериальные представления («медвежий праздник») с выходом в конце концов к своеобразным, но устойчивым основам общества.

В тех районах, где соседство зверя и человека, на него охотящегося, очень близко, медведь стал чуть ли не живым олицетворением времени. У русских сибиряков говорится, что медведь залегает «с сдвиженья» (Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня – 27 сентября по новому стилю). Просыпается он под Благовещенье (7 апреля). Переворачивается на другой бок в середине зимы<sup>13</sup>.

Итак, шкура небесного животного стала источником света, т. е. самой тонкой и важной субстанцией мира. Это отражается и в поведении. Многие сибирские народы клянутся медведем. Обские угры – на медвежьей лапе или на голове зверя. Одно из ранних сообщений о

бурятах Г.Ф.Миллера касается клятвы именной медвежьей шкурой – при этом её кусали и ели. Для хантов<sup>14</sup> именно шкура убитого медведя является образом их предка, тогда как мясо может идти в пищу.

Откуда такие изыски? От космической посреднической роли медведя, который хтоничен (слышит под землей – у саха, хакасов, алтайцев, спит в берлоге), гиперсексуален («фактов» тут так много, что на них не стоит останавливаться подробно; приведу только удмуртское женское то ли проклятие, то ли заклинание: «Чтобы тебя медведь изнасиловал»).

Надо обратить особое внимание на небесные обстоятельства. Шкура крупного животного выступает средством описания Вселенной. Тем самым Вселенная *специализируется*. Тогда это описание сводится к оперированию доступным плоским предметом.

Аналогичная процедура в других местах делалась со шкурой быка. Ещё у скифов человек, который затевал военный поход, садился на шкуру убитого быка и варил мясо. Те, кто к нему присоединялся, давали тем самым молчаливый знак их участия в походе. О таком же обычае помнили мои информаторы-старики у чеченцев.

Есть несколько мировых сюжетов об основании города с помощью бычьей шкуры, которой, разрезав на узкие ремни, окружили большой участок земли, «специализировали».

Собственно в греческом мифе о Прометее речь идёт тоже о специализации. Ведь Прометей убил пахотного быка. Мясо отдал людям, а кости, прикрытые шкурой, богам.

Медведь, тоже имеющий небесное происхождение, как и бык Прометей, скрывает под своей шкурой мясо для людей. Во многих мифологиях народов Сибири медведь первоначально жил на небе, рядом с Богом. Потом он за недостатки был спущен на землю. У обских угров (хантов и манси) с небесным медведем связано происхождение огня (его принес бурый медведь).

Светящееся, огневое начало шкуры, несомненно, имеет эмпирическое происхождение: оно идет от эпохи металлических доспехов. Неслучайно у саха-якутских богатырей «тело блестящее». Человек в доспехах визуально меняет свой телесный покров. В грузинской мифологии развился сюжет о *нацилиани* (по-грузински буквально «владеющий долей»). Считается, что божество, небо или солнце, даёт избраннику крест или просто пятно, которым метится тело. Это пятно обычно помещается на спине, под лопатка-

ми. Судя по собранному мной фольклору, человек никому не должен показывать своего знака. Сам человек не видит себя с этим знаком. После его кончины за этим знаком охотятся змеи, которые заползают в могилу.

Неожиданный аналог для святящегося пятна нацили мы находим у хакасов, больших почитателей медвежьих мистерий. У них в каждом доме у входа со стороны порога ставили специальный медвежий оберег. Он представлял собой железное или медное кольцо, закрепленное в тальниковой рогулине. К кольцу была привязана правая передняя лапа медведя и шкура гнедой лошади<sup>15</sup>. Тальник, имеющий красноватый цвет, у многих народов кладут в могилу – это знак подземного огня. Значит, хакасская рогулина напоминает о подземном уровне мира. А вот кольцо? Это то отверстие, через которое небо и его обитатели видят нас. Оберег, таким образом, распространяется на все мироздание. Сам медведь у хакасов – существо хтонической природы и раскинутого над нами неба. К оберегу, а точнее, к медведю в случаях неблагоприятия обращалась хакасская заклинательница со словами:

«Ты создавался вместе с черной землей...  
Ты родился ровень с царским небом...»<sup>16</sup>

В подобных обрядах мир вовсе не одомашнен. Он все еще опасен, но упорядочен уже не только космогонически, но в какой-то степени и житейски. У хакасов женщина вообще имеет над медведем особую власть: при встрече со зверем она должна обнажиться – местный медведь весьма стыдлив и сразу убегает.

Знаки на человеческом теле или вообще оно само как источник света – это явная дополнительность к нашей физиологии, но она небесного происхождения. Метателесность. Можно не огорчаться: считается, что счастье бывает у такого человека, который не видит родинку на своем теле.

Благодаря анализу света мы нащупали выход к метателесности: наше тело вовсе не ограничено только соматикой.

#### 4. Костюм и метателесность

Небесная метателесность достигается и менее мистическим способом. В этом достаточно убедиться, посмотрев на марийскую вышивку. В старину, до XX в., **костюм марийской невесты архаиче-**

ского туникообразного покроя она изготовляла сама из конопляной ткани. Разрез делался спереди или чуть справа, на мужской манер. На груди вышивался орнамент тёмно-красной шерстяной ниткой. Более развитый орнамент был у замужних мариек, который назывался чызе-орол (буквально, «сторож грудей»)¹⁷. Вышивка шла также вдоль рукава платья, до самого ворота, образуя как бы эполеты. Археологи показали, что вышитые эполеты восходят к бронзовым пластинам, найденным в средневековых захоронениях женщин в сопровождении оружия. Такие эполеты облегчали ношение меча. Речь идёт о женщинах-воинах, аналогичных амазонкам.

Кавказский материал, собранный в Чечне и Дагестане, научил тому, что мужчина может касаться только правой груди женщины. Левая принадлежит ребенку. Сдвиг разреза вправо, как у мужчин, облегчал действия правой рукой воительниц у предков народов Поволжья. Замужней рожаящей женщине удобнее центральный разрез туники.

В одежде выступает не только ее функциональность, но и метафизика, мировоззрение, тайны механизмов Вселенной. Выше было упомянуто пятно *нацили* как дар божества. Оно несет благо одному человеку. Но вот какой вывод можно сделать из того, что у мариюцев орнамент вышивался с изнанки и первоначально в нем преобладал красный цвет. Последний несет символику солнца и света. Иначе говоря, орнамент на женской мариийской одежде выносил наружу свет и тепло женского тела.

Тут нам снова надо вернуться к медвежьей шкуре и еще раз показать ее отношение к теплу и свету. По мифам, медведь некогда обитал в небесах – там, где солнце и свет. У обских угров огонь принесен с неба бурым медведем. По мифам ненцев – белым. Очень красноречиво звучит у бурят заклинание медведя, которого обнаружили в берлоге: «Человек-хан, спусти огниво и нож, если здесь его супруга – ножницы»¹⁸. Об отношении шкуры медведя к свету говорит и то, что у хантов ее выносили через окно для помещения в хранилище. Вышивка женского костюма перенимает на себя эти высокие космические коннотации медвежьей шкуры.

Близкие по духу воззрения на мариийский костюм удалось сформулировать А.Н.Павловой в статье, опубликованной в «Вестнике Челябинского госуниверситета»¹⁹. Автор демонстрирует огромный трансдуктивно-виртуальный потенциал костюма. «Во время празд-

ника Шорыкйол у мари использовались маски, благодаря которым человек превращался в существо из иного мира, например, становился козой или медведем. Благодаря маске мужчина может превратиться в женщину...»<sup>20</sup>. «Костюм соединяет индивидуальные черты, присущие его обладателю, с качествами, воплощенными в первообразе бога, духа, героя. Если обладание вещью, принадлежащей другому человеку, может передать часть свойств или позволить воздействовать на хозяина, то костюм, созданный в соответствии с мифологическим первообразом, уподобляет владельца его божественному обладателю. Предполагалось, что прототипом реального костюма мари является костюм небожителей, он имеет сходный покрой и украшения». «Шаманский костюм является непосредственным участником ритуалов; он служит местом обитания духов-помощников шамана. Такой костюм появился в результате порыва к преобразованию телесности в целях максимального приближения к миру духов. Руководитель ритуала лишается личностных особенностей, костюм делает его частью общины, предстоящей во время молений перед богами.

У мари, сохранивших языческие верования до XX века, участвовали в жертвоприношениях и руководили обрядами только мужчины. Таким образом, перед лицом богов был представлен не весь социум; восстановление гармонии требовало присутствия женского начала. В костюме жрецов-картов присутствуют мужская и женская символики»<sup>21</sup>. «Если рассматривать тело жреца или шамана как родовое тело, то костюм должен был содержать признаки обоих полов, мужского и женского. Исторические источники свидетельствуют, что жреческие обязанности выполняли мужчины, сам костюм сохранял черты, присущие мужскому костюму, человек, облаченный в такой костюм, не менял свой пол. Но необходимы были элементы, которые вырывали ли бы человека из повседневности, указывали на сакральность ситуации, т. е. позволяли бы выйти из профанного времени и пространства и сделать шаг в новый мир. Для этого тело должно было претерпеть трансформации, которые в шаманизме предстают как сложная процедура умерщвления и воссоздания уже нового тела шамана духами. У мари даже в эпоху средневековья вряд ли можно говорить о существовании шаманизма в чистом виде, но, вероятно, представления о какой-то иной сути тела жреца в момент совер-



шения священных действий существовали, что и отражал костюм. Это иное тело, материализованное костюмом, оставаясь мужским, включало в себя и женское начало, как необходимое для достижения вселенской гармонии»<sup>22</sup>.

А.Н.Павлова обращает также внимание ещё на один любопытный ритуал. Речь идёт о свадебном наряде женщины, который она хранила всю жизнь и который использовался в качестве её поминальной одежды. Примечательно, что эту одежду могла одеть «заместительница покойной». «Данный обряд свидетельствует о характерном для мари отождествлении человека с его костюмом: достать, надеть одежду другого человека, чтобы перевоплотиться в него, изменить свою сущность»<sup>23</sup>.

Автор справедливо отмечает, что «манifestируя изменения, происходящие с человеческим телом, в процессе брачных церемоний, раскрывая интимные стороны жизни людей, костюм подвергает своего обладателя и определённой угрозе. Поэтому одновременно свадебный костюм содержит систему защиты в виде различного рода оберегов, которые использовались мари на протяжении длительного времени. К таким оберегам можно отнести соль и иголки, булавки и другие колющие предметы, которые втыкали в одежду молодоженов и даже в упряжь лошадей в надежде защитить участников церемонии от сглаза. Полный комплект украшений у женщины – это тоже система защиты, не случайно от молодой жены требовали носить их до рождения первого ребёнка». «Все эти изменения отражает костюм невесты и молодухи: её тело должно приобрести новые качества, поэтому необходим целый комплект украшений, которые позволят пройти этот путь и обрести новое тело. Украшения заполняли все важнейшие зоны микрокосма человеческого тела, одновременно благотворно влияя и на саму носительницу, и на весь коллектив. Обилие шумящих украшений должно было не только защищать женщину, её будущего ребёнка или предупреждать о её появлении, но и создавало некую ауру, недоступную для злых духов, боявшихся звона металла, всюду, где она появлялась».

Отметим небольшую, но примечательную деталь из работы Павловой, касающуюся метателесности: ещё в XX в. пожилые маришки надевали высокий головной убор на берестяной основе (шымакш) при головных болях<sup>24</sup>.

Трудно расстаться с материалом о марийской одежде: она наполнена философией метателесности. Уральские марийцы по поводу своей белоснежной одежды говорят: «Созерцание множества людей в белом угодно Большому Белому Богу»<sup>25</sup>. А вышитый ромб на груди женской рубахи рассматривается как солнце.

## 5. Амазонки и Артемида

По античным данным, греки, плывшие в Трою, захватили отряд амазонок. Но те ночью перебили моряков. Корабль прибило к берегам Крыма. Они высадились, захватили лошадей и углубились в земли скифов. От смешения скифов и амазонок пошел народ савроматы. Савроматы оставили захоронения, где были погребены женщины-воины. Эти обычаи сохранились у средневековых народов Поволжья. Память о них цела и по сию пору. Достаточно взглянуть на девушку в шапочке-шлеме такья, которую носят поволжские красавицы.

Ученые старой советской школы продолжают видеть в амазонках отражение умозрительной теории матриархата. Так, известный археолог С.А.Плетнева приводит список таких черт: матриархальные обычаи (очевидно, свобода женщин), материнский счет родства, левират (брачный обычай), единоборство невесты с женихом, обучение девочек военному делу, жреческие функции<sup>26</sup>. Подобные обычаи, много изучавшиеся мной у народов Кавказа, говорят только о женских инициациях и о женском союзе, механизм которого так хорошо не известен, как устройство мужского союза, ведущего в конце концов к образованию государства.

Р.Плиев недавно в плане амазонской темы рассмотрел обычай у ингушей ритуализованного ухаживания *зохалол* и тайные собрания женщин в старину на горе Сесарий цей. Там женщины в голом виде танцевали вокруг фаллообразного камня, испрашивая детей. Таких обычаев, сводящихся к обрядам плодородия, масса в разных концах мира<sup>27</sup>. Я тоже исследовал этот обычай, который устраивался в нескольких местах и был руководим мужчиной-жрецом.

Тема об амазонках логически соединяется с античным культом Артемиды. Многое нас привлекает в этой истории. Во-первых, она покровительствовала амазонкам. Во-вторых, она соотнесена с числом два, будучи сестрой-близнецом Аполлона.

В-третьих, она дева-воительница, преданная охоте на зверей, но при случае безжалостно расправляющаяся и с мужчинами. Среди ее жертв Адонис, Октеон, Мелеагр и др. В-четвертых, она покровительствует девочкам. Ее обижало, когда они выходили замуж. Поэтому невесты ей несли свои жертвы (детские игрушки). В Спарте юноши проходили испытания от ее лица, когда в дни празднеств этой богини получали солидную порку ивовыми прутьями. Жрица, державшая в руках статуэтку Артемиды, соответствующим наклоном фигурки давала знать, прекращать ли удары или стоит добавить еще. Надо думать, спартанские женщины не очень горевали по поводу такой процедуры. Вот и наши современницы в поисках юнговского архетипа женской независимости нет-нет, да обращаются к памяти Артемиды. На этот счет есть интересная книга Дж. Ш. Болен «Богиня в каждой женщине». Одна из глав там посвящена Артемиде<sup>28</sup>.

Два обстоятельства в анализируемом культе привлекают наше особое внимание. То что Артемиды тщательно следила за соблюдением клятв (это в-пятых). Вспомним о сходной роли, которую у охотников сибирской тайги играла шкура медведя, и связанное с именем богини ее прозвище «медвежатница». Кстати, девочки, ее жрицы, носили желтые туники, считавшиеся медвежьими шкурами.

В образе Артемиды нет особенных черт совершенно дикой охотницы. Одна поддержка клятв делает ее носителем социальных устоев общества. Она же выполняет у женщин благородную роль родовспомогательницы (это в-шестых). Поэтому Артемиды – особый носитель цивилизации: она скорее создает для нее условия, прокладывает дорогу, делает дикие места отрефлексируемыми. Короче, она не окультуривает пространство, но готовит его к этому, охотясь. Это архаический способ специализации. Седьмое – это наш самый главный вывод.

Название первой детской рубашечки у разных народов – целая научная проблема. У кочевников Средней Азии она носит имя «собачьей». А вот у абхазов, в краю недалек от угодий Артемиды, она называется «медвежьей». Это намеки на эмбриональную цепь зародышей, где первенствует животное. Абхазы сохранили концепцию, уходящую своими корнями в палеолитические времена. Речь идет об эмбриональной цепочке зародышей, тянущейся из очага;

первым звеном считается животное, поэтому-то до сих пор в колыбель первым кладут котенка или щенка. До них эту инициальную функцию играл обряд с апокалиптическим зверем – медведем.

## 6. Зверь, мимесис и метателесность

Сейчас нам надо разобраться с мимесисом. Культовое отношение к медведю в народной среде, будь то русская или какая другая, часто в народе объясняется физической схожестью медведя с человеком. Особенно на тело человека медведь похож при снятой шкуре, больше на женщину, чем на мужчину. Можно ли есть его мясо в таком случае? Ханты, как мне объяснял В.М.Кулемзин, выходят из положения следующим способом. В шкуре убитого медведя они видят пришедшего предка, а мясо служит пищевым ресурсом.

Вообще поедание медведя регламентировано строжайшим образом. У хантов мужчины едят переднюю часть туши, женщины – заднюю. Один марийский охотник мне сообщил, что охотники сразу вынимают у убитого медведя сердце и кусочек едят с пригорелым ломтём хлеба. У бурят запрещено есть почки медведя – они слишком похожи на человеческие. Кеты не ели отвар медвежьего мяса, объясняя это гигиеническими причинами: появляется тяжесть при ходьбе. В литературе описан случай, когда медведь у селькупов унёс корову. Зверя убили. Отец рассказчика отказался есть мясо: ведь, по мифу, женой медведя была селькупская женщина<sup>29</sup>.

Обязательно надо указать на ряд правил этикета. Так, у многих народов мясо медведя положено есть особой палочкой. А у удмуртов кость держат рукавом.

У русских сибиряков мясо медведя не едят: считается сродни человеческому<sup>30</sup>.

У хакасов своеобразная логика потребления плоти медведя. Легкие и внутренности они не ели совсем. Зато для лечения применяли жир. Беременным женщинам давали медвежью матку, чтобы женщина не мучилась в родах. Этот факт сближается с функцией Артемиды-родовспомогательницы.

В Сибири нередко охотники, убившие медведя, объясняют ему, что сделали это не они, а люди из другого народа. Достоинно внимания, что кое-где на охоте на медведя и при разделке его туши принимают вороньи позы и периодически каркают (селькупы, буряты).

Этот обзор некоторых обычаев, относящихся к медведю, говорит об особой пищевой нише его мяса, об его экзистенциальной исключительности. Это делается с особым ритуалом-плачем. Все общество «горюет» по поводу случившегося. У хантов во время ритуального плача все женщины накрывают голову и лицо платком и грудью припадают к земле<sup>31</sup>. Мужчины в старину закрывали лица берестяными масками.

Перед нами черты мистерии, некоей тайны. Тайна в том, что медведь когда-то был человеком и в наказание Богом превращен в зверя. В Африке по аналогичной причине вообще не едят зайца, ибо считают, что в процессе его превращения из человека не все части его тела прошли метаморфозу.

На мистериальной основе возникли разнообразные мифы о превращении частей туши медведя в полезные вещи. Так, у ряда сибирских народов медведь завещает девушке части своего тела, из которых будут приготовлены бруски (очевидно, для добычи огня. – *Я. Ч.*), точило, камень для растирания красок, сами краски<sup>32</sup>. Аналогичные мифы можно обнаружить и в других частях света. Так называемый мировой «мотив Хайнувеле», когда живое существо – у индонезийцев это женщина – дает начало полезным вещам.

Медведь тоже культуртрегер, передатчик людям благ ритуальной культуры. У коми медведь научил выращивать хлеб, плавить железо и делать долбленые лодки вместо плотов. Но этого мало. В Сибири важнее всего не его культуртрегерство или его оккультный мимесис, а его метателесность.

Важны части тела медведя, применяемые в виде лекарств. Например, лапой медведя лечили большую грудь женщины, у русских старожилов Сибири то же делали с выменем коровы.

Медведь очень благоволил к женщине. Существует много поверий об их сожительстве. Перешагивание медведем через женщину на Руси гарантировало ей беременность. В этом состояла одна из функций ручных медведей, которых по стране водили жители города Сергач («сергачи»). Отрезанную медвежью лапу берегли на случай пропажи у женщины грудного молока, ею водили по телу сверху вниз. То же самое делали с коровой, уменьшившей надой. У бурят этим способом лечили опухоль в женской груди<sup>33</sup>.

Существует огромное количество произведений фольклора об особенно интимных отношениях медведя с женским полом. Но всего перечисленного вполне достаточно, чтобы усомниться в ведущей роли мимесиса – в некоем внешнем подобии медведя и человека, чтобы объяснить ритуализованное метателесное отношение к зверю.

В нем нужно видеть скорее некий символ еще дикой среды, но уже с опережением используемой во благо человека. Суть специализации в первоначальном, порой рискованном использовании ресурсов новой среды. Могучий обитатель северных лесов, медведь виртуально-герменевтическими методами (через метателесность) привлекается на сторону человека. Его поражает мужчина – охотник, но вся выгода в конце концов упорядоченного бытия служит интересам женщин, их очагу и их потомству. В этом функции медведя и шамана пересекаются, хотя опытные исследователи умеют различать эти функции<sup>34</sup>.

Достижением науки, обращающейся к сложным ментальностям, надо считать доказательство М.Г.Туровым недостаточности старой теории тотемизма в отношении к медвежьим культам и медвежьим народным празднествам<sup>35</sup>. Во всех описанных обрядах речь идет прежде всего о структурировании пространства и времени относительно небольшим коллективом, находящимся, скорее всего, в экстремальном окружении.

Вяч. Вс.Иванов в одной из лекций вспоминал эпизод из давишней экспедиции на Енисей с целью изучения языка и мифологии кетов. В конце утомительных занятий Иванов предложил кету сказать по-кетски любую фразу, которая придет на ум. Кет изрек: «Никогда не бери жену из своей фратрии». Это не просто святая житейская истина. Жена – человек из другого мира, невероятного. Из еще более невероятного виртуального мира к людям приходит медведь, неся с собой метателесность. Он стал зверем за какие-то грехи. Не все ясно, что с ним делать. Какие куски мяса можно есть, а какие нельзя. И все это надо делать умело и этично. Он объединяет людей, учит их добру. В нем слишком много человеческого. Это могучая сила природы, которая принуждает человека к биоэтике, распространяется на общество и Вселенную. И все эти импульсы из Вселенной, данной конкретным народам в виде таежных лесов, специализуются в институты брака, биоэтики, в эпос и в другие смыслы жизни.

В специализированных медвежьих мистериях много жизненного героизма и риска, изощренной натурфилософии и так необходимым людям развлечений и различений. Это все средства, которые делают из населения района метателесно сплоченные этнические сообщества.

### Примечания

- 1 *Чеснов Я.В.* Ночная игра в кости со ставкой на женщину // Ночь. Ритуалы, искусство, развлечение. Глубины темноты / Ред.-сост. Е.В. Дуков. М., 2008.
- 2 *Фролов Б.А.* Первобытная графика Европы. М., 1992. С. 54, 135.
- 3 *Иванов Вяч. Вс.* К антропологии числа: <http://kogni.narod.ru/number.htm>
- 4 *Иванов Вяч. Вс.* Избр. тр. по семиотике и истории культуры. Т. 1. М., 1998. С. 463–465.
- 5 История математики с древнейших времен до XIX столетия / Под ред. А.П. Юшкевича. Т. 1. М., 1970. С. 13.
- 6 *Бурькин А.А.* Мифологические рассказы о медведе у народов Северо-Восточной Азии и Северной Америки: [http://www.zaimka.ru/ethnography/burykin 10.shtml](http://www.zaimka.ru/ethnography/burykin%2010.shtml)
- 7 *Хелимский Е.А.* Финно-угорский и самодийские народы // Мифы и религии мира / Сост.-ред. С.Ю. Неклюдов. М., 2004.
- 8 *Варламова Е.* Мифы о животных (птицах) в хантыйской и мансийской мифологиях: <http://www.deputatandreev.ru/content/print.php?id==711>
- 9 *Оборотова Е.* Коми-зыряне Зауралья // Северные просторы. 1991. № 46. С. 24–25.
- 10 *Чернецов В.Н.* См.: Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987. С. 195.
- 11 *Алексеев А.* Он есть начало и конец всего. Культ огня у эвенов: <http://ilin-ya-kutsk.narod.ru/2003-34/77/htm>
- 12 *Чеснов Я.В.* Указ. соч. С. 122.
- 13 Культ медведя в верованиях крестьян Сибири // [www.volgota.com/lib/medved.html](http://www.volgota.com/lib/medved.html)
- 14 Устное сообщение В.М. Кулемзина.
- 15 *Бутанаев В.Я.* Медведь по воззрениям хакасов: <http://www.volgota.com/lib/2006-04-29-1.html>
- 16 Там же.
- 17 *Соловьёва Г.М.* Орнамент марийской вышивки. Йошкар-Ола, 1982. С. 13, 19.
- 18 Образ медведя в фольклоре: [revolution: allbest.ru/00041783\\_0/html-Ж](http://revolution.allbest.ru/00041783_0/html-Ж)
- 19 *Павлова А.Н.* Семантика марийского обрядового костюма // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2009. № 18(156). Философия. Социология. Культурология. Вып. 12. С. 71–76.
- 20 Там же. С. 70.
- 21 Там же. С. 72.
- 22 Там же.

- 
- 23 Павлова А.Н. Семантика марийского обрядового костюма. С. 72.
- 24 Там же. С. 76.
- 25 Бобринин А. Традиционный костюм уральских марийцев: [http://www.uralfolk.ru/publ\\_articles.php&p=20](http://www.uralfolk.ru/publ_articles.php&p=20)
- 26 Плетнева С.А. «Амазонки» как социально-политическое явление // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 529–537.
- 27 Плиев Р. Амазонки Кавказа: [www.psj.ru/saver\\_national/detail.php?ID...](http://www.psj.ru/saver_national/detail.php?ID...)
- 28 Болен Дж. Ш. Богиня в каждой женщине. Гл. 4. Артемида: [www.chtivo.ru/chtivo=32bkid=1256043htm](http://www.chtivo.ru/chtivo=32bkid=1256043htm)
- 29 Ким А.А. Реликты культа медведя у селькупов: <http://sati.frchaeology/nsc.ru/Home/pub/Data/?html=dear3.9htm&=550?>
- 30 Попов А.М., Виноградов Г.С. Медведь в верованиях старожилородского русского населения // Сов. этнография. 1936. № 3. С. 78–79.
- 31 Шаранов В.Э. Материалы по поминальной обрядности у современных шурыканских хантов. СПб., 2004. С. 170–173.
- 32 Варламов А.Н. Образ медведя-предка в фольклорном мировоззрении эвенков: [ftp://lib/herzen/varlamov\\_115\\_178\\_184/pdf](ftp://lib/herzen/varlamov_115_178_184/pdf)
- 33 Бадмаев А.А. Реликты культа медведя в культуре бурят: [http://www.baikal\\_center.ru/books/element/php&ID=2579](http://www.baikal_center.ru/books/element/php&ID=2579)
- 34 Кулемзин В.М. Культ медведя и шаманизм у обских угров: [www.sati.archaeology.nsc.ru/.../Data/](http://www.sati.archaeology.nsc.ru/.../Data/)
- 35 Туров М.Г. Культ медведя в фольклоре и обрядовой практике эвенков: <http://www/sati/archaeology/nsc.ru/sibirica/Data/?html=bear%203.2htm&id=550>



## Summary

This collection of papers represents mostly the 2009 work results of researchers of the Sector of Humanitarian Expertises and Bioethics, Institute of Philosophy RAS. Authors demonstrate wide variety of approaches pursuing philosophical subject as it is presented within bioethics and humanitarian expertise. An interesting philosophical and anthropological analysis of fundamental problems of complex human studies is carried out. The structure of the collection includes three parts.

The first part entitled «**Complex Human Studies**» is opened by **B.G. Yudin's** article «**On responsible conduct of research**». The author discusses professional responsibility of a researcher vis-à-vis scientific community and his/her social responsibility with regard to society. The latter nowadays becomes more and more urgent as science generates new powerful technologies exerting essential influence on wellbeing of humans and society. Some examples of dishonest conduct of researchers are presented; structural mechanisms of struggle against forgery, falsification or plagiarism in research are discussed.

The paper «**Life and power: bio-power in modern structures of medical help**» by **P.D. Tishchenko** is devoted to description of new devices of the bio-power. New bio-power structures, originate from transformations of basic structures of modern medicine, are embodied in new forms of mass bio-political technologies of subject – object differentiations and distinctions (self-identifications and identifications). Hypothetically, the space of modern medicine is presented by a combination of polymorphic structures of three models – medical, social and existential. Each of models offers the special scheme of making subjects and objects of suffering human beings by means of specific interpretations of medical help goals and procedures.

In the article by **R.R. Belyaletdinov** «**Ethical regulation of nanotechnologies: research ethics or nanoethics**» modern approaches to ethics of nanotechnologies are considered and examples of regulation of nanotechnologies are analyzed. Growth of nanotechnology researches and production of goods using nanotechnologies come along with realizing of new risks linked with implementation of nanotechnologies. Programs of ethical regulation of nanotechnologies fix directions, which have to be a subject of ethical considerations, but also make an impulse for discussions about effectiveness of current system of ethical expertise, de facto applied to evaluate research results in the field of nanotechnologies.

**F.G. Mailenova** shows different aspects (including ethical ones) of attitude to such phenomenon as emotional pain in her paper «**Influence of belief system on the attitude to pain**». Attitudes of a human beings to emotional

and bodily pain are quite different. Bodily pain can be taken as an object without identification your personality with it. Pain associated with body (when for example you have tooth pain or headache) is just a pain which can be cured of or borne. Frequently it is possible to abstract oneself from such kind of pain and think it as something separated from oneself. But mental patient is not human in the full sense, because his/her personality, image of the «I» are touched. Human beings with mental illness are disposed to identify themselves with emotional pain. They suffer and are unable to overcome this pain. He or she could end up with thoughts about inability to manage their life in whole. Psychotherapy tries to help mental patient to cure emotional pain using twofold treatment approach for such kind of pain. First approach suggests personal responsibility of the patient for both his/her pain and pain of others (this feature demonstrates relationship of this approach with existential ethics and philosophy). Another approach, based on years of practice and theory of psychoanalysis, on the contrary, puts the responsibility for emotional pain on others (gods, relatives, society, educational system etc). Analysis of ethical value of both approaches is offered in the paper.

In the article «**I.T.Frolov's view on the role of humanitarian values in scientific cognition**» written in cooperation by **G.L.Belkina** and **S.N.Korsakov** I.T.Frolov's approach is submitted in a context of modern discussions on parity of knowledge and values. According to this concept in knowledge which object became the person, values are included in "body" of a science and at a stage of statement of a problem, and at a choice of ways of knowledge and at use by a society of the results received by a science.

The second part of the book is titled «**History and methodology of humanitarian expertise**» starts by **P.D.Tishchenko's** paper «**Bioethics: case of archeology**». Concept «archeology» defines specificity of the philosophical analysis of bioethic's foundations based on system approach refusal. Aprioristic (applying for generality) and aposterioristic (depending on features of the way of promotion to them) possibility conditions of bioethical experience that incorporate multiplicity versions of bioethics are discussed.

The problems of relations of some principles of Zen Buddhism practice and psychotherapy, (it's the most mysterious part – hypnotherapy) is considered in the paper «**Modern hypnotherapy and Zen Buddhism**» by **F.G.Mailenova**. Zen Buddhism went to the field of practical psychotherapy in 50th of the last century. In those years there was no variety of psychotherapeutic schools and psychodynamic theory based on insight conception was everywhere. Zen Buddhism, pursuing action, looked like opposition to classical psychotherapy. Existing here-and-now being the main intention of Zen Buddhism practice also disagreed with permanent focus on past which is a feature of

psychoanalysis. Nevertheless it is possible to find something common even in such unlike systems. Indeed Zen Buddhism and Psychoanalysis go in the same direction trying to understand, interpret symbols and signs uncovered by the unconscious, and what is the most important issue – these two approaches give close attention to the processes occurring in the unconscious.

In the paper “**Transdisciplinary foundations of bioethical knowledge**” by **E.G.Grebenshchikova** the comparative analysis of bioethics and transdisciplinarity is presented. The considered approach allows to estimate efficiency of strategy of synthesis of disciplinary knowledge and sphere of the life world, to prove specificity of bioethical knowledge as phenomenon of the modern science, corresponding to Mode 2 production of knowledge. The resource of transdisciplinarity knowledge is still not to the full intelligent in the domestic philosophical tradition. At the same time the set of works of the western researchers is devoted to this phenomenon, its scientific potential and prospects of development. Communicative character of transdisciplinarity strategies coordinate with the directives of bioethical knowledge on interface of natural-science, cultural, social and everyday levels of participants «dialogue without generalization».

Principles of interval approach in bioethics as a possible methodology of humanitarian expertise is interpreted in the paper «**Interval approach and humanitarian expertise**» by **Viacheslav Moiseev**. The problem of antinomical character of bioethical discourse is investigated in the paper, the theme of so called “bioets” , antinomical principles lying in the field of intersection between biology and ethics, is considered. In connection with bioets, the theme of antinomies, special contradictions, which are not contradictions-errors, but express aspiration to connect two outwardly incompatible truths, is investigated. The criterion of difference between antinomies and formal-logic contradictions is formulated. Bioethical antinomical discourse is connected with ideas of interval approach. Importance of antinomical discourse and its resolutions in practice and the theory of humanitarian expertise is underlined. The idea of humanitarian expertise is connected with the problem of humanitarian norm. From this point of view, the brief review of the integral approach by American philosopher K. Wilber is given and some conclusions about formulation of possible principles of humanitarian norm are made.

The article «**Nanotechnologies and their estimation by students-biologists and students-physicists**» by **I.I.Ashmarin, G.B.Stepanova** looks upon nanotechnologies in the context of modern humanitarian problems. Nanotechnologies have been taken up at different contexts – natural sciences, societal dimensions and humanities. Applications and risk factors of nanotechnologies have been discussed.

The empirical results are shown concerning notions about nanotechnologies by both students of the faculty of biology of Moscow State University and students of Moscow Engineering Physics Institute. Their estimation of means of application and after-effects of nanotechnologies are shown as well. There was manifested students' standard of knowledge in such areas:

- Physics and biology background of nanotechnologies
- Application areas of nanotech
- Nanoproduction influence upon human health
- Risk assessment of nanotechnologies, risk factors for human

The third section of the issue “**Problems of Virtualistics**” represents to the reader research results of the working group “Virtualistics” .

**G.P.Yuryev** in the paper «**Theoretical substantiation NLP and ethical schizophrenia in paradigm of III signal system**» considers the theoretical substantiation of bioethical III signal system (III SS) which carries out the major communicative, regulating and operating functions for survival of the individual and socially-ethical achievements on way of individual vital trajectory. Multicomponent language of communications III SS forms the special thesaurus of metaphors, proverbs, sayings, allegories, gestures and their symbolical analogues is specific language of method of Neurolinguistic Programming (NLP) based on M.Ericson's communicatively-therapeutic model. Corrections of infringement I SS and II SS (on I.P.Pavlov) are known and given in. In development of model of G.Bateson on psychological schizophrenia resulted from “double message» in closely related communications, the author of the article proves model of ethical schizophrenia as universal infringement of function III SS with accordance of type of “bioethical mutations». Information on possibilities of objective measurement of some bioethical parameters III SS by means of methods known as «egoscopia» and «colorgraphy» are provided.

**M.A.Pronin** in the paper «**Vodka-management, or anthropology of russian feast**» discloses metaphysics of the Russian alcoholic table. Author suggests that almost all modern theoretical models of management, both Western, and domestic, in the system plan are characterized by a smaller variety, than spatial configurations of the Russian heart-felt table-talk.

The section is closed by the **Ya.B.Chesnov's** paper “**Mimesis and meta-corporality, and what else?**” which deal with the Number's symbols of Siberian peoples as a Model which order Cosmos and Human World, especially sexual relation.

English translation made by *R.R. Belyaletdinov*

## Об авторах

*Ашмарин Игорь Иванович* – кандидат физико-математических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора методологии междисциплинарных исследований человека Института философии РАН

*Белкина Галина Леонидовна* – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН

*Беляетдинов Роман Рифатович* – младший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН

*Гребениčkова Елена Георгиевна* – кандидат философских наук, доцент Курского государственного медицинского университета

*Корсаков Сергей Николаевич* – кандидат философских наук старший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН

*Майленова Фарида Габделхаковна* – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН

*Моисеев Вячеслав Иванович* – доктор философских наук, профессор, Заведующий кафедрой философии, биомедицинской этики и гуманитарных наук Московского государственного медико-стоматологического университета (МГМСУ), профессор кафедры истории и философии науки Института философии РАН

*Пронин Михаил Анатольевич* – кандидат медицинских наук, Ученый секретарь Института философии РАН, руководитель исследовательской группы «Виртуалистика» сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН

*Степанова Галина Борисовна* – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник сектора методологии междисциплинарных исследований человека Института философии РАН

*Тищенко Павел Дмитриевич* – доктор философских наук, заведующий сектором гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН

*Чеснов Ян Вениаминович* – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН

*Юдин Борис Григорьевич* – профессор, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, заведующий отделом Комплексных проблем изучения человека Института философии РАН

*Юрьев Георгий Петрович* – доктор медицинских наук, кандидат психологических наук, главный научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, психотерапевт высшей категории

## About authors

*Ashmarin Igor Iv.* – candidate of physical and mathematical sciences, senior lecturer, senior research associate, department of methodology of interdisciplinary humanitarian researches, Institute of Philosophy RASc

*Belyaletdinov Roman R.* – junior research associate, department of Humanitarian Review and Bioethics, Institute of Philosophy RASc

*Belkina Galina L.* – candidate of philosophical sciences, senior research associate, department of Humanitarian Review and Bioethics, Institute of Philosophy RASc

*Chesnov Jan V.* – candidate of philosophical sciences, leading research associate, department of Humanitarian Review and Bioethics, Institute of Philosophy RASc

*Grebenshchikova Elena G.* – candidate of philosophical sciences, senior lecturer, Kursk State Medical University

*Korsakov Sergey N.* – candidate of philosophical sciences, senior research associate, department of Humanitarian Review and Bioethics, Institute of Philosophy RASc

*Maylenova Farida G.* – doctor of philosophical sciences, leading research associate, department of Humanitarian Review and Bioethics, Institute of Philosophy RASc

*Moiseyev Vyacheslav Iv.* – doctor of philosophical sciences, professor, Head of the Chair of philosophy, biomedical ethics and the humanities of the Moscow State Medical Stomatological University, professor of the chair of History and philosophy of a science, Institute of Philosophy RASc

*Pronin Mikhail A.* – candidate of medical sciences, senior research associate, department of Humanitarian Review and Bioethics, Head of the department of virtualistic research, Executive Secretary, Institute of Philosophy RASc

*Stepanova Galina B.* – candidate of psychological sciences, senior research associate, department of methodology of interdisciplinary humanitarian researches, Institute of Philosophy RASc

*Tishchenko Pavel D.* – doctor of philosophical sciences, Head of the department of Humanitarian Review and Bioethics, Institute of Philosophy RASc

*Yudin Boris G.* – doctor of philosophical sciences, professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences, Head of the Department of the Comprehensive Problems of Human Studies, Institute of Philosophy, RAS.

*Yuryev Georgiy P.* – doctor of philosophical sciences, candidate of psychological sciences, leading research associate, Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, department of Humanitarian Review and Bioethics, Institute of Philosophy RASc, psychotherapist of the highest category

Научное издание

## **Биоэтика и гуманитарная экспертиза Выпуск 4**

*Утверждено к печати Ученым советом  
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректоры: *Е.Н. Дудко*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 21.06.10.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 16,00. Уч.-изд. л. 12,75. Тираж 500 экз. Заказ № 014.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14/1, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии: [iph.ras.ru](http://iph.ras.ru)